

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Е. А. Бардамова

ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Монография

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2019

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2+81.053.1
Б 247

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета

Книга размещена в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Рецензенты

Г. А. Дырхеева, доктор филологических наук, профессор
Д. Ш. Харанутова, доктор филологических наук, доцент
В. М. Егодурова, доктор филологических наук, доцент

Бардамова Е. А.

Б 247 **Фрагменты русской концептосферы:** монография. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2019. — 172 с.
ISBN 978-5-9793-1434-1

Монография посвящена описанию особенностей осмысления и отражения в русской языковой картине мира двух онтологических категорий — пространства и времени, отражающих мировидение и миропонимание русского человека. В книге анализируются пространственные и временные лингвокультурные концепты Угол, Линия, Степь, Времена, Завтра, закрепленные в языковом сознании, особенность которых заключается в том, что на их базе язык моделирует физические, социальные, аксиологические, бытовые смыслы и абстрактные идеи.

Книга адресована преподавателям, аспирантам, студентам-филологам, этнографам и культурологам — всем, кто интересуется проблемами языка, культуры и когниции.

Bardamova E. A.

Fragments of the Russian concept sphere: monograph. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2019. — 172 p.
ISBN 978-5-9793-1434-1

The study is devoted to describing the features of comprehension and reflection in the Russian language picture of the world of two ontological categories — space and time, reflecting the worldviews and worldviews of Russian people. The book analyzes spatial and temporal linguistic and cultural concepts of Angle, Line, Steppe, Times, Tomorrow, fixed in the linguistic consciousness, the peculiarity of which is that on their basis the language models physical, social, axiological, everyday meanings and abstract ideas.

The book is addressed to teachers, graduate students, philology students, ethnographers and cultural scientists — everyone who is interested in the problems of language, culture and cognition.

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2+81.053.1

DOI 10.18101/978-5-9793-1434-1-2019-1-172

ISBN 978-5-9793-1434-1

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2019

Продолжительность времени зависит от нашего настроения.
Размеры пространства обусловлены нашим сознанием.
Хун Цзычен

Человек понял двойственность явлений природы и собственного существования. Осознал, что, с одной стороны, он как индивидуальность очень мал и мимолетен в жизни, подобен капле в океане или маленькой искорке, гаснущей на ветру. А с другой — необъятно велик, как Вселенная, обнимаемая его рассудком и чувствами во всей бесконечности времени и пространства.
И. А. Ефремов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность исследования изложенных в монографии научных проблем определяется возросшим интересом к установлению этнокультурной информации, аккумулированной и зафиксированной в языке. Используемая в ходе изучения методика концептуального анализа языка позволяет выявить и установить дифференциальные семантические признаки фрагментов языковой картины мира, хранящихся в языке и демонстрирующих когнитивные модели познания и осмысления окружающего мира. По справедливому замечанию М. В. Пименовой, в языковой картине мира отражаются «мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированные в языковых формах, ограниченные рамками консервативной национальной культуры этого народа» [Пименова, 2007, с. 15].

Тот факт, что каждый язык демонстрирует свое видение мира, отличное от других, ближних или дальних этнических коллективов, способствовал тому, что чаще всего в центре внимания современных лингвистических исследований находится не структура языка и

ее описание, сколько сами процессы моделирования и репрезентации знаний в языке, проблемы взаимодействия языка и культуры, вопросы когнитивной функции языка во всех ее проявлениях, особенности образа мышления и словесного обозначения предметов и понятий.

В предложенной вашему вниманию работе рассматриваются средства и способы отражения в русском языке процессов осмысления и категоризации пространства и времени. Общеизвестный факт, что пространство и время — онтологические категории. Пространство является той средой, без которой человек себя не мыслит, топология которой становится релевантной для национального сознания [Талми, 1983]. Восприятие, концептуализация и объективация в языке любого объекта внеязыковой действительности осуществляется чаще всего при помощи пространственной лексики, языковое сознание выбирает ее в качестве образов и знаков для обозначения в том числе и непространственных сущностей. Справедливо в этом смысле заключение Ю. М. Лотмана о том, что всякая модель культуры может быть описана в «пространственных терминах» [1968, с. 406]. Нами выделены и описаны несколько фрагментов пространства русской языковой картины мира, которые, на наш взгляд, представляются специфическими и интересны с точки зрения выявляемой этнолингвистической информации. В центре нашего исследования, которое в большей степени может быть отнесено к лингвокогнитологии, находятся вопросы осмысления и концептуализации пространства, разрабатываются проблемы его описания и применения пространственных идей в других семантических полях. В качестве предмета изучения было выбрано семантическое содержание следующих пространственных и временных фрагментов: *угол, линия, степь, времена, завтра* и др.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ

Язык как знаковая система выполняет сложные функции коммуникации членов языкового сообщества. В языке отражается практический опыт человека, формирование которого обусловлено объективными условиями существования языка. Результаты номинации предметов, явлений, ситуаций окружающего мира демонстрируют ментальные процессы их восприятия и осмысления. Зачастую человек говорящий наделяет лексические единицы дополнительными смыслами, в результате чего последние могут приобретать символическую природу. Колесов справедливо писал, что «Значение вновь образованного слова всегда определяется значением производящего слова. Но как только слово станет самостоятельным, отделяется от родительского, войдёт в семью родственных по значению и по форме, его сразу же поставят на его собственное место» [Колесов, 1976, с. 91]. Изучая семантику слова, его лексический состав, лингвистика задумывается о выявлении специфики русской ментальности, ее уникальности, поскольку анализ лексического состава позволяет выйти на уровень особенностей народного характера и национального мировоззрения. Сравним с утверждениями Э. Сепира: «Язык — символическое руководство к пониманию культуры»; «лексика — очень чувствительный показатель культуры народа» [Сепир, 2002, с. 243].

В каждом естественном языке существуют так называемые ключевые слова — слова, «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [Вежбицкая, 1996, с. 282]. Являясь коренными словами того или иного языка, ключевые слова и воплощенные в них концепты (понятия, образы, символы) отражают различные культурные идеалы, национальный характер и национальные

идеи. Они сохраняют в своем значении опыт народа, его нравственную позицию, его, как принято говорить, менталитет [Колесов, 2004, с. 112]. Под ментальностью, по В. В. Колесову, понимается, «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Там же, с. 81]. Понятие ментальность, или менталитет, этимологически связанное с латинским словом *mens, mentis* («мышление; образ мыслей; душевный склад», даже «сознание» или «совесть»), постоянно расширяло свой смысл в соответствии с исходными значениями латинского слова, постепенно насыщаясь символическими значениями [Там же, с. 138].

Описание ключевых слов позволяет получить сведения о русской пространственной и временной языковой картине мира. Объектом описания настоящей монографии являются ключевые единицы языка, лингвокультурологические концепты, актуализирующие идеи пространства и времени.

Теоретико-методологической базой явились труды современных лингвистов, посвященные проблемам русской ментальности и ее отражению в слове, описывающие русский национальный характер в тесной взаимосвязи (парадигмах) языка и культуры: работы Анны Вежбицкой [1996], В. В. Колесова [2002], труды Ю. С. Степанова [1997, 2007]; исследования современных лингвистов, посвященные проблемам изучения русской языковой картины мира, ее национальной специфики: Ю. Н. Караулова [2010]; исследование Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева [1997], работа З. Д. Поповой и И. А. Стернина [2003, 2006, 2007]; исследования В. И. Карасика [2002].

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО СПОСОБА УСТРОЙСТВА МИРА

Описание ключевых пространственных и временных концептов рассматривается в аспекте русской картины мира. Картина мира является одним из центральных понятий многих наук на современном этапе развития человечества.

Впервые термин «картина мира» был употреблен в трудах выдающихся ученых XIX века — Г. Герца [1914, с. 65–123], М. Планка [1966, с. 25–43], А. Эйнштейна [1967]. А. Эйнштейн писал: «Человек стремится каким-то адекватным образом создать себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, философ, естествоиспытатель, и каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни» [Эйнштейн, 1967, с. 136].

По мнению А. Я. Гуревича, под картиной мира понимаются представления о мире, сформированные в процессе его постижения: «в центре внимания будут стоять, собственно, не идеология средневековья, не сознательное мировоззрение людей, обусловленное их социальным статусом, а те представления о мире, которые не всегда ими ясно осознавались, а поэтому и далеко не полностью идеологизировались. Когда мы говорим о переживании таких категорий, как время, пространство, право и т. п., то предполагаем относительно непосредственное к ним отношение... мы стремимся вскрыть интересующие нас культурные элементы не столько на уровне идеоло-

гическом, сколько на уровне социально-психологическом, в сфере мироощущения, а не миропонимания, хотя осознаем, в какой мере обе эти сферы взаимосвязаны бесчисленными переходами и переживаниями» [Гуревич, 1984, с. 23].

Авторы серии монографий «Человеческий фактор в языке» картиной мира называют способ мировидения. Так, В. И. Постовалова пишет: «Наиболее адекватным пониманием картины мира представляется определение ее как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [Постовалова, 1998, с. 21].

В определении, предложенном В. Н. Топоровым, акцент переносится на систему представлений о мире: «В самом общем виде модель мира определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах. Модель мира не относится к числу понятий эмпирического уровня (носители данной традиции могут не осознавать модель мира во всей ее полноте). Системность и операционный характер модели мира дают возможность на синхронном уровне решить проблему тождества (различия инвариантных и вариантных отношений), а на диахроническом уровне установить зависимость между элементами системы и их потенциальными историческими развитиями...» [Топоров, 1980, с. 161–166]. Важным в определении изучаемого термина ученый видит проблему теоретического осмысления реалий картины мира и отражения в языковом сознании.

Исследования языковой картины мира тесно связаны с проблемой «языка и мышления». Еще в трудах В. фон Гумбольдта отмечалось, что язык является посредником между реальностью и внутренним миром человека: «Отразившись в человеке, мир становится

языком, который, став между обоими, связывает мир с человеком и позволяет человеку плодотворно воздействовать на мир» [Гумбольдт, 1984, с. 198]. Для его последователей картина мира есть реально существующая объективная действительность, которую воспринимает человеческое сознание и специфично отражает в языке и культуре.

В рамках семиотики проблема картины мира рассматривается при изучении первичных моделирующих систем (языка) и вторичных моделирующих систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, живописи, архитектуры и т. д.). Модель мира понималась как образ мира, получаемый в результате перекодирования воспринимаемых сигналов — первичных данных, фиксируемых приборами (искусственными или органическими, то есть рецепторами), и вторичных данных, являющихся результатом перекодирования первичных данных [Постовалова, 1988, с. 8].

Мысль о существовании особого языкового мировидения как научно-философская проблема была сформулирована в работах В. фон Гумбольдта. Теоретическое ядро его концепции составляет тезис о неразрывной связи человека и языка, их диалектической взаимосвязи. Согласно Гумбольдту, язык представляет собой промежуточный мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека: «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа...» [Гумбольдт, 1984, с. 349].

Лингвисты подчеркивают, что картина мира не может быть реконструирована на основе признаков, которыми произвольно наделяются те или иные этнические сообщества. По мнению, Е. В. Падучевой, «нельзя на естественном языке описать "мир как он есть":

язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык — свою. ...При этом в языке отражаются не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера его носителей. ...Задача отыскания в том или ином языке черт, а priori приписываемых соответствующему национальному характеру, безнадежна и не представляет большого интереса. ...Сведения о национальном характере оказываются результатом лингвистического анализа, а не его исходной предпосылкой» [Падучева, 1996, с. 5; 21].

Как справедливо отмечает Г. В. Колшанский, в языке «закрепляется все разнообразие творческой познавательной деятельности человека (социальной и индивидуальной)», которая заключается именно в том, что «он в соответствии с необозримым количеством условий, являющихся стимулом в его направленном познании, каждый раз выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и явлений и их связей. Именно этот человеческий фактор наглядно просматривается во всех языковых образованиях как в норме, так и в его отклонениях и индивидуальных стилях» [Колшанский, 1990, с. 33].

По мнению О. А. Корнилова, при описании картины мира предполагается выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку и предусматривается введение двух императивов в научный обиход понятия «картина мира» — культурологического и лингвистического [Корнилов, 2003, с. 76].

А. А. Залевская придерживается точки зрения, что языковая картина мира должна изучаться в аспекте традиционной культуры: «Как бы то ни было, нельзя не признать, что постепенно происходит осознание необходимости решительной переориентации подобных исследований с сопоставительного анализа языковых систем на изучение национально-культурной специфики реального функционирования языка и увязываемых с ним культурных ценностей, язы-

кового сознания, языковой/лингвокультурной компетенции и т. п. <...> При этом должно произойти своеобразное возвращение разных наук из заоблачных высот абстрагирования и от препарирования оторванных от человека продуктов такого абстрагирования к живому человеку, функционирующему в реальных условиях культуры» [Залевская, 2003, с. 44].

Лингвокультурологический подход предполагает изучение взаимодействия языка и культуры, при этом важно понимать, что в фокусе внимания исследователей в первую очередь находятся факты языка, но не факты истории и культурологии. В данном случае задачей лингвокультурологического исследования выступают условия формирования культурного конструкта [Брагина, 1999, с. 131]. Е. Ф. Тарасов сформулировал такой подход следующим образом: «Отношения языка и культуры могут быть адекватно поняты только в контексте более широкой проблемы, которую условно можно было бы обозначить как “человек и культура”» [Тарасов, 2000, с. 45].

В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено. Оно есть «этническое отношение к миру, система этнических смыслов и отношений их значений» [Сорокин, 2001, с. 33].

В. Г. Гак предлагал различать национальную и культурную специфику. Национальная специфика проявляется во всех сферах духовной и материальной культуры, не является исключением и естественный язык, который представляет собой составную и неотъемлемую часть культуры. Проблемы национальной специфики получили свое рассмотрение в работах Р. А. Будагова [1970, 1972], Е. М. Верещагина [1980, 1983, 2005], В. Г. Гака [1998, 1999, 2000], Л. П. Крысина [1989, 2008] и др. Национальные особенности связаны со спецификой осмысления и отражения внеязыковой действительности в языке и чаще всего, по мнению В. А. Масловой, обна-

руживаются «во внутренней форме слова, предложения, суждения, изменениях смысловой стороны слова, переносных его употреблений, эмоциональной нагрузке слова, нюансах его индивидуального использования» [Маслова, 1997, с. 35]. Культурная составляющая формируется в результате влияния материальной и духовной культуры носителей языка, его истории, верований, традиций и естественных условий жизни.

Национальная языковая картина мира соответствует национальной ментальности и находит репрезентацию в ключевых концептах, понятиях, образах, символах. Высшие цели, к которым стремятся члены языкового сообщества, преобладающие идеалы могут изменяться с течением времени, но сохраняют свою аксиологию и значимость в языке. В связи с данным положением когнитивно-семантическое изучение лексических единиц дает возможность исследовать национальное сознание на материале языка, выявить специфику национальной концептосферы, ее содержание в ходе когнитивной интерпретации. Эту мысль в российской лингвистике высказал и обосновал А. А. Потебня. «Слово выражает не все содержание понятия, а один из его признаков, — писал он, — именно тот, который представляется народному воззрению важнейшим» [Потебня, 1999, с. 285].

В настоящее время существует несколько направлений изучения языковой картины мира. Первичное представление о картине мира зародилось в недрах философии. Философский подход к описанию картины мира основан на онтологическом (познавательном) отношении человека к миру, основной целью которого — формирование обобщенного целостного представления о структуре действительности, способах ее функционирования и изменения, сложившегося на основе исходных мировоззренческих принципов на определенном этапе развития. Основная проблема лингвофилософского направления, яркими представителями которого являются

Г. А. Брутян, Б. А. Серебренников, Г. В. Колшанский и др., — изучение соотношения и взаимовлияния языковой и понятийной картин мира. С. И. Мельник, А. М. Шахнарович следующим образом определили сущность лингвофилософского подхода: «В какой мере объективная действительность отражается в языке? Как это отражение корреспондирует с тем субъективным образом объективного мира, который складывается в сознании субъекта и становится способом (и средством) ориентации в реальной действительности? Каковы креативные возможности системы языка?» [Мельник, Шахнарович, 1990, с. 7].

В рамках психологического направления Р. И. Павиленис, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев и другие исследователи рассматривают языковую картину миру как концептуальную систему: «Естественный язык, символически фиксируя определенные концепты концептуальной системы мира, дает возможность, манипулируя на основе усвоения и по мере построения концепта... манипулировать концептами системы. Это значит — строить в ней в соответствии с фундаментальным принципом интерпретации новые концептуальные структуры, которые континуально, но опосредованно — через другие концепты и их структуры — соотнесены с концептами, отражающими актуальный познавательный опыт индивида» [Павиленис, 1983, с. 114]. «Усвоение вербальной символики служит необходимым условием построения такой информации, которая существенно расширяет границы познания и понимания мира носителей КС и служит необходимым условием их коммуникации, социальной ориентации индивидуальных концептуальных систем в сторону социально значимой картины мира» [Там же, с. 98].

В работах авторов этнолингвистического подхода (Н. И. Толстой, Н. Д. Арутюнова, С. М. Толстая, В. Н. Топоров и др.) утверждается, что «формирование живого языкового сознания, духовной индивидуальности нации подвластно логическим схемам обыден-

ного мышления, встроенным в язык этого народа» [Арутюнова, 1999, с. 793]. «Изучая проблемы норм и аномалий в русском языке, Н. Д. Арутюнова приходит к выводу, что отклоняющийся от нормы жизненный материал, репрезентируемый в языковой форме, ведет к развитию языковой картины мира. Человек воспринимает мир и фиксирует аномальные явления, описывающие специфику его бытия и культуры, в родном языке» [Чижова, 2011, с. 5].

Другим направлением, лингвокультурологическим (Ю. С. Степанов, В. В. Воробьев, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. М. Шаклеин и др.), языковая картина мира рассматривается в аспекте проблемы языка и культуры. Как считает А. Е. Гуревич, мир культуры образует в данном обществе и в данной исторической эпохе некую «глобальность». Это «как бы воздух, которым дышат все члены общества, та невидимая всеобъемлющая среда, в которую они погружены. Поэтому любой поступок, ими совершаемый, побуждение или мысль, возникшие в их головах, неизбежно получали свою окраску в этой всепроникающей среде» [Гуревич, 1984, с. 11]. В.В. Колесов подчеркивает, что «язык воплощает и национальный характер и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [Колесов, 1995, с. 15].

Ю. Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее «наивной картиной». «Языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их (см. научное значение и языковое толкование таких слов, как атом, точка, свет, тепло и т. д.). Изучая семантику этих слов, можно выявить специфику когнитивных (мыслительных) моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира» [Апресян, 1996, с. 257]. Отражаемая национальным обыденным сознанием, эта картина мира запечатлевается его носителями в некотором целостном, относительно устойчивом во времени состоянии, фактически явля-

ощемся «продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [Караулов, 1987, с. 42]. Однако наивная картина мира отнюдь не примитивна. Во многих деталях она не уступает по сложности научной картине мира, а может быть, и превосходит ее [Апресян, 1999, с. 630].

В национальной языковой картине мира находят отражение национальный характер и национальный менталитет. Национальный характер, по мнению Д. Мацумото, — это индигенная личность, наделенная особенностями, «выработанными в рамках какой-либо отдельной культуры и характерными, а также адекватными только для данной культуры» [Мацумото, 2008, с. 518]. Г. Г. Шпет полагал, что «национальный характер — душа народа, которую отличает единство переживаний (то общее в их переживаниях как “откликах” на происходящее перед их глазами, умами, сердцем), общность отношений к им же “созданным” духовным ценностям, типичные коллективные реакции индивидов на сходные условия жизни» [Шпет, 1996, с. 111]. Под национальным менталитетом понимается «система мировоззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах, и моделях поведения в конкретных обстоятельствах» [Лурье, 1998, с. 228].

Современная парадигма научного и лингвистического знания характеризуется антропологическим подходом к процессу познания. В. В. Красных справедливо считает, что «антропостремительные тенденции в научных исследованиях (причем не только в гуманитарных), и антропоцентризм научных подходов, и развитие дисциплин, так или иначе связанных с изучением человека... далеко не случайны» [Красных, 2003, с. 8]. Интерес к феномену человека, разработка различных подходов к его изучению и описанию традиционно наблюдались в философских теориях. Антропологизм, являясь философским принципом, постепенно «перерастает границы

философского дискурса... и становится общемировоззренческой характеристикой современной эпохи» [Сайкина, 2011, с. 119–132]. По мнению М. Шелера, «задача философской антропологии — точно показать, как из основной структуры человеческого бытия... вытекают все специфические монополии, свершения и дела человека: язык, совесть, инструменты, оружие, идеи праведного и неправедного, государство, руководство, изобразительные функции искусства, миф, религия, наука, истинность и общественность» [Шелер, 1988, с. 34]. За языком закреплена роль фундамента и базиса культуры, язык является составляющей частью культуры и одновременно транслятором символов, норм, традиций, моделей поведения, совокупности знаний, религиозных идей, ценностных установок и др. С. Г. Тер-Минасова определяет язык как «сокровищницу, кладовую, копилку культуры», хранящую культурные ценности — в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе и т. д. [Тер-Минасова, 2000, с. 9–13]. Язык отражает действительность и создает картину мира, уникальную для речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения. Е. С. Кубрякова высказывает мнение о том, что «языковая картина мира... рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т. е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [Кубрякова, 1988, с. 169]. В языковой картине мира «совокупность представлений о мире, заключенных в значениях разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Зализняк Анна А. и др., 2005, с. 9].

Описание языковой картины мира предполагает изучение смысла, «существующего в человеке и для человека» [Фрумкина, 1992, с. 30; 89]. Семантика языковых знаков представляет собой определенные структуры знаний. В лингвистике для обозначения данных структур выбран термин «концепт». Как отмечает С. Г. Воркачев, «в конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе» с начала 90-х гг. прошлого века «столкнулись термины “концепт” (впервые термин *концепт* употребил в 1928 г. С. А. Аскольдов-Алексеев, позже — Н. Д. Арутюнова, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. П. Нерознак и др.), “лингвокультураема” (В. В. Воробьев), “мифологема” (В. Н. Базылев, М. Ляхтеэнмяки), “логоэпистема” (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался “концепт”, по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [Воркачев, 2004, с. 41].

Анализ основных единиц семантического пространства языка, концептов, по словам Е. С. Кубряковой, позволяет ответить на вопрос, к «...каким оперативным единицам нашего сознания или же ментальным в нем репрезентациям они соответствуют» [Кубрякова, 2000, с. 84]. Ученый пишет, что «ключ к пониманию мыслительных категорий и категорий нашего опыта лежит в анализе языковых данных — ведь именно они отражают и объективируют то, что уже подверглось когнитивной обработке человеческим разумом» [Кубрякова, 2000, с. 84].

Действительно, в настоящее время термин *концепт* можно считать общепринятым, однако нет среди исследователей единого толкования содержательной составляющей данного термина. В данной работе за исходное и данное приняты обобщения по данной проблеме, изложенные в трудах исследователей З. Д. Поповой и И. А. Стернина и отражающие концепцию Воронежской теоретико-

лингвистической научной школы. Под концептом понимают глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания, некую идеальную сущность, формирующуюся в сознании человека. «Концепт, — отмечают лингвисты, — рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня последней концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный» [Попова, Стернин, 1999, с. 4].

Ю. С. Степанов выделял в структуре концепта несколько слоев: 1) «буквальный смысл», или «внутреннюю форму»; 2) «пассивный», или «исторический», слой; 3) актуальный и активный слой [Степанов, 1995, с. 5].

В. И. Карасик называет актуальным в характеристике концепта ментальность и комплексность бытования, его распространенность на различные сферы человеческого бытия, а также обращает внимание на понятийный, образный и аксиологический компоненты его содержания, которые отражают опыт носителя языка в процессе освоения внеязыковой действительности и определяются национальной культурой [Карасик, 1996, с. 6; 2005, с. 3].

Петербургский ученый В. В. Колесов считает, что «именно в слове соединяются образ, понятие, символ. Концепт же данной культуры представляется в границах словесного знака и языка в целом в своих содержательных формах как образ, как понятие, как символ» [Колесов, 1999, с. 34]. В концепте, по мнению исследователя, «есть диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений смыслов словесного знака как выражение неопределенной сущности бытия в неопределенной сфере сознания» [Колесов, 2004, с. 10].

В трактовке Н. Д. Арутюновой концепт представляет собой «понятие практической философии, отражающее различные факторы

реальной действительности», к которым, по мнению автора, относятся фольклор, религия, национальные традиции, приоритеты и ценности [Арутюнова, 1993, с. 3–6].

Д. С. Лихачев дает следующее определение: «Концепт есть мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». Он считает, что концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека [Лихачев, 1993, с. 4].

С позиции зарубежной когнитивной лингвистики концепт понимается как ментальная сущность, регулирующая их социальное и речевое поведение [Johnson-Laird, 1983, с. 416], представление, мысль или ментальное образование, с помощью которого разум постигает или познает окружающее [Lyons, 1977, с. 110]. Для Ельмслева «язык — инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей... Это богатство памяти, унаследованное личностью и племенем, бодрствующее сознание которого напоминает и предостерегает» [Ельмслев, 1999, с. 131].

Важным в понимании и описании концепта, по мнению А. П. Бабушкина, является «чистый смысл, не обретший языковой формы, первосмысл, первообраз», лежащий в основе категоризации и концептуализации объективного мира [Бабушкин, 1996, с. 34].

Г. Г. Слышкин ввел в научный оборот понятия номинативной плотности и метафорической диффузности концепта, а также вопрос об ассоциативных связях концепта [Слышкин, 2004, с. 51–67].

З. Д. Попова, И. А. Стернин считают, что концепт — это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат

познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 1999, с. 4]. Отдельные концепты образуют национальную концептосферу, представляющую «область мыслительных образов, единиц УПК, представляющих собой структурированное знание людей» [Попова, Стернин, 1999, с. 18]. Д. С. Лихачев, автор термина «концептосфера», считал, что «совокупность концептов нации... образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера национального языка» [Лихачев, 1993, с. 5].

Наиболее распространенное в современной лингвистике понимание концепта предложено в «Кратком словаре когнитивных терминов»: концепт — «это термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ, 1997, с. 90].

Анализ лингвистической литературы показал, что концепт наделен многомерной структурой, в которую включают «помимо понятийной основы социо-, психокультурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им (она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные коннотации, присущие данной культуре)» [Маслова, 2007, с. 36].

Концептами становятся далеко не все имена-обозначения явлений действительности, а только те, которые для данной культу-

ры представляют наибольшую ценность, имеют максимальное количество языковых единиц для своего выражения (лексических, фразеологических, паремиологических и др.), служат темой многочисленных пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов, «являются своего рода символами, эмблемами, определенно указывающими на породивший их текст, ситуацию, знания». Кроме того, как правило, одно слово не может быть признано тождественным, равным концепту» [Телия, 1996, с. 145].

Результаты лингвистических изысканий, основанные на современных методах изучения лексической семантики, позволяют сделать выводы о том, что значение большого числа лексических единиц включает в себя лингвоспецифичные идеи осмысления, категоризации и концептуализации окружающего мира. При этом результаты осмысления и объективации в языке демонстрируют национально-культурные представления, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир. В других случаях когнитивно-семантический анализ верифицирует наблюдения этнокультурологов, полученные без привлечения лингвистических данных. Когнитивно-семантический анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд идей и важные черты русского видения мира и русской культуры. Таким образом, пользуясь словами, содержащими лингвоспецифические идеи русской языковой картины мира, носитель языка принимает и заключенный в них взгляд на мир.

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их ключевых идей. «Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах, как *душа, судьба, тоска, счастье, семья, дом* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются лингвоспецифичными... в том смысле, что

для них трудно найти лексические аналоги в других языках» [Зализняк, Левонтина, 2005, с. 10].

Подводя итоги рассмотрению понятия *концепт*, можно сказать, что в современной отечественной лингвистике существует несколько подходов к рассмотрению и его описанию.

Философский, или логический, подход к трактовке концепта (Н. Н. Болдырев, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова др.) означает, что концепт рассматривается как некое смысловое образование, способное синтезировать знания из разных областей.

Лингвокогнитивный подход предполагает, что под концептом понимают «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона». Представители данного направления (Е. С. Кубряков, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. З. Демьянков, Д. С. Лихачев и др.) ставят своей задачей выявление категориальных и ценностных характеристик знаний о некоторых фрагментах мира [Попова, Стернин, 2001], признаков этнического менталитета.

Для психолингвистического направления характерно рассмотрение концепта как «перцептивно-когнитивного-аффективного образования динамического характера», объединяющего в один набор целую сеть активированных нейронных ансамблей разных участков мозга, в «многомерную симультанную структуру» [Залевская, 2005]. По мнению Л. О. Чернейко и А. П. Бабушкина, важен результат семиозиса, обобщенный образ слова как инвариантный смысл семантического поля.

Лингвокультурологи в концепте наблюдают «сгусток культуры» (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, С. Г. Воркачев), описание концепта в соответствии с таким подходом означает изучение единиц языка с целью исследования составных элементов культуры, воссоздание отличительных семантических признаков культурных концептов. В концепте подразумеваются понятийный и

культурный слой, последний, в свою очередь, помимо культурно-фоновой составляющей предполагает ценностный компонент.

Реконструкция концепта, по мнению представителей различных точек зрения на концепт, предусматривает разные процедуры описания. Концептуальный анализ не является одним методом анализа концептуальной сущности, существует несколько исследовательских приемов для экспликации его содержания. По свидетельству Р. М. Фрумкиной, «между разными авторами нет согласия в том, каков набор процедур, которые следует считать концептуальным анализом, но нет согласия и в том, что же следует считать результатом» [Фрумкина, 1995, с. 96].

К одному из таких приемов можно отнести практику выявления семантических универсалий или прототипов [Рош Э., 1976; Филмор Ч., 1975; Лакофф Дж., 1973; Джонсон М., 1992; Вежбицкая А., 1977, 1999 и др.].

Э. Бенвенистом в книге «Общая лингвистика» был предложен метод концептуального анализа, основанный на изучении всей совокупности лексических употреблений с последующей их интерпретацией смысловых различий [Бенвенист, 1974, с. 18].

Концептуальный анализ подразумевает использование целого комплекса приемов и методик. Ю. С. Степанов полагал, что проведение такого анализа направлено на определение структуры концепта, которая состоит из нескольких слоев: внутренней формы имени концепта, его исторической составляющей и актуального (современного) слоя на большом количестве лингвистического и культурного материала [Степанов, 1997, с. 55].

Лингвокогнитологи реконструируют концепт на основе следующего алгоритма:

– анализ словарных дефиниций, определяющий ядерную и периферийную семантические зоны;

- этимологический анализ, позволяющий обнаружить признак, положенный в основу номинации;
- синтагматические потенции изучаемого имени, проливающие свет на фоновые семантические признаки содержания концепта, его глубинных ассоциативных смыслов;
- изучение паремий и фразеологизмов конкретного языка с целью выявления прототипических значений, а также метафорических импликаций, являющихся ключом к пониманию ментальных процессов постижения сложных абстрактных сущностей.

Для реконструкции концепта нередко применяется результаты ассоциативного эксперимента, который позволяет максимально приблизиться к содержанию концепта, стереотипам языкового сознания. В работах Е. С. Кубряковой [2004], А. А. Леонтьева [1977, 2010], З. Д. Поповой, И. А. Стернина [2010] не раз доказана эффективность методики ассоциативного эксперимента для определения универсальных и специфических особенностей языков, регулярных закономерностей ассоциирования и оценок, семантических связей слов, черт национального менталитета.

Общим в концептуальном анализе для разных школ является установление понятийного и образного компонентов концепта, дополнительно В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин рекомендуют определить аксиологическую составляющую, М. М. Никитин — когнитивный и прагматический импликационал, З. Д. Попова и И. А. Стернин — интерпретационное поле, под которым понимается некое обобщение, полученное в результате интерпретации информационного, образного компонентов и выявления энциклопедической, утилитарной, паремиологической, социально-культурной, оценочной зон.

В практике концептуального анализа используется также анализ синонимов и дериватов ключевого слова, анализ текстов в разных типах дискурсов.

Для методики концептуального анализа, предложенной В. И. Карасиком, характерно использование следующей практики [Карасик, 2002, с. 131]:

- дефиниционный анализ;
- контекстный анализ;
- этимологический анализ;
- паремиологический анализ;
- анкетирование и интервьюирование.

Н. Д. Арутюнова сформулировала ряд принципов семантического моделирования концептов, среди которых названы следующие: 1) сбор атрибутов, указывающих на принадлежность к тому или иному концептуальному полю, 2) определения, обусловленные методом в системе ценностей, 3) указание на функции в жизни человека [Арутюнова, 1991, с. 3–4].

Для установления смыслового объема концепта, по мнению В. А. Масловой, необходимо:

- 1) определить референтную ситуацию, к которой принадлежит данный концепт, а при наличии художественного текста эта операция производится на его основе;
- 2) установить место данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации с помощью энциклопедических словарей;
- 3) обратиться к этимологии для учета ее особенностей;
- 4) привлечь к анализу разные контексты, включающие репрезентанты анализируемого концепта, в которых задействованы тончайшие смысловые нюансы, индивидуально-авторские импликации, поскольку словарные толкования дают лишь самое общее представление о значении слова, а энциклопедические словари — понятия. Экспликация индивидуально-авторских (приращенных) смыслов даст полное представление о значении данного концепта в кон-

цептосфере конкретного поэта, позволит выявить различные концептуальные смыслы;

5) если для анализа выбран важный концепт культуры, то он должен быть многократно повторен и проинтерпретирован в живописи, музыке, скульптуре и т. д. Такой анализ необходим при выявлении культурных концептов и составлении словаря концептов всей русской культуры [Маслова, 2004, с. 30].

В настоящей работе применяется методика концептуального анализа, предложенная З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, согласно которой предполагается последовательное установление дефиниционного своеобразия ключевого имени концепта, с целью определения основных семантических его классификаторов, установление лексико-семантического поля его объективации, проведение ассоциативного эксперимента для верификации семантического содержания и когнитивных признаков концепта, интерпретации всех компонентов исследования.

Настоящая работа посвящена описанию ключевых идей временной и пространственной картины мира, отраженных в русском языке. Так, в фокусе внимания находятся пространственные смыслы, репрезентируемые ключевыми именами *линия*, *угол*, *пустота*. Временной фрагмент русской ЯКМ представлен концептами темпоральной лексики.

Глава 1

КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ РУССКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1 Пространственный концепт *линия*

Анализ словарных дефиниций слова *линия*

Семантика слова, отраженная в словарных дефинициях, универсальна и может служить разным целям. В нашем исследовании лексема *линия* является языковым репрезентантом концепта *линия*. Для того чтобы описать концепт, в первую очередь нужно описать его структуру, выявив когнитивные слои, а сделать это можно через лексико-семантические варианты репрезентирующего слова *линия*.

Материалом для анализа послужили толковые словари русского языка: это два наиболее полных и точных академических словаря — «Словарь современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) [2007], «Словарь русского языка» в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой [1981–1984], «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова [2007], «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [1938] и «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [2001].

В «Словаре современного русского литературного языка» слово *линия* имеет следующие лексико-семантические варианты [ССРЛЯ, 2007, с. 201–204]:

1. В математике — граница поверхности, имеющая только одно измерение — длину. Прямая линия, ломаная. // Воображаемая черта, соединяющая две точки или являющаяся границей пересечения

двух поверхностей. *Линия горизонта. Линия экватора. Линия полета снаряда.*

2. Черта, узкая полоса, проведенная на какой-либо поверхности от одной точки к другой.

3. Черта, определяющая направление, предел, уровень чего-либо. *Линия прицела. На линии огня. Снеговая линия.*

4. Устар. Граница, рубеж; ряд укреплений на такой границе. Прим. *Жизнь обитателей передовых крепостей на чеченской линии шла по-старому.*

5. Длинный ряд, цепь кого-либо, чего-либо; расположение кого-, чего-либо в один ряд. Прим. *Линия укреплений, окопов, траншей. Линия обороны. Линия фронта.*

6. Путь сообщения (железнодорожный, водный, воздушный). *Горячая линия. Линия радиосвязи. Высоковольтная линия. Линия электропередачи.*

7. Очертание, контур чего-либо. *Линия лица, плеч. Линия холмов.*

8. Последовательный ряд лиц, соединенных кровным родством; ряд предков, потомков. Прим. *По отцовской, материнской линии; По мужской, женской линии.*

9. Последовательный ряд производственных операций; совокупность устройств, аппаратов, имеющих общее производственное назначение, выполняющих последовательный цикл работ, операций. *Поточная линия. Автоматическая линия. Сборочная линия.*

10. Направление, способ осуществления, развития чего-либо, образ действия. Прим. *Гнуть свою линию.*

11. Разг. Жизненный путь, доля, участь, судьба.

12. Старая русская мера длины, равная одной десятой дюйма, применявшаяся до введения метрической системы мер. Прим. *Фитиль в семь линий.*

«Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой предлагает такие значения, как:

1. Узкая полоса, черта, проведенная на какой-либо поверхности от одной точки к другой. // Мат. Граница поверхности, имеющая только одно измерение — длину. // Воображаемая черта, соединяющая две точки или являющаяся границей пересечения двух поверхностей. *Линия экватора. Линия горизонта.*

2. Черта (существующая или воображаемая), определяющая предел, границу чего-либо. *Береговая линия. Линия прилива. Боковые линии футбольного поля. Очертания, контуры чего-либо. Линии холмов.*

3. Устар. Граница, рубеж какого-л. государства, а также ряд укреплений на такой границе. *Жизнь обитателей передовых крепостей на чеченской линии шла по-старому* (Л. Толстой, Хаджи-Мурат).

4. Длинный ряд или цепь чего-л. *Линия окопов.* // Порядок, строй. *Линия французов была шире нашей, и ясно было, что французы легко могли обойти нас с обеих сторон* (Л. Толстой, Война и мир). // Название некоторых улиц или их сторон, торговых рядов и т. п. *На улицах не было обычного движения. С мостика «Авроры» линии Васильевского острова казались опустелыми* (Лавренев, Выстрел с Невы).

5. Путь, полотно железной дороги или трамвая. *Свистки паровозов на линии железной дороги, обозначенной в темноте зелеными и красными огоньками, раздавались с тихой, певучей осторожностью* (Куприн, Яма).

6. Путь (железнодорожного, водного и т. п.) сообщения, связывающий два каких-либо пункта. *Железнодорожная линия Москва — Казань.* // Система устройств (проводов, кабеля и т. п.) для передачи и распределения электроэнергии. *В Америке есть рекордная линия электропередачи — длиной четыреста пятьдесят километров. Наши высоковольтные линии будут измеряться тысячекилометро-*

выми расстояниями (Галактионов и Аграновский. Утро великой стройки).

7. Последовательный ряд лиц, соединенных кровными связями от предков к потомкам. *Родство по женской линии. Родство по отцовской линии.*

8. перен. Направление, образ действий, мыслей. *Линия поведения.*

9. Прост. Жизненный путь, направление жизненного пути; участь, судьба.

10. Русская мера длины, равная 1/10 (еще раньше 1/12) дюйма, применявшаяся до введения метрической системы. *Иностранные калибры, рассчитанные по метрической системе, не совпадали с русскими, исчислявшимися в дюймах и линиях* (Игнатъев, Пятьдесят лет в строю).

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова [Ожегов, 2007, с. 226] *линия* толкуется как:

1. Черта на какой-либо поверхности, узкая полоса. *Прямая, ломаная, тонкая.*

2. Черта, определяющая направление, предел, уровень. *Линия прицела. Линия полета снаряда. Линия горизонта.*

3. Расположение в один ряд. *Линия укреплений. Передовая линия.*

4. Род предков.

5. Перен. Направление, образ действий, взглядов, поведения. *Линия поведения.*

6. Путь (железнодорожный, водный), сообщение (*трамвайная, пароходная, телеграфная л.*).

7. Область какой-нибудь деятельности. *Работать по профсоюзной линии.*

8. Мера длины, равная 1/10 дюйма.

В «Словаре Живого великорусского языка» В. И. Даля находим:

Линия ж. черта; порядок, строй или ряд; направление; л. родства; л. как мера. Линия прямая, кратчайшее соединение двух точек, она бывает уровнем, *отвесная, косвенная*; — *кривая, лучковая, гнутая, дуга. Линия пограничная*, ряд укреплений, постов, по граничной черте. *Линия прицела орудия*, прямое направление от прицела до цели. Линия родства, *кровная связь: нисходящая, от отца к сыну; восходящая, от сына к отцу; боковая, от дяди к племяннику* и т. д. | Как мера протяжения, линия двенадцатая часть дюйма. | В выделке восковых свечей: линия, станок, рама, на которой расстилается воск. Линейный, к линии относящ. *Линейная мера*, служащая для измерения длины, ширины, вышины: верста, сажень, аршин, фут и пр.

В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушаков предлагает следующие значения:

1. Граница поверхности, имеющая только одно измерение (длину) и определяемая как след движущейся точки или место пересечения двух поверхностей (мат.). *Линия прямая, кривая, ломаная, перпендикулярная, наклонная, параллельная*. || Воображаемая черта, соединяющая две точки или являющаяся границей пересечения двух поверхностей. *Линия горизонта. Линия экватора*. || То же, что прямая линия. *Видите три звезды, которые стоят рядом, по одной линии?* (Чехов).

2. Черта, проведенная на какой-н. поверхности, узкая полоса.

В результате проведенного исследования лексемы *линия* было обнаружено, что она представлена различными лексико-семантическими вариантами (от 2 до 12).

Самое большее количество значений было выявлено в ССРЛЯ — 12, далее по убыванию: «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой — 10 значений, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова — 8 значений, в «Толковом словаре современного русского языка» В. В. Лопатина — 6 значений, в «Словаре

живого великорусского языка» В. И. Даля — 5, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова — 2 значения.

Важно отметить, что 1 ЛСВ во всех анализируемых словарях почти совпадает. Интегральной семей является ‘черта на поверхности’, имеющая длину, т. е. геометрическая фигура.

Чтобы понять основу осмысления пространственного образа, обратимся к этимологии слова *линия*. *Линия* — заимств., в начале XVIII в. — через нем. *Linie* из лат. яз., где *Linea* "линия" < "льняная бечевка; полоса, проведенная этой бечевкой" [Фасмер, 1997, с. 498].

Мы видим, что в основе главного значения лежит этимология данного слова, первичное его значение. В данном случае действует исторический принцип (учет этимологии, на первом месте — исходное значение). Из первичного же значения образуются все остальные производные (вторичные) номинации. Можно представить иерархию значений: расположение от основного к производным, более поздним по времени возникновения, связанным с основным отношениями семантической производности, на основе переноса с одного референта на другой (на основании сходства).

Основное, ядерное значение и порядок расположения периферийных, производных значений в семантеме может определяться также логическим анализом и частотностью употребления.

Из первичного прямого значения вытекают все остальные вторичные производные номинации на основе переноса, в основу которого положен признак формы. Например, *линия* — дорога (ведь дорога подразумевает протяженность, длину, траекторию; черта (на поверхности земли), *линия* — ряд, в основе — представление о *линии* как совокупности последовательно расположенных точек на поверхности).

Выявлено, что часть значений изучаемого слова кодифицирована не во всех словарях. Например, ЛСВ 7 (*линия* как очертание) представлена в ССРЛЯ, ее выделяют не все словари: в «Словаре

русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой это значение рассматривается в качестве оттенка в составе ЛСВ 2, в других словарях это значение отсутствует, а в некоторых словарях значение выделено в отдельный лексико-семантический вариант. Следует отметить, что подобные образы — очертание, профиль, силуэт — представляют собой результат ассоциативного восприятия объективных признаков описываемых объектов. Ассоциативность отражает лишь одну из присущих ему объективных характеристик в зависимости от особенностей восприятия, обусловленных плохой видимостью, значительным расстоянием, отсутствием достаточной освещенности и т. п. В подобных случаях языковое сознание в процессе перцепции и обработки информации выбирает путь геометрического моделирования на основаниях сходства неясных очертаний с линией.

Переносное значение *линия* — жизненный путь, судьба выделяют не все словари. Так, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова отсутствует переносное значение *линии* как жизненного пути, судьбы. В то время как в ССРЛЯ и СРЯ эта сема присутствует.

В работах Лакоффа и Тернера [1989] утверждается, что метафорический образ устойчив и проявляется не в отдельно взятом концепте, а во многих, в идеале — во всех. Это объясняется тем, что языковая метафора отражает более общие культурные, иногда свойственные в целом человеческому сознанию (когнитивные) параллели [Lakoff, Turner, 1989].

Что касается лексикографического значения, то в большинстве случаев оно оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка. Происходит это потому, что значение, отраженное в словаре, создается лексикографом, основываясь на принципе редукциониз-

ма, т. е. минимизации признаков, входящих в значение [Стернин, Саломатина, 2011, с. 22].

Таким образом, проведенный анализ словарных дефиниций позволил выявить семантическую организацию лексемы *линия*, репрезентирующую концепт *линия* в русском языке. Поскольку, зная организацию слова, которое, по современным представлениям, имеет полевую структуру (архисема в ядре, дифференциальная сема на ближней периферии и т. д.), можно предположить о семантической организации концепта, который так же имеет многослойную структуру.

Концепт *линия* имеет полевую структуру. На основе анализа словарных дефиниций были разработаны критерии отнесения лексических и фразеологических единиц к структурным единицам поля: ЛСП концепта формируется по результатам компонентного анализа изучаемых слов, работы со словарем синонимов и антонимов, на основе анализа результатов направленного и ненаправленного ассоциативных экспериментов.

Структурно-семантическая организация ЛСП «линия» демонстрирует достаточно большой фрагмент русской пространственной картины мира. Общий объем единиц ЛСП «линия» — 193 лексемы и 27 устойчивых выражений. Исследуемое поле имеет разветвленную структуру, в которой представлено несколько семантических микрогрупп: «Черта» (*граница, рубеж, предел, луч, прямая, грань, стык, вертикаль, горизонталь, диагональ, полоса, степень* и пр.); «Путь» (*дорога, колея, автолиния, путепровод, маршрут, трасса, течение, траектория, ход* и др.); «Ряд» (*шеренга, колонна, строй, фаланга, передовая линия, линия защиты, цепочка* и т. п.); «Направление» (*курс, ориентация, установка, тенденция, устремление* и пр.); «Судьба» (*удел, планида, жребий, доля, родословная, женская линия, мужская линия* и др.); «Связь» (*магистраль, ЛЭП, провода, авиалиния, кабель, канал, прямая линия, горячая линия* и др.); «Тех-

нологическое производство» (*линия сборки, поточная линия, линия белья, линия по производству труб, кирпича, пеллет, бумаги и др.*); «Силуэт» (*контур, абрис и т. п.*).

Анализ материалов Национального корпуса русского языка (запрос от 21.01.2017, найдено 3100 документов, 5868 вхождений) позволил выявить релевантные психологически реальные значения, узуально воспроизводимые в речи носителей русского языка.

1. Полоса на поверхности, например: *И вот какая-то линия идет, потом загибается, заканчивается, и мне нужно просто ее точно провести* (Е. Гришковец, Одновременно, 2007); *С улицы Еланского, презрев все правила движения, джип библикнул машинам, идущим навстречу, и те покорно притормозили, дав совершить ему левый поворот, хотя там была двойная сплошная линия* (Е. и В. Гордеевы, Не все мы умрем, 2002); *Вдоль фюзеляжа проходила линия, подчеркивающая длину и стройность машины* (А. Проханов, Господин Гексоген, 2001); *Пресловутая линия представляла собой мощнейший укрепленный район протяженностью сто тридцать четыре км и глубиной до 90 км* (Ю. Нерсесов, И. Пыхалов, Мечта имперского чухонца, 2003 // Спецназ России, 2003).

Дополнительная сема:

а) Молния, например: *Я остановился секунд на десять и едва лишь двинулся дальше, как вдруг небо прорезала ярко-голубая линия, с грохотом двенадцатидюймового орудия ударившая в тропинку в двенадцати шагах передо мной, подняв огромный столб пара* (К. Богданов, Молния: больше вопросов, чем ответов, 2007).

б) Силуэт, очертание, абрис, ср.: *Лишь угадывались темные очертания башен и нечеткая, но определяемая линия побережья* (Д. Емец, Таня Гроттер и колодец Посейдона, 2004); *Это была прекрасная гибкая спина, тонкая талия, гитарная линия бедер, хорошо развитые плечи* (Д. Рубина, Белая голубка Кордовы, 2009); *Все личико похоже на спелый персик: полно округленная линия, прозрач-*

ная и бархатная кожа (В. Мильдон, Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // Октябрь, 2002); *Лицо убрано под высокий лоб, подбородок не выступает, линия лица вертикальна* (М. Вартбург, Первые шаги // Знание-сила, 2005).

2. Ряд, например: *Над башнями висели разноцветные облака, линия домов на улице Выйду была освещена заходящим солнцем, стекла в домах горели* (В.Аксенов, Пора, мой друг, пора, 1963); *Линия всадников расступилась, и они съехали с дороги* (В. Пелевин, S.N.U.F.F.? 2011); *Задняя линия кресел выглядела почти пустой, относительно просторно было на флангах* (А. Силаев, Армия Гутэнтака, 2007); *Ни начала, ни конца поезда видно не было — линия вагонов, несколько раз изгибаясь в поле зрения, доходила в обе стороны до горизонта* (В. Пелевин, Желтая стрела, 1993).

Дополнительные семы:

а) Генеалогия рода, ряд поколений, происходящих от одного предка, ср.: *Материнская линия также была предметом ее внимания, но в ней княгиня находила пробелы и неясности* (Л. Васильева, Озаренная // Наука и религия, 2011); *Например, у самцов кенгуру, родовая линия которых отделилась от остальных млекопитающих примерно 130 млн лет назад, Y-хромосома содержит всего 10 тыс. звеньев* (Л. Крайнов, Будущее мужской хромосомы // Знание-сила, 2013); *Исстари повелось так, в родословных записях знатных семей наиболее известной оставалась мужская линия* (Т. Панова, Лицо из небытия: старица Анастасия // Наука и жизнь, 2009).

б) Технологическое производство, ср.: *Сама технологическая линия — это своеобразный конвеер-автомат, где участие человека требуется только для управления отдельными участками* (Господин строитель // Пермский строитель, 2004); *ВАЗ — не современный автосборочный комплекс, какие нынче строят в Европе или Японии, — линия крупной штамповки, сварка, окраска, сборка*

(П. Меньших, В. Каданников, В Тольятти придут инвесторы // За рулем, 2005); *Условно лучшим признали проект фирмы, у которой есть готовая к эксплуатации промышленная линия по переработке полимеров* (Н. Милетин, Предприятие по переработке полимерных отходов // Инвестиционные проекты, 2011).

в) Улица, ср.: *20-я линия Васильевского острова: нищий художник идет в тоненьком пальтишке по зимней улице, и настроение напряженности выражено серовато-коричневой гаммой* (С. Денисова, Зима как зеркало русской жизни // Русский репортер, 2010, 28); *Вторая линия, которую я очень любил, — это если от Пушкинской площади идешь направо по Тверскому бульвару и попадаешь как раз в дом Ермоловой, и сразу окунаешься в этот мир конца 19 — начала 20 века, который мне дорог* (Б. Любимов, Три главные темы жизни — Церковь, литература и театр, 2015).

3. Край, предел, или конечная, прилегающая к пределу часть пространства, например: *Линия водораздела ближе всего подступает к Чусовой на вершине Волчихи* (А. Иванов, Message: Чусовая, 2007); *Береговая линия пруда оформлена прибрежными растениями — ирисами, лилейниками, фиалками рогатыми* (А. Дорошенко, Агрофирма «Современный декоративный питомник» // Ландшафтный дизайн, 2003); *Береговая линия загрязнена на 40 км, много мертвой птицы, тюленей, выбросившейся рыбы* (Пятна на репутации // Знание-сила, 2006).

Дополнительные семы:

а) Граница, например: *Вода несет нас, бегут мимо берега, и линия, разделяющая небо и землю, то нервно дрожит на остриях елей, то полого вздымается и опускается мягкими волнами гор — словно спокойное дыхание земли* (А. Иванов, Географ глобус пропил, 2002); *Линия боев в 1942–43 гг. на Кавказе проходила по большому Кавказскому хребту всего в 70 км от поселка, и немецкие самолеты часто бомбили единственную однокольную железную до-*

рогу, связывающую Туапсе с Закавказьем (А. Г. Колмогоров, Мне доставшееся. Семейные хроники Н. Лухмановой, 2012); *С середины сентября линия фронта там застыла, обе армии стали окапываться* (А. Алексеев, Россия в 1914–1915 годах. Война на два фронта, 2007); *Прямая линия между портовым маяком и мачтой судейского парохода — линия старта* (Б. С. Житков, Мираж, 1935).

б) Вершина: ср.: *Шамбала будет вечным горизонтом человечества, к которому надо стремиться, не забывая при этом, что горизонт — это все-таки воображаемая и недостижимая линия* (В. Поливанов, За убегающим горизонтом шамбалы // Наука и жизнь, 2009).

4. Путь, дорога, ср.: *Я позвонил в Архангельск и узнал, что теплоходная линия Архангельск — Нарьян Мар упразднена* (В. Голованов, Остров, или оправдание бессмысленного путешествий, 2002); *Пилотным проектом всей сети ВСМ в России станет линия, которая протянется от Москвы до Казани* (Н. Мерешко, Долго ждем ВСМ, 2002); *Тогда еще там проходила трамвайная линия, и вагон, ведомый комсомолкой в красном платке на голове, отрезал голову атеисту Берлиозу...* (В. П. Катаев, Алмазный мой венец, 1977); *...Железнодорожная линия, выстроенная специально для подвоза грузов и продовольственного снабжения каналармейцев, почти на всем протяжении погрузилась в вечную зыбь почвы, заросла вскоре колючим кустарником и черной ольхой...* (Ю. Буйда, Город палачей, 2003).

Дополнительные семьи:

а) Траектория, например: *Его траекторией станет прямая линия, идущая под углом 45 градусов* (А. Голубев, В мире поляризованного света // Наука и жизнь, 2008); *Если проложить на карте России путь этого авиационного полка, то линия маршрута пройдет от Гатчины под Санкт-Петербургом, через Киев, Урал, Забайкалье, Приморье и, перемахнув Охотничье море, остановится*

на Камчатке (Место службы — Камчатка // Вестник авиации и космонавтики, 2004, 18 апр.).

б) Железная дорога / линия метро / трамвайная линия, например: *Справа эту пустошь отчеркивала река, слева — линия узкоколейки* (А. Иванов, Псоглавцы, 2011); *Если первая российская железная дорога Петербург — Царское село служила для прогулок аристократов, а линия Петербург — Москва первоначально работала в основном для перевозки пассажиров, то строительство железнодорожного кольца вокруг древней столицы способствовало формированию промышленного центра России* (В. Воробьев, Расскажите, очень интересно // Юный техник, 2012); *Так что, пока велосипедисты ждут наступления теплого сезона, в престижном районе Лааясало строится новый мост через Финский залив стоимостью 125 млн евро, по которому пройдет очередная трамвайная линия* (Русский репортер, № 45, 2010, 18 нояб.); *В 2014 году будет сдана в эксплуатацию и вся линия — от станции «Марьино роца» до «Селигерской»* (В. Тихомиров, Прорыв под Москвой // Огонек, 2013).

в) *Ход, движение, например: В дальнейшем линия карьеры Ю. И. Важенина стремительно развивалась по восходящей* (Л. З. Зорин, Четырехкратный юбилей // Газовая промышленность, 2004); *Ведь что показывает пример Романовых: генеральная линия развития России — это развитие цивилизации ответственности* (В. Краснова, П. Кутенков, Романовы: империя верных // Эксперт, 2014); *В христианской культуре история предстает как линия, проведенная между грехопадением и апокалипсисом* (Д. Горин, По ту сторону принципа истории: об одной особенности исторического самосознания // Неприкосновенный запас, 2003).

5. Связь, ср.: *От этого «домика» тянулась телеграфная линия, соединяющая Санкт-Петербург с Кронштадтом* (С. Маценков, В. Орлов, Главная станция оптического телеграфа Российской империи // Наука и жизнь, 2008); *Может, линия прослушивается, а*

портить отношения с Горн я не хотел (М. Елизаров, Библиотекарь, 2007).

Дополнительные семы:

а) Прямая связь для передачи самых достоверных сведений из первых рук для решения неотложных вопросов, ср.: *Горячая линия будет работать по будням с 9 до 18 часов* (Хорошая новость // 100% здоровья, 2002, 11 нояб.).

б. Направление, например: *Линия США явно направлена на раскол Европы и в этом смысле идеи европейской армии, которую поддерживают только несколько стран континента, — подарок Америке* (С. Лурье, Жесткий разговор о любви, 2003); *Однако, вопреки расчетам террористов, наша линия на политическое урегулирование в Чечне, опирающаяся на поддержку чеченского народа, остается неизменной* (С. В. Лавров, 2004 // Дипломатический вестник); *В таких условиях была принята линия на то, чтобы не допустить перерастания борьбы с олигархическим всеисильем в наступление на предпринимательство в целом* (Е. Примаков, Мир без России? К чему ведет политическая близорукость, 2009).

Дополнительные семы:

а) Замысел, ср.: *Теперь главная линия этого опуса ясна мне насквозь* (Ю. Кривоносов, Понтий Пилат // Знание-сила, 2005); *Линия центра на сдерживание appetitов субнациональных элитных групп носит стратегический характер* (С. Рыженков, Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас, 2010).

б) Намерение, ср.: *И если этот процесс можно назвать показным, то лишь в том смысле, что он позволяет определить, какая линия в отношении Чечни — жесткая или мягкая — в этот момент берет верх в Москве* (Волеизвержение // Еженедельный журнал, 2003, 17 марта); *Именно в этих условиях в полную силу стала разворачиваться линия неформального лидера Совета министров А. В. Кривошеина на формирование такого правительственного*

курса, который смог бы получить поддержку большинства Государственной Думы (Ф. Гайда, «Начинается расплата», или «Священное единение» на русский лад // Родина, 2010).

в) Тенденция, ср.: *Сейчас же преобладает логика минимизации расходов, однако и эта линия проводится весьма непоследовательно* (Неудавшийся секвестр // Эксперт, 2015); *Японцев абсолютно не устраивает линия лидера КНР Си Цзиньпина, который пытается продвигать восточноазиатский вариант доктрины Монро* (Г. Мирзоян, Самураи скоро вернутся // Эксперт, 2014); *Эта же линия — что угодно, лишь бы двоек поменьше — видна теперь в каждом шаге Минобра, касающемся школ* (А. Привалов, О неизбежных последствиях // Эксперт, 2014).

д) Жизнь, ср.: *В метаистории особую роль занимают разрывы, смена режимов роста, революции, которыми, как знаками препинания, отмечена линия жизни человечества* (С. П. Капица, Парадоксы роста. Законы развития человечества, 2010); *Линия его жизни — на удивление ломаная, просятя на язык однокоренные слова: разлом, перелом, порою даже — надлом* (С. Б. Рассадин, Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них, 2008).

е) Поведение, ср.: *Здесь для меня существует лишь одна линия поведения — остаться собой* (Р. Карасты, Письма заложникам // Звезда, 2002); *Линия взаимодействия — это воображаемая линия, проходящая через оба объекта* (Правила монтажа кадров «По Кулешову» // publicity.ru, 2010).

В целях верификации полученных результатов было проведено экспериментальное исследование по установлению ассоциативного поля лексемы *линия*.

Ассоциативное поле лексемы *линия* как средство объективации концепта *линия* в сознании носителей русского языка

Как известно, ассоциация — это связь между какими-либо объектами или явлениями, основанная на нашем личном опыте, который соответствует национальной культуре, к которой мы принадлежим. Человек может постигать эти связи между явлениями только через свое существование в этой культуре.

В лингвистике эту связь помогает выявить метод ассоциативного эксперимента, т. к. с его помощью можно выявить особенности национального языкового сознания народа — связи слов в сознании, их смысловую и иерархическую подчиненность, смысловой объем лексических единиц, хранящийся в сознании носителей языка.

В данном исследовании была использована методика ассоциативного эксперимента, предложенная З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [Попова, Стернин, 2007, с. 117–122]. Ассоциативный эксперимент проводился в два этапа: сначала был проведен свободный эксперимент, затем направленный ассоциативный эксперимент. Предметом исследования послужили результаты проведенных нами психолингвистических экспериментов.

В первую очередь с респондентами (количественный состав испытуемых — 300 человек) был проведен свободный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом *линия*. В проведенном эксперименте приняли участие жители города и сельской местности Республики Бурятия. Количество опрошенных горожан составило порядка 120 человек, сельчан же оказалось значительно больше — 180 человек. Также участниками опроса были люди самых разных возрастов, социального статуса и образования.

Возраст	От 18 до 25	От 26 до 35	От 36 до 45	От 46 до 55	От 55 до 60	От 60 до 70 (и выше)
Кол-во респондентов	87	48	66	59	18	22

В данной таблице указаны все возрастные группы участников эксперимента. По уровню образования в процентном отношении больше всех было информантов со средним образованием — 53 %, затем с высшим образованием — 42 %, не имеющие образования составили 6%.

Целью свободного ассоциативного эксперимента является построение ассоциативного поля слова-стимула *линия*. Респондентам было предложено зафиксировать первое возникшее слово-реакцию. Ответить нужно было сразу же, не раздумывая. В итоге было получено 300 разных реплик (реакций). Полученные ответы составили ассоциативное поле слова — стимула *линия* следующим образом:

Линия (300) — граница (46 реакций), дорога (30 р.), л. жизни (22), л. Судьбы (19), род (18), ряд (11), горизонт (10), путь (9), полоса (8), черта (8), рука (6), бесконечность (5), очередь (5), движение (5), небо (4), течение (4), контур (4), телефонная линия (4), поколение (4), линейка (3), мнение (3), береговая (3), прямая (3), связь (3), звезда (3), ветка (3), луч (3), восток (3), продолжение (3), морская линия (2), провода (2), линия шампуней (2), мост (2), пунктир (2), река (2), лицо (2), экватор (2), электропередачи (2), математика (2), нет ассоциаций (2), метро (1), железнодорожная линия (2), линия моря (1), линия одежды (1), подиум (1), рубеж (1), молния (1), покой (1), смерть (1), линия тела (1), балет (1), уравнение (1), взлет (1), трамвайная линия (1), уравновешенность (1), цепь (1), пешеход (1), спина (1), шея (1), глаза (1), север (1), юг (1), запад (1), пробор (1), линия духов (1).

Итак, путем обработки (семемной атрибуции) близкие по денотативному значению ассоциаты были сгруппированы и расположены в следующий ряд, отражающий когнитивные признаки изучаемой лексемы [Попова, Стернин, 2007, с. 119]:

1. Граница (22), горизонт (10), небо (4), контур (4), морская линия (2), берег (3), пунктир (2), экватор (2), рубеж (1), пробор (1),

черта (8), полоса (8), пешеход (1), линия моря (1) — 69 реакций (22,7%).

2. Жизненный путь (46), судьба (19) — 65 реакций (21,7%).

3. Дорога (30), путь (9), метро (1), трамвайная линия (1), звезда (3), железнодорожная линия (2) — 46 реакций (15,3%).

4. Род (18), продолжение (2), бесконечность (5), поколение (3) — 28 реакций (9,3%).

5. Ряд (11), очередь (5), цепь (1), линия одежды (1), шампуней (1), духов (1) — 20 реакций (6,6%).

6. Параметризация (рука — 7, лицо — 2, тело — 1, спина — 1, шея — 1, глаза — 1) — 13 реакций (4,3%).

7. Геометрическая фигура (взлет — 1, ветка — 3, молния — 2, мост — 2, подиум — 2, луч — 3, математика — 1, уравнение — 1, линейка — 4, прямая — 3, балет — 3, строка — 3) — 28 реакций (9,3%).

8. Движение (5), течение (4), река (2) — 11 реакций (3,6%).

9. Связь (3), электропередачи (2), провода (2), телефонная линия (4) — 11 реакций (3,6%).

10. Направление (восток — 3, север — 1, юг — 1) — 5 реакций (1,6 %).

11. Образ мыслей (мнение — 5) — 5 реакций (1,6%).

12. Состояние (покой — 1, уравновешенность — 1) — 2 реакции (0,6 %).

13. Не ассоциируются — 2.

Данное распределение показало, как реально представляется понятие *линия* в сознании носителей русского языка.

По количеству реакций информантов свободного ассоциативного эксперимента, актуализировавших разные значения исследуемого слова, можно определить иерархию в смысловой структуре линии, определив ядро и периферию, основываясь на принципе частотности воспроизводимых реакций.

К ядру будут относиться слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, наиболее яркие образы, наиболее часто воспроизводимые; более абстрактные признаки составят периферию концепта. Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления.

Ядром в семантеме *линия* является сема `граница` (22,7% общего состава ассоциативных реакций).

Ближнюю периферию составляют семы `жизненный путь` (21,7% от общего состава ассоциативных реакций), `путь` (18,9% общего состава ассоциативных реакций), `геометрическая фигура` (9,3% общего состава ассоциативных реакций), `род` (9,3%), `ряд` (6,6% общего состава ассоциативных реакций).

Дальняя периферия представлена семами `параметризация` (4,3%), `связь` (3,6%).

Крайняя периферия — `мнение` (1,6%), `направление` (1,6%), `состояние` (0,6%).

Затем с целью уточнения содержания лексемы *линия* в русском языковом сознании был проведен направленный ассоциативный эксперимент, в котором участвовало 100 информантов также самых разных возрастов, социального статуса и уровня образования. Опрашиваемым было дано время подумать, и они должны были предложить определение к слову *линия*. Ответить нужно было только существительным (методика Поповой, Стернина, 2007). Общее количество реплик составило 100. Итак, информантами были предложены следующие ответы:

1) геометрическая фигура, так ответил 51 человек (51% общего числа ассоциатов), 2) черта, разделяющая что-либо — 20 человек (20%), 3) черта на поверхности — 9 человек (9%), 4) разделение —

8 человек (8%), 5) полоса — 5 человек (5%), 6) направление — 5 человек (5%), 7) бесконечность — 2 человека (2%).

Анализ результатов направленного эксперимента позволил выделить следующие смысловые пласты: 1) *линия* как геометрическая фигура (51%), черта на поверхности (9%), полоса (5%), всего — 62%; 2) *линия* как граница — черта, разделяющая что-либо (20%), разделение (8%), всего — 31%; 3) *линия* как направление (путь) (5%), бесконечность (2%), всего — 7%.

Для носителей языка самым актуальным является представление о линии как о геометрической фигуре (62%), которое является ядром в семанте лексемы *линия*. Важными для испытуемых также являются граница (33%) и путь (5%), что составляет ближнюю и дальнюю периферии соответственно.

Обобщив результаты экспериментов, можно составить итоговую семантему лексемы *линия*. Ядром является сема `граница`, ближнюю периферию составят семы `геометрическая фигура`, `жизненный путь`, `путь`, дальняя периферия будет представлена семами `род`, `ряд`, `параметризация`, `связь` и крайняя периферия — `образ мыслей`, `состояние`.

Таким образом, проведенные психолингвистические эксперименты позволили выделить образы, кодирующие исследуемый концепт в сознании носителей языка. Свободный ассоциативный эксперимент позволил выявить наиболее широкий объем самых разных представлений о линии как одной из категорий формы, направленный же эксперимент характеризуется установкой на точность, норму в понимании лексемы *линия*, что обусловлено определенными рамками.

Следует также отметить гендерные и возрастные особенности выявленных образов, проявляющихся в ядерно-периферийном восприятии. Например, для мужчин актуальными оказались образы, связанные с техникой, со средством передвижения, например, *те-*

лефонная линия, линия электропередачи, трамвайная линия, линия метро и т. п. У женщин же, наоборот, — с абстрактными понятиями, например *линия судьбы, линия жизни, линия покоя, линия рода, поколения*, или же с конкретными образами, такими как *линия духов, одежды, линия шампуней* и т. д.

Ассоциативный эксперимент показал, что одной из личностно-психологических особенностей ассоциативных реакций испытуемых разного возраста (соответственно, имеющих разный уровень языкового развития) является ведущая ориентировка на собственный опыт (связь с работой, деятельностью и т. д.). Как уже было сказано, участие в эксперименте принимали люди разного социального статуса, разной профессии — это студенты, официанты, почтальоны, преподаватели, воспитатели, руководители, работники культуры (хореографы, художественные руководители, художники), строители, продавцы, электрики, неработающие, пенсионеры. Очень часто те или иные ассоциации соотносились с их деятельностью, родом занятий. К примеру, у учителей математики *линия* ассоциировалась с уравнением и с самой математикой, у электрика *линия* ассоциировалась с проводами (*линия проводов*), ассоциация *линия тела, рук* была предложена хореографом-балетмейстером.

Результат психолингвистического исследования не всегда совпадает с его лексикографическим описанием. Например, количество лексикографических значений исследуемого слова *линия*, отмеченное в словарях, не совпадает с количеством субъективных дефиниций, полученных в результате ассоциативного эксперимента. При анализе словарных дефиниций в качестве ядерной выделяется сема `черта на поверхности`, а в результате свободного ассоциативного эксперимента *линия* определяется носителями языка как *граница*. Вероятно, это происходит потому, что слово в сознании представителей языкового сообщества имеет больше значений, чем это кодифицировано в словарях. Ведь психолингвистическое значение го-

раздо шире и объемнее, чем лексикографическое, отсылает к фоновым культурологическим смыслам, не отраженным в лексикографических источниках. Отсюда заметно различается структура семантемы, а именно: иерархия ядра и периферийных значений.

Таким образом, проведенные эксперименты позволили выявить когнитивные признаки лексемы *линия*, что дает основу для дальнейшего анализа и описания, т. е. обобщения выявленных признаков в когнитивные слои исследуемого концепта *линия*.

Функционально-семантическая значимость концепта *линия* в русском языковом сознании

Важное место в современных исследованиях отводится изучению геометрической концептуализации пространства и пространственных объектов в процессах речевой репрезентации и категоризации мира. Многие лингвисты отмечают, что в имени отражаются сущностные структурно-образующие признаки и значимость данного фрагмента в аспекте восприятия и осмысления объективной действительности. В чем, собственно говоря, выражается, как справедливо замечает А. Вежбицкая, идея антропоцентричности языка.

Так, линия отличается от круга таким свойством, как незамкнутость, линейность. Для языка важны те свойства линии, которые проявляются в процессе использования этих образов человеком. Так же, как каждый день мы используем те или иные вещи в быту, выбираем одежду, так и для определенных целей используем соответствующий тип мышления. В жизненной практике образное мышление имеет самую что ни на есть существенную сторону. Человек может улавливать связь между конкретными и абстрактными образами и тем самым создает сходство между объектами. Одним из ключевых понятий в понимании и моделировании пространства является линия.

Концепт «линия» в своем воплощении предстает как образ-схема, опирающаяся на представления о таких конкретных реалиях, как прямая, черта, как несколько точек, развертывающихся в линию, как идеальная зрительная конфигурация. Осмысление линии в различных ракурсах порождает богатый потенциал этого образа.

Образ линии идеально воплощает собой идею линейности, незамкнутости, являющуюся базовым смыслом этого образа как в прямом смысле (*черта на поверхности*), так и в переносном (*линия жизни, судьбы*).

Существуют признаки актуализатора линейности в сознании — эмпирически маркированные и концептуальные. К концептуальным можно отнести такие геометрические объекты, как *прямая, кривая*, а к эмпирическим — *нить, провода, черта*, т. е. те объекты, которые воспринимаются как данный геометрический образ.

Человеку свойственно в практике зрительного восприятия улавливать формы, направляющие и образующие линию или членящие поверхность (например, *береговая линия, линия горизонта*) [Топорова, 2003, с. 3].

Проанализируем когнитивные особенности концепта *линия*, определив его образно-метафорический потенциал в русской языковой картине мира.

Метафоры воплощают образ линии в динамическом аспекте (воспринимающееся как нечто движущееся, развивающееся). *Линия* не статична, она предполагает динамизм и развитие, поэтому она может *бежать, проходить, тянуться, идти, двигаться*. Очевидно, что большинство глаголов, сочетающихся со словом *линия*, имеет семантику движения, непрерывности. Отсюда мы можем сказать о таких важных свойствах концепта *линия*, как движение, динамизм (ср. прим. *линия развития, линия регрессии, линия активности*). Динамический компонент служит основой развития синтагматических потенций и семантических транспозиций. Так, линия подразу-

мевает расстояние и способ перемещения: *железнодорожная линия, трамвайная, троллейбусная, теплоходная линия; линия Пекин — Лхаса, линия Петроград — Витебск.*

Одним из ключевых значений *линии* в сознании носителя русского языка являются ‘граница, рубеж, черта’, отделяющая что-либо. Для начала следует обратиться к некоторым сведениям относительно представления *линии* как границы. Своими корнями значение *линии* как пространственного предела уходит в мифологическое сознание и связано с космологическими представлениями. Считалось, что линия горизонта, вычерчивающая земной круг под небом, ограничивает земные пределы человека, отсюда *линия* — это предел, граница космоса. Признак «отделение» исследователи отмечают как одну из важнейших мотивировок древних обозначений пространства-времени. Именно операция отделения играла важную роль в представлении космоса [Топорова, 2003, с. 4]. Исходя из этого, мы можем выделить еще одно свойство *линии* — отделение (ограничение). Наличие данного признака позволяет *линии* формировать такие словосочетания, как *линия горизонта, линия морского побережья, линия ограды, береговая линия, оборонительная линия* (как отделение двух противоборствующих сторон), *линия неба, линия разметки, линия соединения ручки с лезвием; осевая линия, вратарская линия*. Ср.: *С середины сентября линия фронта там застыла, обе армии стали окапываться; Граничная линия, огибая эти горки с востока, поднимается вдоль гребня одного из южных отрогов Тарбагатая к перевалу Хабар-асу, который делит хребет пополам* (В. А. Обручев, Мои путешествия по Сибири, 1948).

Линия отражает представления о предмете, имеющем геометрическую конфигурацию. Человеку свойственно улавливать линии формы, характеризующие произведения пространственных искусств (архитектура, скульптура, дизайн) [Топорова, 2003, с. 3]. Как контур, очертание она может быть *невидимой, тонкой, воображае-*

мой, передней, четкой, ровной/ неровной, сплошной, воображаемой, пунктирной, плавной, изящной, резкой. Языковое сознание эксплуатирует данную модель при описании очертаний лица (*линия улыбки, линия бровей*), пространственных параметров объектов (*линия холмов, линия домов*), для обозначения конфигурации отдельных частей сложных предметов (*линия жестов, линия талии, линия рук, линия тела, линия спины, линия плеч, линия откоса, линия станков, линия Васильевского острова, поточная линия* и т. п.).

Для носителя русского языка *линия* также определяется как путь, предполагающий длину или расстояние. Предположим, что точка может развернуться в линию. Если линия — это путь, то путь, в свою очередь, это траектория, след от этой движущейся точки, что позволяет рассуждать о таких признаках линии, как непрерывность и протяженность. *Линия может вести, пересекать, прорезать, пролечь*, а также *начинаться и заканчиваться*. Семантическая формула «начало — конец», лежащая в основе метафорического переноса, объясняет существование следующих контекстов: *линия движения, линия развития, линия разреза, линия пересечения* и т. п.

Любой путь имеет направленность, вектор направления. Скажем, двигаться, перемещаться в том или ином направлении. В этом смысле можно определить линию как направление, но уже в переносном значении, на основе семантической деривации. Соответственно становится возможным появление значения *линии* как совокупности общих взглядов, единых точек зрения, направлений действий. Ведь направление — это линия движения, имеющая определенный вектор. В этом аспекте можно говорить о *политической линии, генеральной линии, общей линии, строгой линии, профсоюзной линии*. Можно *придерживаться какой-либо линии, двигаться по этой линии* (делая выбор, идти по правильному пути), *иметь свою линию* (аналог: иметь свою точку зрения). Существование данной семантической транспозиции находит продолжение в

некоторых фразеологизмах, например, *упорно гнуть свою линию* — настойчиво добиваться осуществления своих намерений, поступать в соответствии со своим отношением к чему-либо; *вести свою линию, держаться линии* и т. д.

Представления носителей русского языка о линии как об идеальной зрительной геометрической конфигурации послужили основой возникновения других значений. Так, линия понимается также как определенный порядок, последовательный ряд чего-либо, в том числе ряд лиц, соединенных кровным родством, ряд предков, потомков. Если представить графически и сравнить обычную начерченную линию с линией рода отдельно взятого человека, то визуально рисунок выглядит одинаковым образом. Ведь линию можно представить как множество последовательных точек на одной прямой, которые следуют друг за другом. Так же и линия рода человека, где потомственный ряд ведется от одного поколения к другому, от него к последующему. Например, ряд, идущий от отца к сыну, внуку, правнуку, — линия по отцу, причем нисходящая. Может быть и *боковая линия*. Это ряд, идущий от брата к брату, от дяди к племяннику и т. п. (*линия династии Романовых; материнская линия*). Следуя такой интерпретации, мы можем выделить следующий семантический признак линии как «последовательность». Учитывая данный признак, можно также определить линию как последовательный ряд, как совокупность чего-либо. Приведем примеры: *линия масел, кремов, белья, смартфонов, линия по выпечке пирогов; линия фонарей, линия мелких звезд, линия бутылей, линия машин* и т. д. *Длинная линия людей покачнулась, веревка, дрогнув, отскочила от стены, упала, брякнув железом* (М. Горький, Жизнь Клим Самгина, 1936). Или: *Косметическая линия «Русское поле» является результатом тщательных исследований, применения нестандартных решений, неукоснительного соблюдения технологий производства* (Вкладыш к шампуню, 2004).

Считается, что образ формы также может получать своего рода оценку, положительную или отрицательную. Оценка может быть обусловлена общим контекстом восприятия формы. Иногда не только форма подвергается оценке, но и сама форма может быть средством оценки. Но, по утверждению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, пространственные и временные концепты не имеют ценностной составляющей [Попова, Стернин, 2007, с. 35]. Среди геометрических пространственных конфигураций (круг, точка, угол) можно выделить лишь *угол*, который в ряде примеров актуализирует оценочность. Например, это такие его сочетания, как *бермудский треугольник*, *любовный треугольник*, которые предполагают негативную оценку.

С целью выявления предполагаемой оценочности у исследуемого концепта *линия* был определен массив контекстов со словом *линия* в Национальном корпусе русского языка (запрос от 21.01.2017, найдено 3100 документов, 5868 вхождений).

Анализ показал, что *линия* не реализует в русском языковом сознании аксиологический компонент. В этом смысле она является нейтральным образом. Она лишь создает сочетания, которые носят эмотивный характер и формируются на основе зрительного восприятия человека, но оценку в себе не содержит (Ср.: *линия активности*, *развития*, *линия успеха*, *линия защиты*, *линия жизни*, *рассуждений* и др.).

Образ линии может вызывать лишь различные эмоции. Скажем, мягкость, спокойствие, положительные эмоции или же наоборот — резкость, негатив. Горизонтальная прямая линия вызывает чувства умиротворения и покоя, равномерность, ассоциируется с линией горизонта, а кривая линия может выражать некую активность, подвижность, что доказывает следующий пример: *Оберлендзен говорит, что прямая — это линия смерти, она обнаруживает убогость души, кривая — это линия жизни, она будит фантазию* (А. Колес-

ников, Сокол // Столица, 1997, 1 июля). Вертикальная линия передает стремление подняться вверх; наклонная подразумевает под собой непостоянство, неустойчивость, что ведет к падению; ломаная линия ассоциируется с изменчивостью, с чем-то колким, может, острым, производит тяжелое впечатление. По мнению К. Гибсона, вертикальная линия служит для обозначения духовного уровня, роста творческой фантазии [Гибсон, 2007, с. 82]. Наблюдения над функционированием *линии* в библейских текстах позволили И. В. Пашковой прийти к выводу, что в Библии прямая линия символизирует добро и смирение, кривая служит образом неправильных деяний [Пашкова, 2012, с. 49].

Таким образом, концепт *линия* в русском языковом сознании — один из центральных онтологических концептов русской концептосферы. Ключевое имя концепта *линия* обладает богатым образно-метафорическим потенциалом, который заключает в себе множество сочетаний, характеризующихся такими значимыми свойствами (признаками), как незамкнутость, динамизм, отделение (ограничение), непрерывность, протяженность, направленность, последовательность, которые отличают данный концепт от других пространственных концептов. Интерпретационное поле концепта широкое и связано со стереотипными представлениями носителей языка, имеющими различные когнитивные сферы. Семантическая структура концепта организована пятью семантическими сферами: 1) черта, полоса на поверхности; 2) дорога, путь; 3) судьба, жизнь; 4) связь; 5) направление. В рамках первой сферы схематическая геометрия линии используется для обозначения молнии, очертаний силуэта, границы и т. п. Во втором условном кластере представлены производные номинации, содержащие когнитивный динамический образ линии для обозначения движения, дороги, пути, улицы, траектории. Другую динамическую интерпретацию демонстрирует *линия* в случае объективации идеи судьбы, жизни, поведения, рода. Геометрия

линии находит свое семантическое развитие при обозначении связи, телефонных проводов, линий электропередач и т. п. В когнитивной базе естественных языков динамический компонент неразрывно связан с направлением, намерением, замыслом или тенденцией.

Концепт *линия* демонстрирует способность вызывать разного рода эмоции, но не обладает при этом оценочностью и является нейтральным образом.

1.2 Концепт *угол* в русской языковой картине мира

Дефиниционный анализ лексемы *угол*

При изучении семантики слова *угол* были исследованы лексикографические описания в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова, «Толковом словаре русского языка» в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой. Словарные дефиниции представляют собой компонентный анализ, в котором каждая часть толкования есть не что иное, как компонент [Лерер, 1973, с. 46].

В «Толковом словаре русского языка» В. И. Даля современной версии зафиксировано три значения лексемы «угол»:

1. Перелом, излом, колено, локоть, выступ или залом (впадина) об одной грани. *Углы промерзают, в избе. Углы отгнили, отвалились — концы бревен на углах. Угол улицы — каждый из углов перекрестка. В углу — внутри угла. На углу — снаружи его. Третий дом от угла. Глядеть из-за угла, прятаться за угол, заугольничать. Искать по всем углам — всюду. Все уголки, уголки обыскала. В передний угол посоха не ставят. Красна изба углами, а обед пирогами.*

2. Четыре угла избы, будто четыре комнаты покоя, по назначению своему носят названия: 1) старший, передний, красный, образной, святой; 2) бабий, куть, жернов-угол; 3) стряпной, печной;

4) задний или дверной, коник. Угол, при отдачи в наймы — часть покоя. Она отдает углы, раздает квартиры углами, по углам — пускает дешевых жильцов, по несколько в одну комнату. Здесь отдаются углы: объявление или вывеска. Угол, уголок — притон, приют, кров, пристанище. У него нет своего угла.

3. Угловой — стоящий в углу. Угловая мера — градусная, по дуге. Угловой дом, (ая) комната. Угловатый — с углами, выступами, заламами. Угловатая вещь неукладистая. Угловатый человек — суровый, неуживчивый. Неловкий, неуклюжий. Угломер, угломерный снаряд — устроенный для измеренья углов на градусы, для обмера дуги, содержимой в сторонах его [Даль, 2002, с. 553].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова представлено четыре ЛСВ:

Угол, угла, об угле, в углу

1. (в угле) в математике: часть плоскости между двумя линиями, исходящими из одной точки. *Вершина угла. Прямой угол (90°). Тупой угол (более 90°). Острый угол (менее 90°). Внешние и внутренние углы треугольника. Согнуть под углом. Угол зрения (перен.: точка зрения).*

2. Место, где сходятся, пересекаются два предмета или две стороны чего-нибудь. *На углу улицы. Угол стола. Пойти за угол, на угол. Из-за угла сделать что-нибудь (перен.: исподтишка). Ходить из угла в угол (ходить по помещению по всем направлениям от скуки, безделья, или в волнении, раздумье).*

3. Часть комнаты, сдаваемая внаем. *Снимать угол.*

4. Вообще пристанище, место, где живут, местность. *Жить в своем углу. В глухом углу (перен.: в отдаленной местности). Медвежий угол (перен.: глухой угол)* [Ожегов, 2004, с. 1078–1079].

В «Толковом словаре русского языка» в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой представлено восемь лексико-семантических вариантов описываемой лексемы:

Угол, угла, *предл.* об угле, в углу и (мат.) в угле.

1. Матем. Часть плоскости между двумя прямыми линиями, исходящих из одной точки. *Измерение угла. Прямой угол (равный 90°). Тупой угол (более 90°). Острый угол (менее 90°). Дополнительный угол. Спец. Степень отклонения друг от друга двух линий, исходящих из одной точки как мера измерения чего-либо. Угол падения света. Угол отражения звука. Угол прицела. Угол дрейфа судна.*

2. Место, где сходятся две внешние стороны предмета. [*Дедушка*] *виском ударился об острый угол стола.* Бунин, Суходол. *Угол дома с восточной стороны и крыльцо были разрушены снарядом трехдюймовки.* Шолохов, Тихий Дон. *Место пересечения двух улиц. Завернуть за угол. А нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка.* Пушкин, Капитанская дочка.

3. Место, где сходятся две внутренние стороны предмета, а также пространство, заключенное между ними. *Угол двора. Загнуть угол страницы. Поставить подпись в правом нижнем углу.*

4. Часть дома, квартиры, комнаты, предназначенная для кого-либо, принадлежащая кому-либо. *Ребенок видит, что и отец, и мать, и старая тетка, и свита — разбрелись по своим углам.* И. Гончаров, Обломов. *Дед жил в особой горнице. Семейки недолюбливал. В свой угол никого не пускал.* Н. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо. // *Часть комнаты, сдаваемая внаем. Дворник, от имени управляющего, все чаще напоминал Брусилову об уплате за угол, который он занимал.* Н. Успенский, Брусилов.

5. Жилище, пристанище (обычно в сочетаниях: *свой угол, собственный угол, иметь угол* и т. п.). — *Да понимаешь ли ты это счастье: иметь на старости свой угол, свой собственный дом, купленный на деньги, нажитые собственными трудами?* С. Аксаков, Я. Е. Шушерин.

Не было у него ...ни родственников, ни покровителей, не было угла своего, он — скиталец, вольнонаемный работник. Н. Помяловский, Мещанское счастье.

6. перен.: с определением. Местность обычно глухая, отдаленная. Вы хотите ехать в Петербург, а не знаете, что это за город... Вы представляете себе, что ваш Орех, в сравнении с Петербургом, — дрянной угол, деревня (Решетников, Между людьми). Понуро и скучно прошла вся молодость... в глухом деревенском углу (Неверов, Шапка с пером). // Какая-либо часть, район, место в городе, стране и т. п. Родная земля! Назови мне такую обитель, Я такого угла не видал, Где бы сеятель твой и хранитель, Где бы русский мужик не стонал? (Некрасов, Размышления у парадного подъезда). Все углы в городе знал слесарь, а доводилось плутать: туман путь застлал. (Ляшко, Рубли).

7. В карточных играх: четверть ставки, при объявлении которой погибает край карты.

8. *Прост. устар.* Кредитный билет или сумма в 25 рублей. — *Нет, я вижу, вы не хотите продавать, прощайте! — Позвольте, позвольте! — сказал Собакевич... — Хотите угол? — То есть двадцать пять рублей? (Гоголь, Мертвые души).*

○ *Из-за угла (убить, напасть, нанести удар и т. п.) — исподтишка, вероломно. На всех углах — всюду. Под углом — образуя отклонение, уклон. Под углом каким-то же, что под углом зрения. Красный (или передний) угол (устар.) — угол в избе, в котором находились иконы и стол и куда сажали почетных гостей. Медвежий угол. Многогранный угол. Непочатый угол. Целый угол (прост.) — огромное количество. Сгладить (или стереть и т. п.) (острые) углы — смягчить, сгладить резкие стороны чего-либо. Прижать (или припереть) в угол кого-либо — поставить кого-либо в безвыходное положение в разговоре, в споре. Ставить в угол — наказывать, заставляя стоять в углу, лицом к стене. Ставить во*

главу угла. Из угла в угол ходить (или шагать) — бесцельно ходить взад и вперед в раздумье, от безделья и т. п. По углам говорить или шептаться — говорить тайком, скрытно, чтобы никто не услышал [Евгеньева, 1999, с. 459].

Сопоставление результатов наблюдений словарных толкований дает возможность выявить особенности семантической структуры изучаемого слова. Во всех словарях, кроме словаря В. И. Даля, в качестве первого ЛСВ назван математический термин, называющий часть плоскости, ограниченной двумя прямыми. Следует отметить семантическую устойчивость заимствованного слова. Русское слово *угол* заимствовано из латинского *angulus* 'кривой, изогнутый' [Фасмер, 1987, с. 145; Крылов, 2005, с. 393; Черных, 1999, с. 191]. При этом семантическая структура имеет развитие, в результате которого изменился как семемный, так и семный состав. Развитие семемного состава происходило по метафорическому принципу: первичное значение 'кривой изогнутый' дало значение 'отклонение, выступ, излом', ср.: «Угол» — старинное название крутого изгиба реки Волги, на котором стоит город, по В.И. Далю, — не только «равнина, пашня, нива», но и место, занятое войском... (В. Бегичева, Углече поле, 2007). Сема 'отклонение' послужила основой употребления лексемы *угол* в качестве единицы измерения. Появление данной семемы произошло путем переноса по смежности: *угол* служил для указания на отклонение от точки покоя, в дальнейшем употребляется в качестве самой единицы измерения: *На какой угол поворачивается Земля вокруг своей оси за 1 минуту?* (В. Лукашик, Е. Иванова, Сборник задач по физике, 2003).

Внутри данного диффузного значения шло формирование других сем 'край, окраина, конец, грань, тупик', ср.: *Я шел напрямик, не по аллеям и не по тропинкам, а прямо по траве в дальний угол сада...* (В. Белоусова, Второй выстрел, 2000); *Долгие годы я боялась ходить в темный сырой угол нашего двора, сплошь заросший бузи-*

ной... (М. Палей, Поминование, 1987); *А он не придумал лучшего, как заслать Сталина каким-то уполномоченным по хлебу, куда-то в угол России* (А. Солженицын, В круге первом, т. 1, 1968). Актуализация семы 'тупик' послужила основой развития ЛСВ 'глухая отдаленная местность', ср.: *Путями неисповедимыми забрасывает меня в какой-то вселенский медвежий угол, на блюдечке с голубой каемочкой преподносит этот дурацкий мир и включает счетчик* (А. Козаев, Двое..., 2007).

Далее семантическое развитие шло по пути расширения пространственных смыслов: от обозначения фигуры, образованной двумя сходящимися прямыми, до места, образованного двумя сходящимися сторонами объекта, ср.: *угол дома, угол стола, угол футбольных ворот, угол платка, угол дивана, угол комнаты* и пр. Эволюция семного состава происходила по метонимическому сценарию, путем расширения значения по смежности. *Угол* как место, образованное двумя сходящимися сторонами, приобретает способность для означения части жилого строения, например: *В правый передний угол, где света больше, подоткнут наперекосяк такой же громоздкий, как шкаф, стол с двумя тумбами;... поперечной рейкой он поделен на две половины — на письменную и столовую* (В. Распутин, Новая профессия, 1998); *Проделав это раза три или четыре, мы уносили ящики в дальний угол склада* (С. Довлатов, Переводные картинки, 1990); *Скворцов направился в главный угол, где за столом побольше других сидел майор Тысячный — невзрачный человек лет сорока с толстым носом* (И. Грекова, На испытаниях, 1967).

В современном русском языке *угол* эксплуатируется для обозначения какой-то части в пространстве и выступает синонимом лексемам *район, место в городе, стране*, например: *Он перестал посещать и подновлять скрады... нынче вот поволокся в свой добычливый угол охотник — вдруг повезет* (В. Астафьев, Пролетный гусь, 2000); *Я стал смотреть и узнал наш парк, тот угол, который*

каждый день вижу из окна своей колокольни (Ю. Домбровский, Хранитель древностей, 1964); *Он пришел в знакомый ему угол под резную листву филодендрона* (В. Гроссман, Под фонарем, 1963); *Этот гаденыш Аватар засел на башне и весь угол держит, не прорвешься никак* (А. Маринина, Последний рассвет, 2013).

Наличие семантического признака ‘тупик’ дает возможность функционированию следующих устойчивых выражений, таких как *загнать в угол, припереть в угол, забиться в угол, зажать в угол, задвинуть в угол*, общим компонентом которых выступает ‘безвыходное, трудное положение субъекта описания’, например в следующих контекстах: *С большим трудом черные сумели завершить развитие и спрятать короля в угол* (Н. Рашковский, О. Стецко, Один за всех и все за одного, 2003); *Забилась она в угол, прижалась и не глядит на нас* (В. Короленко, Чудная, 1880); *Приходится трезво признать, в какой угол они нас загнали: самодержца убили вместе со всей семьей, Русскую церковь разгромили...* (Д. Гасак, О. Филина, Уваровская триада не работает, 2015); *И снова, как в прошлый раз, его охватила такая пронзительная тоска, что захотелось забиться в угол и зарыдать во весь голос* (М. Тырин, Будет немножечко больно, 2014); *В попытке вывести Вас из себя, когда такой человек загнан в угол, он может начать выливать на Вас всю грязь, что накопилась за все время вашего знакомства* (Как победить человека, который всегда прав, 2013).

К доминантной категориальной семе можно отнести ‘место, где сходятся внешние и внутренние стороны предмета’. Показателем доминантности служит тот факт, что данный признак присутствует в большинстве номинаций: *угол улицы, второй дом от угла, выглянуть из-за угла, снимать угол* и пр. Такое наращение обусловило использование лексемы *угол* для обозначения любого жилища, а также земельного надела (диал.), укромного, заброшенного пространства. Анализ функционирования данного ЛСВ можно рас-

смаатривать как культурный речевой стереотип, основанный на представлениях о не совсем комфортном / временном месте проживания, ср: *В Париже каждый может найти себе любимое место, квартал, угол и будет чувствовать себя так, как будто там родился* (С. Спивакова, Не все, 2002); *Елена в то время снимала свой угол за ситцевой занавеской в гнилом деревянном домишке на окраине* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого, 2000); *Дом ее уже был рядом, и она побежала, отстукивая каблучками, чуть задыхаясь от ветра и пригибаясь, ... вышла на тихий свой московский угол...* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора, 1963).

Данный речевой стереотип можно отнести к культурным понятийным стереотипам, появление которого объясняется условиями проживания в России, где жилищный вопрос всегда стоял очень остро, жилья не хватало, большая часть населения в городах решала бытовые проблемы проживания путем аренды части квартиры/дома, т. е. аренды угла. Стереотип *угол* можно отнести к прагматическим стереотипам, поскольку механизм осмысления основан на оппозиции *свой — чужой*. В этой системе координат *угол* как место постоянного проживания эксплицирует чужое пространство, в условиях которого временно пребывает субъект описания. При этом в атрибутивных сочетаниях с *мой, свой и собственный* лексема используется для обозначения координаты *личный*: ср. — *Располагайтесь, предложил будто старым знакомым, — это мой угол* (А. Приставкин, Вагончик мой дальний, 2005).

Дифференциальный признак чужого пространства реализуют и другое ЛСВ, номинирующее глухое, отдаленное место, ср.: *Ребята действительно любили зайти в школьный двор, постоять за музеем, там образовался укромный зеленый угол* (М. Кучерская, Тетя Мотя, 2012); *Представьте себе — богом забытый угол метро, ведь мало ли что там может произойти...* (М. Глуховский, Метро 2033, 2005); *Когда у меня еще не было Велегожа, я часто откатывался*

из Москвы в Крым: в угол империи с ринга столицы (А. Иличевский, Ай-Петри, 2005).

Стереотип *угол* эксплицирует сему 'место, которое может служить пристанищем'. Углом именуется такое жилище, которое рассматривается как временный приют или убежище для субъекта, нередко расположенное вдали от места его рождения: ср. *Элитное жилье покупает жулье, а воюющим с неправдой не хватает средств и на скромный угол* (Серые дьяволы, 2004). Контексты с лексемой *угол* в данном значении актуализируют отрицательную оценочность, при помощи которой говорящий выражает свою «чувственную оценку объекта» [Кунин, 1996, с. 93] и характеризует «отдельные стороны предмета номинации или отношение к нему» [Стернин, 1985, с. 43], ср.: *Каморка была крошечная, как нора, где-то под лестницей в номера, но все-таки свой угол, где сам большой, сам маленький* (Д. Мамин-Сибиряк, Клад, 1889); *Куда я ее приведу? В свой угол? Это несолидно* (И. Грекова, Дамский мастер, 1963). Причем, как видно из примеров, оценка жилища, номинируемого лексемой *угол*, имеет не коннотативный характер, а денотативный, т. е. сему оценки мы, вслед за Ю. Д. Апресяном, относим к культурным представлениям и традициям, господствующей в русском языковом сообществе практике использования соответствующего жилья и многим другим экстралингвистическим факторам [Апресян, 1999, с. 67]. В этом случае оценка принадлежит самому объекту проживания и относится к сфере прагматики языкового знака. В этом и заключается основание отнесения стереотипа к прагматическому виду.

Другая линия развития семантики лексемы *угол* шла по пути развития семантического признака, восходящего к семе 'фигура, образуемая двумя сходящимися линиями'. Языковым сознанием степень отклонения сторон угла используется для различного рода измерений: от измерения оборота, угла осевого вращения небесных тел в

астрономии, расчета угла атаки в артиллерии и оружейном деле, авиации, угла уклона поверхности, установления азимута в географии и геодезии, угла рассеивания в оптике, угла дрейфа судна в морском деле до формирования взгляда на те или иные явления, определенного их понимания, ср.: *Нож держат прямо и равномерно прижимают к кругу, стараясь сохранить требуемый угол заточки* (Т. Матвеева, Реставрация столярно-мебельных изделий, 1988); *Угол наклона оси Марса, который сейчас практически совпадает земным, очень неустойчив* (А. Родин, Погода и климат на Марсе, 2013); *Но настанет момент, когда этот самолет будет летать выше, быстрее и надежнее, и все поймут: ага, обратный угол крыла — вот что надо было!* (О. Тимофеева, Русский репортер, 2013); *Синхронно вращающаяся решетка радиодальномера позволяет определить угол возвышения на цель, то есть вычислить высоту ее полета* (Юный техник, 2013); *Плюс едва не панорамный угол обзора (выежая кормой вперед, со двора можно поглядывать на перпендикулярно несущиеся машины* (Л. Евдокимова, Февральская революция глазами любительницы «мягких тканей и духов», 2015). Функционирование угла как средства измерения и наличие семы ‘установление величины’ послужило базой для появления ряда фразем, как то: *угол зрения, угол рассмотрения*. В приведенных примерах идея измерения развивается в сторону сферы анализа и выработки мнения, в соответствии с которым субъект оценивает и осмысляет происходящие с ним события, явления, факты, ситуации, полученные знания. В этом случае фразеологизмы синонимичны терминам *аспект, воззрение, мнение, позиция*. Следующие примеры могут служить основанием сформулированных выводов: *Правда, несколько изменен угол зрения, под которым рассматривались давно знакомые явления* (А. Азольский, Лопушок, 1998); *Выбранный угол зрения базируется на мысли, что именно способность языка отражать реальную действительность выступает смыслом и*

оправданием самого существования языка (И. Милославский, Говорим правильно по смыслу или по форме, 2013); Конечно, внутри каждого из этих фундаментальных этапов развития логики выделяются свои периоды, для которых характерны специфический угол зрения на проблему универсалии, свое видение и своеобразная их трактовка, которая находит свое выражение и в биологических классификациях, и в социальных группировках (С. Неретина, А. Огурцов, Пути к универсалиям, 2006); Утеряна, прежде всего, верная тональность, некий особый угол зрения на реальность (С. Лурье, "Концерт" держав, 2003).

Следующим этапом изучения послужили вторичные номинации изучаемой лексемы, поскольку перенос значений по сходству и смежности интересен в плане семантической близости сравниваемых фрагментов внеязыковой действительности, что дает выход на когнитивную составляющую смыслового содержания и процесс осмысления. Выявление концептуальной метафоры, лежащей в основе номинации, есть по сути определение обобщенного образа, сформированного на принципах сходства осмысляемых областей. Изучение концептуальных метафор, объективирующих *угол*, дает возможность установить некоторые постоянные модели:

1. Угол — единица измерения: ср. *По амплитуде оптической переменности... удалось оценить угол наклона плоскости орбиты системы...* (А. Черепашук, Поиски черных дыр, 2004); *По данным бурения угол падения контактов непостоянен и меняется от 30 до 80 градусов* (А. Антонов, Минералогия родингитов, 2003).

2. Угол — жилище, пристанище, например: *Тут он увидел, что горит весь его угол, горят его ширмы, вся квартира горит...* (Ф. Достоевский, Господин Прохарчин, 1846); — *Взрослый мужик, почему за много лет ничего не предпринял, чтобы иметь свой угол?* (В. Дубовский, Хижина дяди Саши, 2013); *Ехать в Азово, где я снимал угол у тетки, было уже поздно* (М. Петров, Поэт забвения,

2012); *Если зарплаты хватало на то, чтобы позволить собственный угол, то радости и гордости нашей не было предела* (А. Беспалов, *Как дела у 25-летних*, 2010); *Мне казалось, что каждый режиссер на земле имеет свой угол для репетиций. Оказалось, за угол надо бороться* (С. Денисова, *Театральный роман*, 2010); *Долгоруков видел его уже стариком, смирившимся со своей участью: «Покойный угол и чашка кофею составляли все его благоденствие, но в страшных башнях Евфимьева монастыря он его иметь не мог»* (И. Грачева, *Суздальские тайны*, 2009).

3. Угол — часть пространственного объекта: *Последнему способствует низкая линия остекления и многочисленные наружные зеркала, позволяющие видеть собственный бампер и правый передний угол кабины* (А. Карпенков, Ю. Нечетов, *Балтийские головоастикки*, 2003); *А на войне я не была... могу и документы показать — и метнулась угол к вещмешкам* (В. Астафьев, *Пролетный гусь*, 2000); *На огромной кровати высился террикон какой-то рухляди и тряпок: я различал угол чемодана, ручку зонтика, лаковый женский сапог* (А. Волос, *Недвижимость*, 2000), *Батюшка каждый день ходил в храм и расчищал там какой-нибудь угол, днем приходил обедать, а потом опять шел разбирать завалы* (М. Кучерская, *Современный патерик: чтение для впавших в уныние*, 2004).

4. Угол — территория: *Есть милая страна, есть угол на земле, куда... всегда уносимся мы дуною своей* (Е. Боратынский, 1832); *Как жалко, что человек даже не может выбрать себе угол на земле!* (Л. Вертинская, *Синяя птица любви*, 2004); *Когда они встретились после испытания... Тамм затащил его в «совершенно секретный» угол и стал рассказывать не столько о совпадении их термоядерных расчетов с измерениями, сколько о том, как отвратили радиоактивную опасность для населения в окрестностях полигона* (Г. Горелик, А. Сахаров, *Наука и свобода*, 2004).

5. Угол — дальше захолустье: *Этот «медвежий угол» издавна населен инородцами, которые охотно приняли девиз Ч. Ляна «Человек и Дружба», но не рвутся отвоевать Поднебесную у коренных китайцев, вставляя свою шею в новое имперское ярмо* (С. Смирнов, Конец Серебряного века, 2003); *Демонстрация такого отношения приводит меня к безрадостному выводу, что многолетние усилия России стать сильной, которую будут воспринимать как равноправного участника мировых экономических и политических процессов, интересы которой не будут постоянно отбрасывать куда-то в угол цивилизации, позволят ей быть экономически и политически сильной, — не состоятельны* (М. Рубченко, Последний шанс империи, 2004); *Для магнатской подмосковной вроде герценовского Васильевского либо юсуповского Архангельского далеко от столицы, но и не глухой угол помещицы Коробочки* (С. Эйгенсон, Сельхозработы, 2003).

6. Угол — край чего-либо: *Отец зажигает вторую спичку, папиросу вставляет в угол рта, покачивает головой...* (Б. Пильняк, Три брата, 1928); *Его поместили в палату, где обитал мальчик, мысль которого не смогла выбраться из давно минувшего малолетнего возраста в распахнутый перед ним мир, плотно забравшись куда-то в дальний угол своего заостреннее сознания, как насмерть перепуганная улитка* (С. Кулаков, Нить Ариадны, 2013); *Недалекие святоши кричат о моральной деградации человечества — а на деле мужчина-беспилотник, забитый и запуганный, плетется в последний оставленный ему угол...* (В. Пелевин, Бэтман Аполло, 2013); *Портфель отлетел далеко в сторону, грохнувшись пластмассой об угол тротуара* (Е. Сухов, Делу конец — сроку начало, 2007); *Пацаненок обменялся с главным редактором несколькими фразами и скрылся за углом, хотя понятие угол не совсем корректно использовать по отношению к круглому зданию оперы* (Т. Сахарова, Добрая фея с острыми зубками, 2005).

7. Угол — наказание: *Встреча была патетическая, но дома меня поставили в угол* (В. Ходасевич, Младенчество, 1933); *Во многих странах Евросоюза уже приняты законы, запрещающие любое телесное наказание, к которым относят в том числе шлепок или постановку ребенка в угол* (Т. Шишова, И. Медведева, Законное вторжение, 2010); *Картины лицом к стене, в угол, будто наказаны* (М. Шишкин, Письмовник, 2009); *Любой разнос на ТВ — красивая картинка для народных масс, типа вот, смотрите — мы его в угол поставили, теперь шалить не будет* (Всех задерживаем, 2007).

Анализ материалов Национального корпуса русского языка позволяет выделить не зафиксированные в лексикографических источниках значения слова *угол*. Так, в большом массиве контекстных употреблений под *углом* понимается неопределенное пространственное место, движение или действие к которому не имеет определенного направления: например: *Скорее поверят в признание, что порой учебники летели в угол, сопровождаемые бессмысленными проклятиями* (М. Пупшева, Счастливики с 1-й по 11-й класс, 2002); — *Рождества, — уже без почтения ответил мужичок, разгадав их по одному слову, и так же быстро ушел за угол, как и появился* (А. Солженицын, В круге первом, 1990); *Если все редакторы будут вести такую линию, знаете, во что мы превратимся? Вот! — он ткнул куда-то в угол. — В коммунистический агитационный листок, в копеечную прокламацию, в воскресное приложение к «Юманите»!* (Ю. Домбровский, Обезьяна приходит за своим черепом, 1958); *Отойдя в угол, он некоторое время с трудом удерживался от спазм* (Ю. Тынянов, Малолетний Витушишников, 1933); *Они отошли в угол; там, шепчась между собой, старались они понять, как попало сюда изображение дома* (А. Грин, Аквадель, 1929); *Жена задумалась, уставившись черными, еще блестящими от слез глазами в угол* (М. Арцыбашев, Жена, 1905); *Хозяин, допив наш чай, угостив также сильно озябшего ямщика, подложил*

еще дров и скрылся в какой-то угол (В. Короленко, Мороз, 1901); *Когда я принес ему работу, он (Тихонов) небрежно сунул ее в угол, и мне показалось, что она непременно затеряется в рабочем беспорядке его кабинета* (С. Капица, Мои воспоминания, 2008).

В приведенных примерах предложные сочетания с *угол* не реализуют ни одно из своих прототипических значений, заявленных в словарях, а обозначают место в пространстве, которое можно охарактеризовать как расположенное в стороне от дейктических пространственных координат коммуникативного акта.

Культурологически значимым, на наш взгляд, является и то, что во многих фраземах *угол* актуализирует отрицательные смыслы:

1) потенциальную угрозу попасть в безвыходное положение, ср.: *острые углы (разногласия, недомолвки), загнать в угол, показать задний/пятый угол (угроза расправы);*

2) вероломность действий: *из-за угла (исподтишка),*

3) лень или бездействие: *ходить вокруг углов, обтирать углы, подтирать углы;*

4) бесосновательность: *взять с девятого угла (наобум);*

5) место сбора асоциальных элементов: *пьяный угол,*

6) часть горизонта, откуда приходит ненастье: *мокрый угол, сырой угол, гнилой угол;*

7) болезнь, недомогание или смерть: *сидеть в углу, лежать в углу, лечь в угол;*

8) неверность в семейных отношениях: *любовный треугольник;*

9) неуклюжесть или неспособность установить дружеские отношения (перен.): *угловатый человек.*

Можно говорить о том, что в русской языковой картине мира *угол* эксплуатируется для репрезентации пространства, в котором формируются негативные ситуации, поэтому *угол* манифестирует для актуализации отрицательных идей, в отличие от *круга*, объективирующего положительные смыслы: *круг друзей, большой круг, круг*

почета, круг общения, широкий круг, круг света, круглый отличник и т. п. Данные наблюдения находят подтверждение в следующих примерах: *Но никому про это не рассказывай. А Толика нашего расстреливать за угол. <...> Повели меня за угол. Хотели в спину расстрелять* (М. Ахмедова, Лучшая собака на земле, 2013); *Я все-таки опять убежал... судьба в долгу не осталась, еще через два с половиной года загнав меня в новый угол, теперешний* (А. Макушинский, Город в долине, 2012); *Она заворачивает за угол и попадает в ловушку* (О. Новикова, Каждый убивал, 2012); *Создатель движения был унижен, был незаслуженно оскорблен, стал жертвой интриги, задвинут в угол* (Л. Зорин, Глас народа, 2008); *Я чувствовал, что меня хотели убить, убить подло, из-за угла, без всякого повода и предупреждения* (Ф. Искандер, Святое озеро, 1969); *Люди с озабоченными[f1], а скорее — перепуганными лицами бегали по коридорам, шептались по углам и кабинетам, делились слухами о новых прогнозах и назначениях* (А. Яковлев, Омут памяти, 2001).

Проведенный дефиниционный и контекстуальный анализ позволяет установить коммуникативно-релевантные значения ключевой лексемы концепта *угол*.

1. Геометрическая фигура, образованная двумя скрещивающимися прямыми.

Дополнительная сема:

– угловая мера измерения;

2. Место схождения двух внешних или внутренних сторон пространственного предмета.

Дополнительные семы:

– часть предмета, даже в том случае, если он не имеет углов (край предмета);

– часть жилища.

3. Пристанище, жилье.

4. Место, район, край.

Дополнительная сема:

- отдаленное место;
- неопределенное пространство (место, расположенное вне дейк- тического пространства описания);
- локус концентрации и формирования негативных для человека ситуаций.

Угол в русских паремиях и устойчивых выражениях

С целью верификации смыслового содержания изучаемого концепта был проведен анализ паремиологического материала. Известно, что пословицы и поговорки содержат в символической и образной языковой форме опыт и мудрость народа, а наблюдения за смыслами, изложенными в дидактическом виде, дают возможность выявить значительный пласт общей языковой картины мира, поскольку паремии — цитаты из общей народной культуры, из общего народного опыта. Поскольку поучительные высказывания, или паремии, занимают в национальной культуре очень обширный пласт, они оказывают огромное влияние на формирование языковой картины мира любого народа [Савина, 2001, с. 33–35].

В русском паремиологическом фонде можно выделить несколько основных образных воплощений концепта «угол»:

1. Угол как геометрическая фигура, он может быть *острым, тупым, прямым*, способен принимать некие размеры (может быть большим или маленьким).
2. Угол как жилище, временное пристанище.
3. Угол как некая ценность, которую можно сдать внаем, продать, купить или которой можно завладеть.

В ряде пословиц и поговорок зафиксированы факты суеверного отношения к этой части жилища или острой выдающейся части стола, например: «Не садись на угол — не женишься», «Сяду на угол — невесту с углом возьму». В русской культуре угол наделял-

ся мистическими свойствами. Считалось, что у углов отрицательная энергетика, которая может повлиять на ход дальнейших жизненных событий. Появление предрассудков связано с тем, что стены дома, «своего» угла в русской культуре рассматривались как защита от чужого потенциально вредоносного пространства. Древние русичи считали, что угол являет собой границу с потусторонним миром, для осуществления защиты при строительстве дома в углах помещали зерно или монеты. С приходом христианства в один из углов помещали изображения святых, поэтому он назывался *красным* или *святым*. Дорогого гостя издревле на Руси усаживали в «красный угол». «Красный угол» был в каждой избе — там висели иконы, и место это считалось святым. Почетный угол в доме всегда был украшен. Эта традиция нашла отражение во многих пословицах, например: *Красна изба углами, а обед пирогами, В передний угол посоха не ставят*. В красном углу не только молились, там проводились различные мистические действия охранительного характера, а также гадания на Святки. Передний угол является почетным местом в некоторых других обрядах.

Взгляд на *угол* как на жилище (дом) является ведущим в русских паремиях и проявляется не только в фольклоре, но и в литературе. *Белый свет не углом сведен, И убог уголок, да угодьа узелок, Хорош угол, да чужой, плохой, да свой, Свой уголок — свой простор, своя хатка родная матка, В родном углу все по нутру, В своих углах не староста приказчик*. В приведенных и других пословицах и поговорках для обозначения родного дома языковым сознанием выбирается *угол* как отражение значимости таких смысловых составляющих, как традиционная связь русского человека с собственным жилищем, пространство единения всей семьи, неотъемлемая часть существования русского человека, наделенная физическими, социальными, культурными значениями, место, где он появляется на свет и завершает свой жизненный путь. Определенным образом ориенти-

рованное жилище позволяет человеку постоянно и однозначно ощущать свое положение в пространстве.

Другой смысл заключен в поговорках и пословицах, где под углом понимается часть местности, русской земли. Для русского языкового сознания *угол* — сфера бытия, правила и образ жизни, традиции и память — малая родина, где человек счастлив в труде, в семье и взаимоотношениях с другими людьми, поэтому русский человек дорожит родными местами, понимая, что оно дарит ему заботу, пристанище и уют, защищает и ограждает от бед, такое переживание связано с присутствием Бога, ср.: *Свой уголок — свой простор, Коломна городок — Москвы уголок, И убог уголок, да угодя, Одинокому где хлеб, там и угол.*

Концепт «угол» в русской языковой картине мира играет очень важную роль, что связано с христианским мировоззрением и с остатками языческих представлений о мире, которые органично переплелись с христианскими.

В русских устойчивых выражениях одновременно работает понимание угла как меры измерения или сравнения фактов и положений: *Солнце светит всем, да под разными углами, Не под тот угол колотишь, Без четырех углов и изба не стоит.*

Угол способен формировать фраземы, ономаσιологическая интерпретация которых демонстрирует наличие культурно-обусловленного образного понимания угла как потенциально опасного пространства, к таким можно отнести: *освятить углы, загнать/припереть/зажать в угол, темный угол, поставить в угол.*

При этом во многих устойчивых сочетаниях атрибутами угла выступает уединенность, пребывание в данном пространстве чаще всего продиктовано несогласием с существующим положением дел, или безразличием к происходящему в социуме. Сценарий пребывания в углу (который негативно оценивается в русской культуре) предполагает ситуацию обиды или недовольства: *дуться в углу, вы-*

ражение активного противостояния: *сбиться в угол*, а также обособленности, безучастности: *разлететься, разбежаться, отсидеться по углам*. Идея уединенности формирует возможность описания предотвращения вражды, активной борьбы противоборствующих сторон: *развести по углам*.

В русском языке фраземы с *углом* участвуют в указании направления действия, актуализируя различные дополнительные смыслы: *Вдруг послышались торопливые шаги, и из-за угла вынырнул мужчина* (Б. Окуджава, Искусство кройки и шитья, 1985). Речь может идти о внезапном, непредвиденном действии или событии: *И вдруг жизнь, пусть и запоздало, но все же расплатилась, вернула обещанное, но только сделала это слишком неожиданно, из-за угла* (М. Елизаров, Библиотекарь, 2007). Чаще всего *из-за угла* используется для обозначения неожиданного вероломного действия: *Он как будто нарочно подстерегал Джерри, налетал откуда из-за угла и безжалостно трепал его* (Л. Надеждина, Тайфун и Джерри // Наука и жизнь, 2007). На глубинном образном уровне под углом понимается место, заключающее в себе опасность и угрозу жизни человека: *Я чувствовал, что меня хотели убить, убить подло, из-за угла* (Ф. Искандер, Святое озеро, 1969); *Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла* (М. Лермонтов, Герой нашего времени).

Другой фрагмент осмысления демонстрирует выражение *из угла в угол*, имплицитное идею разнонаправленного хаотического движения. Можно предположить, что первоначально было обозначение беспорядочных действий внутри ограниченного пространства: *Дома Егор ходил из угла в угол, что-то обдумывая* (В. Шукшин, Калина красная, 1973); *Во время обеденного перерыва Штрум не пошел в столовую, шагал из угла в угол по своему кабинету* (В. Гроссман, Жизнь и судьба, 1960). В результате семантической деривации *из угла в угол* получает возможность маркировать бесцельные, безрезультатные действия в пространстве как таковом:

Кто бы знал, как я устал есть без стола и книжки из угла в угол перетаскивать (Е. Гришковец, Город, 2001). Подобного рода представления восходят к пониманию пространства движения в контексте субъекта и его действия, ср: [Nesser, 1884, с. 205–241]: *Промучившись до вечера, исходив из угла в угол не менее пяти километров, я уснул* (А. Рубанов, Сажайте и вырастите, 2005). В следующих примерах пространство воспринимается как расширяющаяся область повторяющихся действий: *Весь первый этаж осветился, из угла в угол ползли слухи и замыслы, над головой сидящих или стоящих у подоконников в коридорах людей роились приглушенные, несмолкающие разговоры* (В. Валеева, Скорая помощь, 2002).

Заслуживает внимания ментальный конструкт, образуемый фраземой *за угол*. В большинстве речевых произведений *за угол*, помимо указаний на направление движения, актуализирует идею укромного места: *Мы отошли за угол, на задворки, туда, где начинается огород и где у беспутной певуны Ольги все заросло сорняками* (А. Андронов, Вариант нормы, 2009); *В поисках интересного сюжета я так и норовил завернуть за угол и отбиться от группы* (О. Белоконов, Африканские ямбы // Наука и жизнь, 2006). Признак уединенного места наделялся отрицательной аксиологией, и *за угол* приобретает символическое значение внушающего страх пространства, несущего потенциальную опасность для жизни или жестокого применения силы, например: *Потому им и не понравился. Повели меня за угол. Хотели в спину расстрелять* (М. Ахмерова, Лучшая собака на земле // Русский репортер, 2015); *Они вышли из трактира и двинулись вдоль плохо освещенной улицы, и Каролина вдруг поняла, что как только они свернут за угол, он выстрелит ей в затылок* (Буйда, город палачей // Знамя, 2003).

Результаты ассоциативного эксперимента

В целях формирования ассоциативного поля концепта был проведен психологический эксперимент, который позволил выяснить, как в речевой деятельности реализуются компоненты языкового сознания носителей русского языка. На первом этапе был проведен «ненаправленный» ассоциативный эксперимент, где испытуемым нужно было ответить на вопрос: «Что обозначает слово "угол"». В эксперименте приняли участие 197 респондентов, разного социального статуса. Было получено 268 реакций на слово-стимул *угол*, из них 66 различных ассоциаций.

Возраст испытуемого	Количество опрошенных	Ответ испытуемого
11–17 лет	42 человека (учащиеся средней школы)	61,9% — геометрический термин (<i>прямой, острый, математика, линейка</i> и т. п.) 19% — угол предмета (<i>стола, парты, доски, подоконника</i> и пр.) 12% — наказание (<i>поставить, непослушный, ремень, злой</i>). 4,8% — место встречи 2% — нет ассоциаций
18–25 лет	46 человек (студенты и работающая молодежь)	41,3% — математическое значение (<i>тупой, диагональ, прямой, транспортир</i> и пр.) 21,7 % — жилище (<i>свой, мой, снимать</i> и пр.) 18 % — угол(ок) объекта (<i>тетради, книги, рта, торец, грань, угол мебели</i> и т. п.) 13 % — место встречи (<i>встретимся на углу, за углом</i>) 6,5% — территория (<i>родной угол, зеленый, темный, дальний...</i>) 4,3% — тупик (<i>пятый, преткновения, забиться...</i>) 1,7% — измерение (<i>угол зрения, рассуждения, вращения</i> и пр.)

Глава 1 Ключевые образы русской пространственной картины мира

<p>25–35 лет</p>	<p>53 человека (работающие и безработные)</p>	<p>45,3% — жилище (<i>дом, комната, снять, жить, свой, икона</i> и пр.) 18,86% — угол объекта (<i>угол улицы, крыши, торец, стык, локоть, острый</i> и др.) 9,43% — тупик (<i>край, пятый угол, зажаться, припереть</i> и т. п.) 7,54% — математическое значение (<i>прямой, острый, геометрия</i> и др.) 7,54% — отдаленное глухое место (<i>захолустье, глушь, медвежий, одиночество, дыра</i> и т. п.) 1,06% — территория (<i>родной край, мой, угол-лок земли</i>) 1,06% — направление (<i>за угол, на угол, в угол, из-за угла</i>) 1,06% — измерение (<i>угол падения, наклона</i>) 1,06% — опасное место (<i>зажать, загнать в угол, пьяный угол, западня, подворотня</i>) 1,06% — наказание (<i>провинность, поставить, непослушный</i>)</p>
<p>36–50 лет</p>	<p>29 человек (работающие и безработные)</p>	<p>48,3% — жилище (<i>жилье, дом, комната, снять, получить, свой</i>) 10,3% — геометрический термин (<i>многоугольник, сектор, циркуль, школа</i> и пр.) 10,3% — угол пространственного объекта (<i>дома, улицы, сада, магазина, шкафа</i> и пр.) 10,3% — место, район (<i>укромный, родной, возвратиться, уединиться, дальний</i> и пр.) 10,3% — направление (<i>появиться из-за угла, из угла в угол, бросить в угол, свернуть за угол</i>) 6,8% — конфликт (<i>любовный треугольник, угловатый, весь из углов</i>) 3,4% — тупиковая ситуация (<i>край, конец, пятый угол, западня</i>)</p>

ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

50–65 лет	27 человек (работающие и пенсионеры)	25,9% — жилище (<i>дом, квартира, жилье и пр.</i>) 18,5% — математическое значение (<i>градус, прямой, острый, транспортир</i>) 20,7% — территория, место (<i>дальний, глухой, мой, живой, местности, провинция</i>) 14,8% — место схождения двух внешних или внутренних сторон предмета (<i>комнаты, дома, грань, острота, пирамида, красный угол</i>) 3,4% — ситуация конфликта (<i>любовный треугольник, пятый угол, удар</i>) 3,4% — количество (<i>весь угол, целый угол</i>) 3,4% — единица измерения (<i>угол поворота, наводки, зрения</i>) 3,4% — место встречи (<i>на углу, за углом, подворотня</i>)
-----------	--------------------------------------	--

Сфера употребления слова «угол»

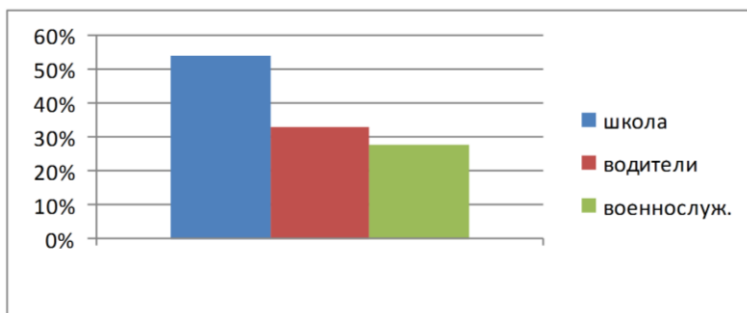

Рис. 1

Результаты ассоциативного эксперимента позволили выяснить, что в сознании носителей языка семантическая структура лексемы *угол* представлена следующими системными сферами: 1) геометрическая фигура, 3) жилище, 4) место, район, 5) место схождения двух внешних или внутренних сторон пространственного объекта, еди-

ница измерения или точка отсчета, 6) направление действия или средство ориентации в пространстве, 7) край, тупик, 8), потенциально опасное место.

Самыми актуальными психологически реальными значениями являются жилище, сдаваемое внаем / место проживания, часть жилья, пристанище (35,3% общего числа субъективных дефиниций). 27,9% испытуемых под углом понимают геометрическую фигуру. К числу частотных психологических реакций можно отнести указания на *угол* как на место схождения двух внешних или внутренних сторон пространственного объекта — 16% всех полученных ответов. Данные содержательные признаки, частотность воспроизведения которых говорит о представленности в массовом языковом сознании, отсылают к пространственным идеям и составляют ядерную концептуальную зону, что соответствует результатам дефиниционного анализа, проведенного на основе лексикографических источников. В околядерной зоне расположены семантические признаки ‘места, территории’ (9,22% ассоциаций общего числа), дифференциация которых осуществляется в атрибутивных сочетаниях с притяжательными местоимениями *мой, свой* или прилагательными *темный, мокрый, дальний, медвежий, зеленый, родной, укромный* и др., ‘направления’ (5,88% ассоциаций), ‘места потенциальной опасности’ (6,8% ассоциаций). Все остальные семантические признаки можно отнести к периферии семантической структуры.

Полученные данные дают возможность обнаружить специфику фреймовой структуры концепта *угол*. В соответствии с ассоциациями *угол* представляется зоной проживания субъекта описания, чаще всего это дом или часть дома, который признается своим, родным пространством обитания. Сегментом *своего (освоенного)* пространства, номинируемого лексемой *угол*, признается по смежности местность его проживания, ср.: *угол родной земли, милый уголок, знакомый угол, прекрасный угол*, атрибутами последних является

удаленность от городского пространства и близость к природе. *Узлом* называется такое жилье, которое чаще всего не отличается большими размерами, в нем *живут* или его *снимают*. Судя по ассоциативным репликам, геометрическое моделирование пространства на основе простейшего когнитивного образа угла — один из продуктивных способов его осмысления и категоризации. Так, под углом понимается место схождения как внешних, так и внутренних сторон пространственного объекта, в подобного рода номинациях когнитивный образ основан на знаниях эмпирического уровня. Рассуждая о форме, В. И. Карасик справедливо замечал, что «геометрические представления глубоко внедрены в сознание человека, в его представления об объектах окружающего мира, связаны с базовыми структурами, организующими его перцептивный мир, и реализуются в практике в виде особой геометрической интуиции, обеспечивающей практическую ориентацию» [Карасик, 2007, с. 228]. Эмпирические знания предполагают наличие чувственной перцепции, отсылке к уже существующему опыту, выявление связи между номинируемым объектом и подобными ему. Геометрические номинации получают наглядно-образные производные значения. Синеестезия чувственного восприятия позволяет носителю языка в психологических дефинициях наделять *угол* той или иной аксиологией, ср.: *медвежий угол, родной уголок, гнилой угол*; использовать в качестве конвенционального обозначения размера или количества: *целый угол, весь угол*; именовать потенциально опасное место, например: *пятый угол, задвинуть в угол, зажать в угол, загнать в угол*; применять в качестве показателя социальной адаптивности к общению, ср.: *угловатый человек, весь из углов, любовный треугольник*.

Итак, исходя из результатов дефиниционного анализа, ассоциативного эксперимента, наблюдений над функционированием изучаемой лексемы в материалах Национального корпуса русского языка, паремическом фонде была определена структура концепта *угол* в

русском языке, в которой установлен следующий содержательный минимум:

- геометрическая фигура,
- место в пространстве,
- жилище,
- часть пространственного объекта, где сходятся две внешние или две внутренние стороны,
- средство формирования оценки,
- направление перемещения,
- точка отсчета.

Угол — одна из ключевых онтологических геометрических фигур русского языкового сознания. Формирование основных значений тесно связано с представлениями носителей языка об угле как обязательной составляющей любого дома, пространства в нем, наделенного человеческим присутствием. В семантической структуре концепта присутствует дифференциальный признак ‘приносящий неприятности’, что способствует появлению контекстов с лексемой *угол*, имплицитующих отрицательную аксиологию.

1.3 Концепт *степь* в русской языковой картине мира

Понятийный компонент концепта *степь* был установлен на основе анализа дефиниций ключевого слова по материалам толковых словарей («Словарь современного русского литературного языка», «Словарь русского языка» в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой, «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова). По результатам анализа понятийная часть концепта *степь* может быть определена как обширное, безлесное, ровное, покрытое травяной растительностью, безводное пространство, пустыня, например: *Кругом*

до самого горизонта тянулась степь... ровная, неподвижная, залитая горячим солнцем. Трава была мелкая и редкая, повсюду серели большие плешины голой, выжженной солнцем земли. Ветер слабо дул с запада, шелестя травой; с ветром неся издалека тонкий, нежный запах свежего сена, но запах шел... от травы, на корню сохшей под жгучим солнцем (В. Вересаев, В степи, 1901). К другим семантическим признакам степного пространства можно отнести безграничность и безбрежность просторов: ... Пошли степные места. Глянешь с горы — какой вид! ...Вот она наконец — безграничная, необозримая степь!..» (И. С. Тургенев), ровность ландшафта: Рядом с голыми скалистыми горами лежит ровная плоскость зеленой степи (Г. Разумов, Атлантиды земли и морей, 2014), безлесность и наличие травяной растительности: Пошла сплошная, необозримая степь, заросшая густыми цветущими травами (Г. Данилевский, Беглые в Новороссии, 1862), бедность водных ресурсов (Откуда, в этой выжженной солнцем, безводной степи, мог появиться лес?! (К. Стэнк, Возродившие будущее, 2018).

В Национальном корпусе русского языка (запрос от 15.03.2016) выявлено 1517 контекстов с ключевой лексемой концепта *степь*, реализующих 5787 вхождений. В результате изучения особенностей речевых реализаций лексемы было установлено, что узуальное ее функционирование демонстрирует довольно разветвленную семантическую структуру, в которой представлены следующие семантические признаки:

1. ‘Безлесное, бедное влагой ровное пространство с травянистой растительностью’: *Степь еще не сожжена, еще не стала мертвенно-коричневой и пыльной, но уже тронута жесткой желтизной. Раскалено бледно-голубое предвечернее небо; ни облачка на нем, лишь темная крапинка ястреба перетекает через зенит. От Каспия сюда, отсюда к Алтаю, через Алтай в Монголию и дальше,*

дальше, обрываясь лишь вместе с материком, тянется этот изумительный, не знающий себе равных, раскатанный и утрамбованный тысячелетним солнечным половодьем травяной океан (В. Рыбаков, Гравилет «Цесаревич», 1993).

Дополнительные семы:

а) один из видов природно-географического комплекса, наряду с лесом, горами, морем и т. п., например: *Я смотрел на проносящиеся мимо деревья и кустарники, пристанционные домишки, потом и они исчезли, открылась ровная голая степь. Не знаю, сколько прошло времени, но зеленая равнина постепенно сменилась горами, скалистыми обрывами. От их красоты захватывало дух* (Р. Б. Ахмедов, Промельки, 2011);

б) Окраина, глушь, место вдалеке от человеческого жилья, например: *Голая степь, ни села, ни жилья, лютый ветер* (А. В. Туркул, И. С. Лукаш, Дроздовцы в огне, 1937); *За окном картина степной России... Кажется, никого в этой степи нет, никому эта степь не нужна и никем никогда не возделывается* (А. Сокуров, Александра, 2007); *В 43-м году можно было задавить чеченцев, депортировать их в Казахстан, — согнать в теплушки и вывести в голую степь, где нет ни человека, ни дерева* (Ю. Калинина, Ковыряние в мозгах // «Московский комсомолец», 2003, 15 янв.).

2. Безграничное раздолье, ср.: *Степь без конца и без края. Древние курганы в голубой дымке. Черный орел в небе... Маленьким и затерянным в этих огромных просторах почувствовал себя Давыдов, тоскливо оглядывая томящую своей бесконечностью степь...* (М. Шолохов, Поднятая целина, 1959); *Но чем всего магичнее действовала степь — это просто своей необозримостью, ширию, дух захватывающим простором, тянущим к себе, как тянет иногда даже против воли разверзшаяся пропасть или речной водоворот* (В. М. Чернов, Перед бурей. Воспоминания, 1953). *Возвращаясь домой, я сел на коня и поскакал в степь... с жадностью гло-*

таю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые становятся все яснее и яснее. Какая бы горечь ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеивается; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума (М. Лермонтов, Герой нашего времени, 1841). По мнению Г. Д. Гачева, русская душа требует природного приволья и широкого пространства: «Широкая душа, русский размах — это все идеи из стихии воздуха-ветра... Человек стремится "туда, где гуляет лишь ветер да я..."» [Гачев, 1988, с. 212].

Дополнительные семы

а) Уныние, тоска. Беспредельная ширь, однообразие ландшафта, отсутствие людей и привычной лесной растительности навевали ощущение тоски и грусти, столь свойственной русскому человеку. М. Эпштейн считал, что тоска, «налетающая в дороге и знакомая всем, от ямщика и первого поэта, есть дитя не тесноты, а именно приволья, ничем не прегражденного пространства. Это тоска не пленника, а странника» [М. Эпштейн, 1998, с. 21]. Д. С. Лихачев предполагал, что именно неосознанное желание простора, воли и стремления уйти от безысходности существования к чему-то более лучшему толкало русских людей «навстречу опасностям, в степи или леса, в Сибирь, искать счастливого Беловодья и в этих поисках угодить на Аляску, даже переселиться в Японию» [Лихачев, 1994, с. 119]. Для Н. Бердяева, тоска в русской языковой картине мира есть не что иное, как тоска «по вечности, невозможности примириться со временем. В обращенности к будущему есть не только надежда, но и тоска» [Бердяев, 1990, с. 47].

б) вольница, например: *И на рассвете, зимой, и летом, и в темные ненастные ночи, и в светлые ночи. Всегда прежде всего степь говорит человеку о свободе...* (В. Гроссман, Жизнь и судьба, 1960). Безграничные просторы и безлюдье даруют человеку ощущение

независимости и свободы. Именно сюда на окраину русской земли, в степь, *«веками бежал энергичный российский люд, для которого удовлетворить порывы своей безразмерной, как и Россия, души... было так же невозможно, как вдохновенному художнику писать на пленэре в наручниках. Поэтому все они и бежали за одним, за волей! Воля — это особое чувство, известное только нашим предкам* (М. Н. Задорнов, *Фантазии сатирика // Октябрь*, 2001). Степь становится символом воли, возможности осуществления своей законной потребности в свободном труде на благо своей семьи и близких. Приведенные ниже рассуждения проливают свет на природу появления таких смыслов: *Иван Акимыч был родом из лесной деревни и лес тоже любил, но часто говорил Харитонову, что лес его успокаивает, умиряет, а степь подбивает на бунт, на озорство, непокорство... На Руси испокон веков тихие люди бежали в лес, в скиты, а бунтари — на юг, в степь* (И. Стрелкова, *И еще два дня*, 1965). В. О. Ключевский справедливо писал в «Русской истории» (1904): «Лес, степь и реки — это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Здесь сложился класс людей с оружием в руках, уходивших в степь для рыбьего и звериного промысла. Там на островах, которые образует Днепр, вырвавшись из порогов в открытую степь и разливаясь широким руслем, беглецы устраивали себе укрепленные сечи». По мнению Л. М. Леонова, степь «воспитала в наших дедах тягу к вольности и богатырским утехам в поединках, лес научил их осторожности, наблюдательности, трудолюбию» [Л. М. Леонов, *Русский лес*, 1953].

в) Размер. *Степь* используется для образного обозначения значительной величины чего-либо, объема или размаха явления или процесса описания: *Он сидел за просторным, как степь, столом* (В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, 1960); *Улица была бескрайней, как степь, и сияла под солнечным светом, отражая его, как Луна*

(Е. Радон, Змеесос, 2003); *Глаза у нее мелковатые для просторного, как степь, лица...* (Г. Щербакова, Моление о Еве, 2000); *Ведь жизнь многосторонняя и многообразная, и если эта широкая и голая, как степь, скука лежит в самой жизни... то и скука может и должна быть предметом мысли, анализа, кисти* (Т. Л. Щепкина-Куперник, О Чехове, 1952). Пространственные параметрические характеристики, являясь важным свойством любого объекта, выступают важным фиксатором результатов познания окружающего мира и служат для оценки в качестве меры составляющих его предметов. Н. К. Рябцева отмечала, что данный универсальный механизм стал когнитивным достижением здравого смысла в освоении непредметных сущностей, не менее эффективно действует и в области представления количества. При этом он обогащается рядом специфических черт — благодаря ему формируются и «изображаются» представления о пределе и интенсивности, «внутренний мир человека параметризуется, а параметры внешнего мира психологизируются, кроме того, заведомо не имеющие единиц измерения явления получают количественную интерпретацию, имеющую аксиологический смысл» [Рябцева, 2000, с. 108].

3. ‘Земля, используемая для обработки под посев или выпас домашних животных’, ср.: *Что остается делать казаку, когда он знает, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а скотина выгнана в степь в загон* (А. И. Деникин, Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России, 1922); *Тот год был отменно урожайным. Любо было смотреть на полосатую степь, засеянную хлебами: рожь сияла, как золото, а подымалась в рост человеческий; ячмени все еще зеленые, но такие тучные, что в иных местах полегли от тяжести колосьев, а между ними красные полосы гречихи, покрытые сверху серебряными цветочками* (И. И. Панов, Раздел имения, 1860).

4. Чужое пространство. *Степь* участвует в фундаментальной бинарной оппозиции *свой/чужой*, которая формирует национальную и социальную идентификацию. На начальном этапе развития русского этноса *степь* маркировала принадлежность к другой этнической группе, поскольку была местом происхождения и расселения кочевых народов, постоянно угрожавших целостности границ и жизнеспособности Руси, что породило отношение к степи как «чужому» пространству, противопоставленному человеческому жилью: ср.: *Он, не колеблясь, ехал вперед: днем ему нужна была степь, сама остановка в леваде была бессознательной уступкой инстинкту, заставлявшему первобытного человека искать защиты в лесу... Здесь, в степи, где в любую сторону шла дорога, выживал не тот, кто надеялся остаться незамеченным. Выживал тот, что был готов к обороне* (С. Бабаян, Господа офицеры, 1994); *Великая степь! Грандиозный котел, кипевший 20 веков. Сколько раз он выплескивал обжигающие оседлый мир волны!* (В. Рыбаков, Гравилет «Цесаревич», 1993). За степью носителями языка признается не только пространство с определенным географическим ландшафтом, не только место проживания инородцев, но и территория, где не соблюдаются общепринятые социальные нормы, ср.: *Стали вольные людишки разбегаться из города — кто на промыслы, кто в Москву, кто в степь — воровать* (А. Толстой, Повесть смутного времени (Из рукописи книг князя Тургенева), 1922).

Дополнительные семы

а) Враждебное пространство, территория потенциального врага, источник бедствий и неприятностей. Дифференциация чужого пространства через образ степи происходила путем наделения ее признаком опасности, угрозы жизни и здоровья каждому, кто пересечет ее границы, ср.: *Кто проскочит степь и вернется здоровым, тот и казак* (Казацкий спецназ // Солдат удачи, 2004); *Степь была пустынна, ужасающе тиха. Он, Григорий, шел по твердой сушеной*

почве, но шагов своих не слышал, и от этого подступал страх (М. Шолохов, Тихий Дон, 1940). Нередко степью именуется собирательный образ врага, способный нанести материальный или физический вред, причинить зло или насилие: *Степь набегала в вихре пыли, в пожарах деревень, чтобы разбиться у московских ворот* (Г. П. Федотов, Три столицы, 1926); *Серым волком оцетинилась степь, оскалила зубы, и ничего не смогли сделать казаки царские с киргизами, не желавшими подчиниться царскому приказу* (А. С. Сорокин, Алимжан, 1927).

б) В сторону, в никуда, прочь. Материалы Национального корпуса русского языка демонстрируют узуальное употребление лексемы *степь* в значении ‘в никуда, в сторону’, ср.: *Стрелял французский крейсер, стоящий на рейде. Стрелял в степь. Снаряды проходили над городом и рвались так далеко, что звук разрывов не доходил до Одессы* (К. Г. Паустовский, Крестьянка, 1956); *Об этой аллее, о знаменитой на весь мир усадьбе, об огромном, непомерно разросшемся виширь барском доме... из которого три недели назад, в холодную октябрьскую ночь, ушел — в снег, в степь, в смерть — старый граф Л. Н. Толстой, — написано немало томов и монографий* (Дон Аминадо, Поезд на третьем пути, 1954); *Сокол был выгнан с завода и уехал в степь* (С. Г. Петров, Очерки, 1996); *Перед Яшкой раскинулась какая-то безобразная, голая степь, которую он обречен был называть своей жизнью* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Яшка, 1865); *И устав, и зная, что однажды спишут с казенного довольствия, выселят в степь, он все же ждал этой дармовой пенсии, но со своей причудливой верой, согласно которой он побудет на заслуженном отдыхе хоть месяц... выпится хорошенько, отлежится, надышится — и без мучений во сне умрет* (О. Павлов, Казенная сказка, 1993). В приведенных и других примерах *степь* манифестирует в качестве пространственной метафоры и уподобляется выводу за пределы «своего» пространства, прочь от места основного вни-

мания, благоприятной обстановки, комфортной ситуации проживания. Образ степи в данных контекстах восходит к архетипическим родовым формам осознания мира и русского человека в нем и определяется наличием другой фундаментальной оппозиции — снаружи/внутри. Внутреннее пространство, знакомое, гармоничное, привычное, дано человеку от природы. Здесь он чувствует себя комфортно, вне зависимости от обстоятельств и событий, происходящих с ним. Такое пространство принято называть освоенным, окультуренным, «очеловеченным» [Лотман, 1996, с. 176; Степанов, 1997, с. 472]. Внешнее пространство, незнакомое, далекое, чужое, полное враждебных сил, сулит неприятности и испытания. В русской культуре одним из символов внешнего пространства выступает *степь*, поэтому для обозначения ситуации, которая выходит из-под контроля, носитель языка использует отсылку к лексеме *степь*, отражая представление о том, что в этом случае субъект описания попадает в трудные обстоятельства.

По данным «Этимологического словаря русского языка» под редакцией М. Фасмера, *степь* связана со словом *поле* и восходит к древнерусскому *поль* «открытому, свободному, полому» пространству (ср.: с польским *р҃опіпа* «сухая, бесплодная земля»). Слово *степь* в данном же словаре имеет следующую трактовку: допустимо предполагать *сьтеп от *тепу*, т. е. «вырубленное место». Р. Ф. Брандт в дополнительных замечаниях к Этимологическому словарю Миклошича (1890) сближал *степь* со словом *топтать* и этимологизировал как *вытоптанное место*. В реконструкциях Г. Ильинского *степь* подверглась сравнению с лит. *stėpti* «простираться». В. А. Меркулова рассматривала *степь* как диалектизм, распространенный в севернорусских говорах, имевший первичное значение «безлесное пространство, поросшее травой» [Меркулова, 1973, с. 79–91].

Лексикографический и этимологический анализ помог выделить основные смыслы внутрисловной парадигмы лексемы *степь*, которые являются постоянными на протяжении всей истории существования слова и отображают ассоциативные аспекты его когнитивного мира.

Для определения образного компонента изучаемого концепта были проанализированы материалы Национального корпуса русского языка, отражающие представления носителей русского языка о степи (запрос от 15.03.2016, выявлено 1517 контекстов с ключевой лексемой концепта *степь*, реализующих 5787 вхождений). В результате было выделено три когнитивных признака (классификатора), не нашедших отражения в лексикографических источниках.

Когнитивный классификатор «опасное место для русского человека» представлен в 20% примеров, в которых *степь* наделяется следующими признаками: *опасная, чумная, грозная, враждебная, глухая степь*. Когнитивный признак ‘пространства, которое может отрицательно повлиять или грозит какой-либо бедой’ актуализируется в следующих контекстах: *А степь грозна: буйны травы, темны буераки, глубоки трясины лиманов, хитер и опасен зверь — затаялся и ждет* (В. Скрипкин. Тинга // Октябрь, 2002); *Здесь сразу холодом и грозной чернотой вступала в свои права окаянная, безлюдная, кричащая от одиночества степь* (И. Грекова, Хозяева жизни, 1960); *Пропал и друг Стягин, видно, опять за Волгу подался али того хуже — в киргиз-кайсацкую степь: опасную, чумную...* (Б. Евсеев, Евстигней // Октябрь, 2010); *С трудом верится в то, что русские беглецы уходили в никуда, во враждебную степь* (А. Сопов, Родина казаков: история с географией // Родина, 2008); *Дома сжигают и грабят, скот угоняют, жителей избивают или уводят в плен, в степь* (В. Ф. Ходасевич, Державин, (1929–1931); — *Нет. Кому это может прийти в голову: выйти в степь и... пострадать?* (И. Грекова. На испытаниях, 1967); — *Да я тебя, мер-*

завца, из дому выгоню... на мороз, в степь... в поле! (А. П. Гайдар, Судьба барабанщика, 1938).

Другой когнитивный признак «пространство воли/свободы» актуализируется в 40% примеров, в данных контекстах под степью понимается обширное, безлесное пространство, в котором не действуют этические нормы и общепринятые законы бытия. Например: *Всегда и прежде всего степь говорит человеку о свободе...* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1960); *Ну и конец тебе тут же, никаких ведь кассаций и апелляций нет, — степь* (Ю. О. Домбровский, Хранитель древностей, часть 2, 1964); *Вот уж — как волка ни корми, а он в степь глядит* (В. Гроссман, Жизнь и судьба, часть 3, 1960); *Иван Акимыч был родом из лесной деревни и лес тоже любил, но часто говорил Харитонову, что лес его успокаивает, умиряет, а степь подбивает на бунт, на озорство, непокорство»* (И. Стрелкова, И еще два дня, 1965); *Вокруг степь, на семь километров ни души.* (Н. Мордюкова, Казачка, 2005); *Вплоть до середины 18 века вся южная плодородная, черноземная половина Русской равнины представляла собой безлюдную степь — «дикое поле»; крайне редко были заселены Заволжье и Сибирь, где вообще не было русских* (Б. Миронов. Когда в России жилось хорошо? // Родина, 2008).

Анализ вышеперечисленных употреблений позволил выявить следующий классификатор, появление которого основано на семантической трансформации по схеме: степь → опасное место → нечто невообразимое, вызывающее раздражение или возмущение. Выявленный классификатор можно продемонстрировать следующими примерами: *Пороки человечества, в какую степь они нас заводят!* (В. В. Биbihин. Из записей на тему самопознания); *Это люди выдумали, это хмара, затмение, наваждение, степь какая-то, как моя нянька говорила* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3, 1978). Аналогичный смысл наблюдается во фразеологизме

не в ту степь: Иван касается моей щеки губами и говорит, заикаясь, что он всегда меня помнил и будет помнить. Я на ту секунду ощущаю что-то горячее в груди, будто только этой теплоты и недоставало... Ну, довольно, Золотых! Не в ту степь тебя, брат, понесло... (Ю. Азаров).

Степь в русских паремиях

Для верификации результатов анализа материалов Национального корпуса русского языка было проведено семантическое исследование единиц паремиологического фонда русского языка со словом *степь*. Методом сплошной выборки было отобрано 20 русских пословиц и поговорок, анализ семантики которых показал, что в русском языковом сознании *степь* ассоциируется с неосвоенным пространством, не отмеченным присутствием русского человека. Дикие, чужие места воспринимаются как территория потенциально вредоносная и опасная: *Снег с земли — татарин в степи, В степи ни отца, ни матери — заступиться некому*. Как видим, противопоставление «своего» и «чужого» пространства осуществляется на основании ассоциаций «внешнего» мира с территорией проживания другого этноса. Выход в степь, богатую ресурсами для удовлетворения витальных потребностей, помимо того, что давал возможность ознакомиться с другой культурой, способствовал формированию в сознании русского человека представления об ином мире в образе врага. Коллективное представление о степи, нашедшее отражение в пословицах и поговорках, восходит к этологическому стереотипу поведения, когда все «иное» воспринимается как враждебное и воспринимается отрицательно: *На чужой стороне, что былинка в степи, Виноват медведь, что корову съел, а не права и корова, что в степь ходила*. Подобного рода аксиология базируется на архетипе, «пронизывающем всю культуру и являющемся одним из главных концептов всякого коллективного, массового народного

мироощущения» [Степанов, 2004, с. 124]. В русских паремиях воссоздается опыт контактов со степью, требующий осторожности, мобилизации всех сил, воли, умения осуществлять бесконфликтное общение: *На печи не храбрись, а в степи не трусь, На святых не уповай — в степи не зевай, Наши в поле не робеют*. Совершенно очевидно, что степь противопоставляется «очеловеченному» пространству родной русской земли, ср.: *Широки панские степи, а людям на них тесно, В поле две воли, чья правее, та и сильнее*. Большинство паремий указывает на то, что в русском языковом сознании степь ассоциируется с «пространством воли/свободы», в котором царит вседозволенность, не соблюдаются установленные в обществе законы и этические нормы: *Степь да воля — казачья доля, Беглому в степи — воля, За вольной птичкой в степи не нагоняешься, Степного коня на конюшне не удержишь, В степь съезжаются, с родом не считаются*.

Результаты ассоциативного эксперимента

На следующем этапе был проведен ненаправленный психолингвистический ассоциативный эксперимент, результаты которого дают возможность установить ключевые идеи, лежащие в основе осмысления степи как фрагмента русской пространственной картины мира. В эксперименте участвовало 180 человек пяти возрастных групп. Участникам эксперимента было предложено указать ассоциации на слово-стимул *степь*, было получено 305 реакций, среди которых 97 различных ассоциаций. Результаты психологических дефиниций отражены в таблице 3.

ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Таблица 3

Возраст испытуемого	Количество опрошенных	Ответ испытуемого
12–17 лет	37 человек (учащиеся средней школы)	<p>51,35% — безбрежность границ (<i>широкая, огромная, просторная, расстилается</i> и т. п.)</p> <p>21,62% — растительность степи (<i>трава, ковыль, зеленая, перекати-поле</i> и пр.)</p> <p>13,51% — равнина (<i>долина, привольная, плоская</i> и др.)</p> <p>5,4% — поле (<i>пахать, целина, пшеница</i>, и т. п.).</p> <p>5,4% — безводная (<i>засуха, зной, унылая</i> и пр.).</p> <p>2,7% — не ассоциируется</p>
18–25 лет	52 человека (студенты и работающая молодежь)	<p>30,8% — простор степи (<i>бескрайняя, кочевать, простираться, простор</i> и пр.)</p> <p>17,3% — чужая земля (<i>орда, пустота, неприятель, окраина, казаки</i> и пр.)</p> <p>21,15% — пространства вседозволенности (<i>воля, удаль, скитаться, отшельник</i> и т. п.)</p> <p>9,61% — поле (<i>луг, поле, колос, пастбище</i> и т. п.)</p> <p>9,61% — граница (<i>предел, край, расстояние, рыскать, дорога</i> и т. п.)</p> <p>7,7% — элементы ландшафта (<i>курган, бездорожье, табун...</i>)</p> <p>13,84% — тоска (<i>скучная, жара, унылая</i> и пр.)</p>
25–35 лет	44 человека (работающие и безработные)	<p>25% — простор степи (<i>ширь, бесконечная, необъятная, тянуться, раскинулась</i> и пр.)</p> <p>11,36% — чужая земля (<i>пустота, непри-</i></p>

Глава 1 Ключевые образы русской пространственной картины мира

		<p>ятель, окраина, кочевник и пр.)</p> <p>20,45% — пространства вседозволенности (воля, удаль, скитаться, вольница и т. п.)</p> <p>11,36% — поле (луг, поле, колос, пастбище)</p> <p>9,1% — граница (предел, край, окраина, конец, дорога)</p> <p>9,1% — элементы ландшафта (курган, бездорожье, конь, орел, безжизненная, засуха)</p> <p>9,1% — тоска (безлюдная, жара, унылая, выжженная)</p>
36–50 лет	20 человек (работающие и безработные)	<p>20% — бескрайность степи (необъятная, кочевать, зеленеть, ветер, простор и пр.)</p> <p>15% — чужая земля (пустота, неприятель, окраина, казаки и пр.)</p> <p>15% — пространства воли (вольница, пустота, пуля)</p> <p>10% — поле (луг, поле, зерно, пастбище, сено, труд)</p> <p>10% — граница (предел, край, расстояние, рыскать, дорога)</p> <p>15% — элементы ландшафта (курган, кони, беркут...)</p> <p>5% — тоска (безводная, засуха, унылая и пр.)</p> <p>5% — ошибочность (не в ту степь)</p> <p>5% — интенсивность действия (на всю степь)</p>
50–65 лет	27 человек (работающие и пенсионеры)	<p>33,3% — простор степи (ширь, пастись, раскинулась, целина и пр.)</p> <p>18,5% — элементы ландшафта (кони, пастбище, сайгак, орел, курган, ветер, пустая земля)</p>

ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

		11,11% — пространства вседозволенности <i>(запорожцы, край, предел, казаки)</i> 11,11% — чужая земля <i>(окраина, казаки)</i> 7,4% — родная земля 3,7% — граница <i>(окраина)</i> 3,7% — поле <i>(луг, пастбище.)</i> 3,7% — тоска <i>(однообразие, зной)</i> 3,7% — ошибочность <i>(не в ту степь)</i> 3,7% — не ассоциируется
--	--	---

Анализ результатов субъективных дефиниций показал, что в русском языковом сознании в ядерной зоне представлен семантический признак бескрайнего безлесного равнинного пространства, который отражен в 32,1% ответов испытуемых. Самыми актуальными для испытуемых оказались следующие значения лексемы «степь»: ‘пространство, заросшее сухой травой’, ‘ровное пространство, без леса’, ‘большое пространство’. Следовательно, данные значения для носителей языка являются коммуникативно релевантными и входят в активную зону языкового сознания носителей языка. Ключевой идеей определения степного фрагмента для носителей русского языка являются особенности ландшафта, растительности, животного мира (‘степь’ — место, где пасутся верблюды и кони’), что отразилось в репликах 15,46% опрошенных. В околядерной зоне находятся представления о степи как о русской вольнице, где всякий чувствует себя свободным от общественно принятых норм, запретов и правил, так считают 13,54% испытуемых. 13,7% участников эксперимента признают степь пространством «чужой» земли. Неожиданным оказалось, что в представлениях русского населения Забайкалья (а именно они были привлечены к эксперименту) степь ассоциируется с полем только в 8% ответных реплик, что объясняется иным характером земледельческих работ, забайкальские степи

не используются в качестве пахотных земель, только как пастбища, в отличие от степей Оренбургской, Саратовской и других областей. Не случайно поэтому, что 7,4% испытуемых обозначили степь родным местом. На периферии семантической структуры изучаемого концепта находятся также когнитивные признаки ‘граница’ (6,48%), ‘тоска’ (6,3%), ‘ошибочность’ (1,7%), ‘интенсивность’ (0,74%).

Итак, концепт *степь* — один из ключевых в русской пространственной концептосфере, *степь* демонстрирует различные механизмы заполнения семантической сферы, каждый из которых имеет национально-специфическую мотивацию. Проведенный анализ позволяет обнаружить дополнительные семантические признаки, имплицитируемые данной лексемой и не зафиксированные лексикографическими источниками. Семантическая сфера действия *степи* [по: Богуславский, 1996] обнаруживает закономерность функционирования в синтаксических конструкциях, где возникает пресуппозиция, что степь — пространство, противопоставленное «родному дому», под которым понимается локус духовного единства живущих рядом людей, объединяющий совокупность вложенных пространств от родного жилища до пределов родины, ср.: *С трудом верится, что русские беглецы уходили в никуда, во враждебную степь* (А. Сопов, *Родина казаков: история с географией* // *Родина*, 2008); *Здесь сразу холодом и грозной чернотой вступала в свои права окаянная, безлюдная, кричащая от одиночества степь* (И. Грекова, *Хозяева жизни*, 1960); *Вокруг степь, на 7 км ни души. Тут становится опасно и за себя, и за детей* (Н. Мордюкова, *Казачка*, 2005). *Степь* редко выступает в качестве ремы, такая функциональная ограниченность обусловлена семантикой слова, которое чаще всего манифестирует для указания на пространственную локализацию описываемых ситуаций. Актуализация дополнительных семантических признаков позволяет выявить основные содержательные компоненты и обнаружить лексикографически фиксируемые и узуаль-

ные. Установлено, что к ключевым идеям, семантизирующим концепт *степь* в русской лингвокультуре, можно отнести:

- степь — безгранично широкое пространство;
- степь — край, тупик, окраина;
- степь — вольница, пространство свободы и воли;
- степь — житница, пастбище;
- степь — пространство другого этноса;
- степь — потенциально опасная территория;
- степь как средство указания на неверное направление мыслей, поступков, речей (*не в ту степь, в другую степь*);
- степь как средство описания количественных отношений (размера и интенсивности): *широкий, как степь, на всю степь*.

ФРАГМЕНТЫ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ

2.1. Специфика релятивного социального времени (на материале лексемы *время*)

Время является одной из форм существования всего материального мира, важной составляющей жизни и сознания человека. Эта базисная категория имеет свою внутреннюю структуру, иерархию, поэтому исключительный интерес представляет процесс выражения времени языком, поскольку зафиксированный коллективный опыт осмысления является основой дальнейших построений, позволяет выявить особенности семантической системы языка.

Предметом настоящих аналитических построений послужили коммуникативно-релевантные временные значения лексемы *время*. Выделение отличительных семантических признаков при толковании слов всегда продуктивно осуществляется на основе не только дефиниционного, но и контекстного анализов, позволяющих выявить границы понятийной области функционирования. В центре внимания — вопросы определения общего и специфического при выражении временных значений: обозначении временного периода или момента, отнесении события к какому-либо отрезку времени, обозначении его продолжительности, установлении точки отсчета действия, указании определенного момента или поры, а также характера связи с внеязыковой действительностью, отражении представлений носителей языка о временной абстракции. Эмпирическим

материалом послужили лексикографические источники [СРЯ, 1985; ССРЛЯ, 1948–1965], базы данных Национального корпуса русского языка [6 905 документов, 17 751 вхождений].

Дефиниционный и контекстный анализ показал, что темпоральные единицы служат чаще всего для обозначения ретроспекции действий, событий или состояний. *Времена* употребляются в случае указания на «истекший период в развитии человечества, определенной эпохи, отдельного этапа в жизни народа, государства, общества» [СРЯ, 1985, с. 227]. Исходя из толкования и наблюдений за актуализацией временных смыслов в контекстах, можно сделать вывод, что *времена* функционирует в современном русском языке как экспонент социального времени, в рамках которого жизнедеятельность человека подчинена временным условиям и законам общества, при этом форма единственного числа лексемы (*время*) эксплуатируется языком для выражения физического, биологического, психологического и других видов времени. Для социального времени характерна значимость и ценность не самих событий в жизни отдельного человека, а скорее, переходов от одного состояния социума к другому, потому что социальные перемены ведут к изменениям в ритмической организации бытия, перестройке в укладе жизни и т. п. В силу данных обстоятельств наблюдения длительности и последовательности непрерывных изменений в жизни общества и отдельного человека приводят к осознанию дискретности временной последовательности. *Времена*, ориентируя на предшествование описываемых событий, упорядочивая одни из них относительно других, выполняют функцию абсолютного сложного хрононима [Новожилова, 2011, с. 101].

В современном русском языке *времена* указывают на:

– известный исторический период: ориентиром хронологизации выступают известные исторические события, которые в силу своей более или менее четкой локализации на оси времени не требуют

дополнительной конкретизации ввиду их общеизвестности, их уникальность и неповторимость дают возможность ограничиться упоминанием события, зафиксированного в истории. Например:

(1) *Осталась обида и у поляков, и у корейцев, да и у других народов, так или иначе пострадавших во времена сталинизма* (Г. Попов, Н. Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева // Наука и жизнь, 2008) (Здесь и далее источник — Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorgo.ru>)).

(2) *Есть центр, застроенный во времена Османской империи и британского мандата (1918–1948)* (Антон Носик из Иерусалима // Русский репортер, 2011, № 45 (223), 17 нояб.);

(3) *Еще в давние петровские времена на Руси сложились оружейные школы, была создана основа для промышленного производства оружия, что позволило на протяжении веков давать достойный отпор всем завоевателям нашего Отечества* (М. Калашников, Ижевские стволы // Российское оружие: война и мир, 1997;

– века, тысячелетия, а этих случаях *времена* используются для временной локализации событий или ситуаций на неопределенном периоде в прошлом, при этом подразумевается в зависимости от контекста разная длительность ретроспекции — десятилетия, века, тысячелетия, Ср.:

(4) *В Европе в античные времена и в Средневековье аконит был известен только как яд* (С. А. Курганская. Акониты // Первое сентября, 2003);

(5) *Имея обширный материал о расселении и миграции народностей в древние времена в Африке, Европе, Азии, как связать результаты биологических и культурных исследований и построить более общую схему того, о чем вы говорили?* (В. В. Седов, Этногенез ранних славян // Вестник РАН, 2003);

– временной предел в прошлом, время завершения описываемых событий общественной или личной жизни. Манифестация контек-

стов с указанием на временной предел события обусловлена действием формулы *начало — конец*, которая, в свою очередь, актуализируется представлениями носителей языка о периоде как временном отрезке, имеющем свою логическую точку отсчета и завершения, ср.:

(6) *Так, например, конкурсы красоты во времена Париса закончились Троянской войной* (М. В. Мусийчук. О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // Вопросы психологии, 2003);

(7) *В «застойные» времена в Калининне построили новый пивзавод, мощности которого были освоены к 1977 году* (Е. Толстых, Пивка для рывка // Совершенно секретно, 2003, 1 сент.);

(8) *Во времена регулярных революций княжение вообще отменяли* (А. Карабаш, Три дня в Монако // Домовой, 2002, 4 февр.); *Серьезные достижения в области разработки и создания современных образцов вооружений и военной техники были сделаны еще во времена СССР* (Р. Дорохов, Е. Короп, Черная метка Белого дома. Правительство начало войну с интеллектуальными пиратами XXI века // Известия, 2002, 3 окт.);

– события, которые имеют неопределенные временные рамки. В данной группе наиболее частотны те употребления, в которых временная хронометрия определяется дейксисом описания, в этом случае хрононимы представляют собой атрибутивные сочетания с *древние, незапамятные, былые, прошлые, отдаленные, прежние, старые, доисторические, последние, исторические, стародавние, поздние, нынешние, долгие, допотопные*, например:

(9) *В былые времена в зимний Йер выезжал королевский двор* (В. Крейд, Г. Иванов в Йере // Звезда, 2003);

(10) *Но во времена раннего ислама евреи давно уже не представляли собой того сильного конкурента, каким они были в отношении раннего христианства во времена Римской империи*

(Р. Нудельман, Тайны вечных книг: ученые исследуют Коран // Знание-сила, 2003);

(11) *Старожилы станицы Орджоникидзевская вспоминают, что когда-то в давние времена здесь, на главной площади, стоял православный храм, поражавший всех, кто впервые видел его, своим величием* (Прихожан ждут на родине // Жизнь национальностей, 2003, 18 июня);

(12) *Вернее, это был огромный камень, попавший сюда, должно быть, еще в доисторические времена, во время какого-нибудь землетрясения* (В. Губарев, Трое на острове, 1950-1960).

Аналогичный денотативный статус временной референции демонстрируют контексты с сочетаниями 'указательные местоимения + времена'. В подобном языковом окружении *времена* отсылают ко времени тех событий, очевидцем которых являлся говорящий, позволяют установить внутреннюю связь между новым состоянием и тем, что закрепилось в памяти, ср: *Интересно, что в эти времена уже можно было купить красиво украшенную елку — но только... в кондитерских* (Н. Ю. Феоктистова, Новогодняя елка // Первое сентября, 2003);

(13) *Баку в те времена — интернациональный город, объединивший все народы* (В. Токарева, Своя правда // Новый мир, 2002).

В подобного рода примерах сочетание с лексемой *времена* подвергается лексикализации, т. е. функционирует в качестве эквивалента отдельного слова с отличным от составляющих его слов значением. Данная модель эксплуатируется в лексикализованных дейктических указаниях на неопределенный период в прошлом и обнаруживает глубинные структуры представлений носителей языка о времени как о последовательности смены ситуаций и событий, дистанция между значимыми событиями и состояниями осознается как время изменения окружающего мира, осмысление длительности

промежутков относительной стабильности предполагает возможность деления на более мелкие дискретные отрезки.

Чаще всего в таких контекстах временная референция характеризуется отсутствием непосредственного наблюдения и основывается на личном опыте говорящего, а ориентиром служит биологический возраст человека:

(14) *Сейчас с ностальгией приходится вспоминать времена пятилетней давности, когда мини-футбол стал пробиваться к вершинам популярности* (Ю. Дудь, Мини-история, как отечественный зальный футбол теряет деньги, популярность и будущее // Известия, 2002, 6 окт.);

(15) *А в наши времена доносчик себе курдюк недолго отращивал* (Ф. Искандер, Дедушка, 1966);

(16) *Старик закатил глаза и стал чирикать о том, какие в его времена были прилежные и послушные воробьята, какие они все были умные, как они не чуфырились, а теперь все чуфырятся* (В. Медведев, Баранкин, будь человеком, 1957).

Наличие в семантеме лексемы *времена* семы 'промежуток времени в развитии чего-либо, характеризующегося теми или иными признаками или особенностями' [Рябцева, 2000, с. 109] позволяет сложным хрононимам эксплицитировать длительность общественных состояний или ситуаций и достигать функциональной вариативности их временной референции, например: *Например, во времена вашего первого председательства КС обладал правом непосредственно отслеживать конституционные несоответствия* (С. Сухова, Конституция и революция // Итоги, 2003, 4 марта);

(17) *Ученые определили, что захоронения были сделаны во времена правления четвертой династии (2575–2467 годы до н. э.)* (А. Сердечнов, Древние инженеры, 2010, 12 янв.).

В процессе наблюдения за семантической динамикой изучаемой лексемы были установлены модификации в ее структуре. Так, в ре-

зультате семантической деривации лексема *время* расширила свой семантический объем, часть выявленных лексико-семантических вариантов не зафиксирована в лексикографических источниках. Расширение семантемы происходит с использованием метонимического переноса, основанием которого служит развитие семантического признака 'временной период'.

'Временной период' → 'качество жизни, существования'.

Например:

(18) *Сегодня клуб переживает не лучшие времена* (Дом, где воспитывают мужчин // Солдат удачи, 2004, 8 сент.);

(19) *Времена не те, и «наших» теперь везде много, и все теперь — по соседству* (Я. Гохберг, Рассказывает Шуламит Шалит // Вестник США, 2003, 25 июня);

(20) *Впрочем, несмотря на «бездорожье», времена сейчас не самые тяжелые — был период, когда топливо возили самолетами, теперь энергоресурсы из России все же благополучно добираются по трубопроводам* (Е. Григорьева, Ожидания Ноя. Армения выбирает между Россией и остальным миром // Известия, 2003, 11 февр.).

Приведенные фрагменты свидетельствуют о наличии переноса по смежности, характер импликационных связей переноса соответствует представлениям о временной целостности как событийной наполненности, в этом случае временной промежуток ассоциируется с многомерными и гетерогенными жизненными ситуациями. Заявленное значение реализуется в контекстах, где *время* выступают в роли канонического грамматического субъекта или объекта описания, выраженного чаще всего комплексно, ср.:

(21) *Вот когда наступят хорошие времена, может, нам и вздумается сделать что-то подобное* (Вами кто владеет? // Дело (Самара), 2002. 17 июня);

(22) *Но пришли времена, когда отпала необходимость повсеместно в оркестрах народных инструментов, как и в ансамблях*

народных песен и плясок, как и во всем прочем народном вообще, Денис Иванович остался без заработка (А. Слаповский, Гибель гитариста, 1994-1995);

(23) *И вдруг мне показалось, что это чудовищное подобие выродившегося Командора, который только что сотворил месть, соответственно измельчавшую, возвратился на свое место и, ворча на холод и новые времена, медленно превращается в статую* (Ф. Искандер, Путь из варяг в греки, 1990).

Содержательно социальное время, экспонентом которого выступает сложный хрононим с лексемой *времена*, отражает структуру изменений, происходящих в языковом сообществе, устанавливает иерархию значимости событий для членов коллектива, поэтому время избирается в качестве показателя особенностей процессов в нем. Наиболее знаковые события избираются в качестве эталона исчисления и сегментации временного потока, например:

(24) *Паша, мы переживаем теперь времена инквизиции. Это неизбежно пройдет, как прошли времена испанской* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого // Новый мир, 2000);

(25) *В те времена за доллары просто-напросто сажали* (Л. Улицкая. Пиковая дама, 1995–2000);

(26) *В страшные времена в одну из ночей в нашей квартире раздался роковой звонок в дверь, и отца Алеши увели молчаливые люди — как уводили по ночам и многих других жильцов нашего большого дома* (И. А. Архипова, Музыка жизни, 1996).

‘Временной период’ → ‘событие’ демонстрирует когнитивно-семантический механизм метонимического переноса, основанный на смежности внутрифреймовых связей: от смежного референта времени — к самому событию, ср.:

(27) *Эти события всем напоминают времена революции, но даже еще хуже* (Г. С. Эфрон, Дневники, Т. 2, 1941–1943); *Наступали тревожные времена коллективизации, и, кажется, несмотря на*

положительные со всех сторон отзывы о новенькой милосердной сестрице, желал он в чем-то удостовериться и лично (Л. М. Леонов, *Русский лес*, 1953);

(28) *Это были времена борьбы за наш всемирный приоритет во всем* (Ф. Искандер, *Сандро из Чегема*, 1989).

Другой тип модификации демонстрирует модель ‘Временной период’ → ‘причастность к социальным процессам’. Ср.:

(29) *А как поизмывались над ними в сталинские времена* (Ю. Азаров, *Подозреваемый*, 2002);

(30) *Хорошо, другой вопрос: колоски в трудные времена воровал с колхозных полей?* (В. Шукшин, *Калина красная*, 1973);

(31) *Вспоминаю тяжелые времена гонений на Церковь, когда Господь призвал меня к епископскому служению* (Церковно-государственные торжества, посвященные 75-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия // *Журнал Московской патриархии*, 2004, 28 июня).

В приведенных контекстах обнаруживаются интенция говорящего интерпретировать объективную природу времени на уровне субъективно-психологического восприятия и желание обозначить эмоционально-оценочные признаки временного плана. В этом прослеживается глубинная антропоцентричность отражения языком сущности временной абстракции: социальная природа времени может быть описана только на уровне отдельной человеческой личности и ее причастности к социальным процессам, участником которых она является, поэтому время как категория бытия всего материального мира репрезентируется через восприятие, осмысление и переживание конкретным человеком состояний и процессов в социуме. Н. К. Рябцева, характеризуя природу когнитивных исследований подобных лексических построений, справедливо отмечала, что «в процессе распознавания, идентификации, номинации и характеристики некоторого явления и события человек одновременно его

квалифицирует, оценивает, формирует и выражает к нему отношение» [Рябцева, 2000, с. 270].

‘Временной период’ → ‘время суток’. В соответствии с данной моделью *времени* участвуют в обозначении суточного времени. Например:

(32) *А который час-то? Ну, второй, подумаешь, детские времена. Интеллигенция об эту пору еще не ложится...* (Ю. Трифонов, Дом на набережной, 1976);

(33) *Контроль усиливался особенно в ночные времена* (С. Ткачева, День влюбленных... // 100% здоровья, 2003, 15 янв.).

‘Временной период’ → ‘возраст’. Возраст как время человеческой жизни представлен среди описываемых моделей в силу смежности семантических признаков и наличия импликационных связей: возраст, как и время, характеризуется однонаправленностью, необратимостью, ритмичностью, дискретностью, последовательностью и т. д. Связь возраста и социального времени реализуется также в понятии *поколение*: причастность к определенному поколению дает человеку возможность почувствовать себя частицей целого общества. Результаты наблюдений позволяют сделать вывод, что социальное время создает ментальный конструкт представлений, информационная составляющая которого не только содержит сведения о сосуществовании объектов и процессов социума, но и воздействует на изменения, происходящие в мире отдельной личности, и составляет суть его жизнедеятельности.

(34) *Серо-бежевый блёклый фон. Глаза сияют сквозь времена. Анна повесила эту картину у себя в спальне»* (В. Токарева, Своя правда // Новый мир, 2002);

(35) *С удовольствием вспоминаю времена, когда портняжка был храбрым, а не удалым* (Детский сад // Известия, 2002.14 февр.);

(36) *Студенческие времена: тихие и незрелые подростковые бунты и чтения украдкой слепого самиздата, закончившиеся уxo-*

дом из дома в дворницкую, весь ужас последующего духовного разрыва с ним и страх, что положивший жизнь на его воспитание, оскорбленный человек не простит сыну выбора иного пути и воспримет как предательство, — случились гораздо позднее (А. Варламов, Купавна // Новый мир, 2000);

(37) Однако в зрелые времена Пиночет многим напоминал не француза и не баска, а типичного прусского офицера с пожелтевших фотографий начала прошлого века (О. Поляковский, Неподсуден // Вокруг света, 2003).

Помимо названных моделей семантической деривации есть еще круг специфических употреблений, воспроизводящих характер отражений русским языком временной организации внеязыкового мира. Установлена закономерность, реализующаяся в сочетаниях `определяющее/указательное местоимение + времена`. В контекстах с лексемой *времена*, толкуемых определятельными или указательными местоимениями, обнаруживается отчетливое противопоставление двух временных ситуаций. Сочетания с местоимениями *другой, такие, те самые, иные* актуализируют проекцию предшествующих событий, закрепившихся в памяти говорящего и понятных читателю и слушателю, отсылка к которым устанавливает имплицитную связь с новым положением дел. Ср.:

(38) Снег в те времена, насколько я помню, лежал до мая, но в этот год весна была ранняя, он начал испаряться уже в феврале (А. Слаповский, 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // Волга, 2009);

(39) Прошли те времена, когда животноводы старались выводить породы коров с максимальной жирностью молока (Кунсткамера // Наука и жизнь, 2008);

(40) В половине шестого утра Павел Алексеевич приносил с гостиничной кухни ведро теплой воды — немислимая роскошь, как в иные времена ванна, полная шампанского, — и ждал за дверью, по-

ка Елена вымоется (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого // Новый мир, 2000);

(41) *Под «Синопскую» хорошо пошли рассказы про водочные отравления, про другие времена, про незабвенные высадки в Бологом и попытки добраться в Москву из Калинина без денег* (Д. Смирнова, Октябрьская железная дорога // Столица, 1997. 13 мая).

Сочетания с *любой, всякий, все* снимают временную определенность и актуализируют идею сохранения действия или его значения на все времена, ср.:

(42) *Сказки братьев Гримм, Ганса Кристиана Андерсена, Шарля Перро — неиссякаемый источник детского удовольствия на все времена* (Детский сад // Известия, 2002.14 февр.);

(43) *Мне кажется, этот фильм никогда не состарится, он будет интересен в любые времена* (Обсуждение фильма «Доживем до понедельника», 2007–2010);

(44) *С продуктами, вежливостью и самоотречением бывает трудно во всякие времена* (Н. Щербак, Роман с филфаком // Звезда, 2010);

(45) *Во всякие времена росли у нас люди, которые не вмещались, как Меньшиков у Сурикова в березовскую избу* (А. И. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ, 1973).

Итак, лексема *время* входит в состав понятийного поля времени и выступает в функции хрононима в субполе социального времени. Изучаемая лексическая единица в форме множественного числа демонстрирует результат лексикализации и эксплицирует различные системно-языковые и коммуникативно-релевантные значения. Являясь экспонентом социального времени, она служит для обозначения временного периода описываемых событий через указание на известный исторический период (*петровские времена, времена фашизма, античные времена*), десятилетия, века, тысяче-

летия (*добрые старые времена, времена моих родителей*), неопределенную длительность события (*во времена моего детства, страшные времена середины 30-х годов*), временной предел в прошлом, неопределенный период в далеком и ближайшем прошлом (*с незапамятных времен, времена трехлетней давности*). Динамика семантического развития обнаруживает расширение семантического объема на основе метонимической транспозиции, основанием переноса служит смежность внутрифреймовых связей. Смыслы, являющиеся источником семантической деривации, связаны с идеей *временного периода, некой временной продолжительности в прошлом*. Установлено, что *времена* употребляются для обозначения конкретного события, существенного признака некоего исторического отрезка, который характеризуется всем известными отличительными признаками причастности к социальным процессам, формирует аксиологические интерпретации (*времена страшные, лучшие, тяжелые* и др.), интерпретации времени суток и даже возраста. Можно предположить, что приведенные актуальные контексты лежат в основе дальнейшего развития полисеманта.

2.2 Концепт *завтра* в русской лингвокультуре

Этимологический анализ слова «завтра» как отражение процесса осмысления представлений о *завтра*

Этимологические словари демонстрируют нам эволюцию понятия, история слова отражает изменения в восприятии реалии. Нами было проанализировано несколько этимологических словарей.

В «Этимологическом словаре русского языка» А. В. Семенова находим следующие сведения:

Зáвтра. Древнерусское — за утра. В письменных памятниках древнерусского периода данное слово встречается с XI в. Исходное значение («в течение утра») со временем трансформировалось в

значение «в течение следующего утра, т. е. завтра». Производное: *завтрашний* [Семенов, 2003].

«Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера происхождения слова толкует так:

Зáвтра укр. зáвтра, блр. зáўтра, др.-русск. заутра (Поуч. Влад. Мон. и др.), ст.-слав. заоутра ꙗꙋоі «завтра» (Супр.), словен. zâjtra, zâutra «завтра утром», чеш. zejtra, zítra, словц. zajtra; см. Преобр. I, 240; о конструкции за с родительным в ст.-слав. ср. Ван-Вейк, Сб. Соболевскому 37 [Фасмер, 1986, с. 73].

Таким образом, исконно русское слово *завтра* изначально имело значение «утро следующего дня» или время «в течение следующего утра». Это значение легло в основу современного понимания *завтра*, но на данный момент почти утратило сему 'утро', представленную во внутренней форме слова.

В целях определения когнитивных признаков лексических единиц, репрезентирующих изучаемый концепт, был проведен дефиниционный анализ.

Лексическое значение — это соотношенность звуковой оболочки слова с соответствующими предметами или явлениями объективной действительности. В нем отражены наиболее существенные признаки предмета, которые выделяются носителем языка.

Лексема *завтра* является ключевой для концепта *завтра*, т. к. она обладает многозначностью, является стилистически нейтральной, общераспространенной, употребительной. Поэтому для выявления ядра концепта был проведен анализ словарных дефиниций лексем-репрезентанта концепта *завтра*.

«Словарь русского языка» в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой:

1. Завтра

За́втра, *нескл.*, ср. День, следующий непосредственно за сегодняшним. *Отложить* дела на завтра / до завтра. До зав-

тра! (приветствие при расставании до следующего дня; разг.).
К завтра (к завтрашнему дню; прост.). *Не откладывай на завтра то (того), что можно сделать сегодня* (посл.). || *прил.* за́втрашний, -яя, -ее. *Завтра концерт.*

2. За́втра, *нескл., ср.* Недалёкое будущее. *Живёт сегодняшним днём, не думает о завтра. Завтра уже не за горами. (*) Не сегодня завтра (разг.)* — в ближайшем будущем, очень скоро. || *прил.* за'втрашний, -яя, -ее. (*) *Завтрашний день*

1) *то же, что завтра. Завтрашний день страны;*

2) *то, что ожидается в будущем, перспектива. Жить завтрашним днём (думая о будущем)* [МАС, с. 505].

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова:

1. *нареч.* *На следующий день после сегодняшнего. Приеду завтра.*

2. перен., нареч. В недалеком будущем. *Вчера был учеником, завтра будет мастером.*

3. нескл., ср. День, следующий за сегодняшним. *Отложить дела на завтра или до завтра. До завтра!* (приветствие при расставании до следующего дня).

4. перен., нескл., ср. Недалекое будущее. *Наше завтра. прил.* завтрашний, -яя, -ее. *Завтрашняя поездка.*

В «Современном толковом словаре русского языка» в 3 т. Т. Ф. Ефремовой представлены следующие толкования изучаемого слова:

I *нескл. ср.*

1. День, следующий за сегодняшним. То, что следует за настоящим.

2. Скорое будущее.

То, что будет существовать скоро, в ближайшем будущем.

II *нареч. обстоят. времени*

1. В следующий за сегодняшним днем.

2. *перен.* В будущем.

Значение слова сегодня-завтра

нареч.

В ближайшее время.

В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова представлены приведенные ниже дефиниции:

Завтра

1. нареч. На следующий день после сегодняшнего. *«Завтра поработаю, а нынче погуляю»*, — *говорит лентяй*.

2. в знач. сущ. завтра, нескл., ср.

(в прост. употр. род. *завтраго* и дат. *завтраму*, пишется *завтрего*, *завтрему*).

Завтрашний день; день, следующий за сегодняшним. *Не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня*.

Заседание назначено на завтра. Оставь до завтра (прост. *До завтрего*)

Приготовь к завтра (прост. *К завтрему*).

До завтра! (употр. при прощании в знач. до завтрашнего дня).

Не нынче — завтра (разг.) Вскоре, в очень непродолжительном времени. *«Не по летам и чин завидный: не нынче – завтра генерал»* (А. С. Грибоедов).

При анализе лексемы *завтра* было выявлено, что у полисеманта *завтра* первая семема хранится в памяти у носителей языка со всеми компонентами значения. Первое значение слова *завтра* — номинативное, следовательно, оно — «опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений» [Виноградов, 1977, с. 162–189]. На основе первого значения развиваются другие семемы данной лексемы. Первое значение всеми лексикографами фиксируется почти одинаково, это обусловлено отчасти тем, что именно оно соотносено с предметом реальной действительности, под *завтра* понимается следующий за сегодняшним день.

Для верификации результатов дефиниционного анализа и с целью выявления некодифицированных семантических признаков в семантической структуре изучаемого словесного знака 15 апреля 2017 года был сделан запрос в Национальный корпус русского языка, который выдал 8 821 документ, 43 532 контекста. По материалам корпуса установлено, что изучаемая единица способна актуализировать следующие смыслы:

1. Следующий день после сегодняшнего, например:

...Любка притянула меня к себе, коротко и больно поцеловала, перевела дух, сказала: мол, очень хорошо, что я завтра утром уезжаю гнать лошадей в дальний совхоз и не приду ее провожать, уж так жалки, так утомительны прощальные вздохи... (В. Астафьев, Обертон, 1996).

– *Завтра утром жду тебя в аэропорту. А сейчас езжай в отель* (С. Довлатов, Иная жизнь, 1984).

– *Я велел детям лечь и хоть немного поспать: Генриху завтра на работу* (А. Рыбаков, Тяжелый песок, 1977).

2. Близкое будущее, например:

– *Прочтите, может, придется завтра погибнуть* (В. Гроссман, Жизнь и судьба, 1960).

– *Я надеюсь не позднее, чем завтра обнаружить крупное месторождение ртуты, может быть, частично самородной* (И. А. Ефремов, Озеро горных духов, 1943).

– *...За ночь зернышки в колосьях более созреют и окрепнут — завтра их выклевать будет уже труднее* (А. П. Платонов, Государственный житель, 1988).

3. Определенный день в хронологии описываемых событий: например:

– *А утром этого самого "завтра" из местной психушки выпускают на один день сумасшедшего с невозможным именем Эмиль Пуантпуаро* (LiveJournal, 2004).

– *Но наступало завтра, и повторялось обманутое время* (Г. Сабуров, Рассказы запасного морпеха, 2002).

– *Она вызвала на завтра маникюршу и велела погладить полосатую блузку* (Л. Улицкая, Пиковая дама, 2000).

4. Постоянство событий, действий, ср.:

– *У меня не бывает так, чтобы я читала одну книгу. По настроению: сегодня одну полистаю, завтра — другую* (Домовой, 2002, 4 мая).

– *Завтра ничего этого не будет. Завтра начнётся серьёзная жизнь. А пока надо спуститься вниз, в подвал, посмотреть, как там чувствуют себя "населенческие группы"* (И. Грекова, Первый налет, 2001).

– *И завтра и послезавтра будет всё то же, думал я, — всё та же мука и всё то же счастье...* (И. Бунин, Качели, 1966).

5. Неопределенный временной период в будущем, например:

– *Завтра на дискотеке можешь к ней подойти. — Завтра — это через сколько столетий?* (А. Геласимов, Фокс Молдер похож на свинью, 2009).

– *Но в том лёгком состоянии эфирного опьянения, в котором я беспрерывно находился с тех пор, как подошёл к ним и мы стали встречаться, я как-то привык воспринимать всё это как мужское одолжение, мол, сегодня ты угощаешь, а завтра я, хотя это завтра всё время откладывалось на непредвидимые времена* (Ф. Искандер, Письмо, 2000).

– *Могут подпись поставить хоть завтра, но ставят через два месяца* (Т. Гурова, Логика преодолевшего гибель, 2014).

6. Ожидаемый период в будущем, наделенный субъективными надеждами, например:

– *И вдруг государство дрогнуло, пробормотало, что врачей пытали. А завтра государство признает, что пыткам подвергли Бу-*

харина, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Пятакова... (В. Гроссман, Все течет // Октябрь, 1989).

– По лагерям да по тюрьмам отвык Иван Денисович раскладывать, что завтра, что через год, да чем семью кормить (А. Солженицын, Один день Ивана Денисовича, 1961).

– И в сотнях голов жила колючая, жестокая мысль, что же будет завтра, через неделю, когда полоска советской обороны превратится в нитку, порвется искрошенная железными зубами немецкого наступления (В. Гроссман, Жизнь и судьба, 1960).

7. Запланированное будущее, ср.:

– Завтра мы дадим вам подробные инструкции. А пока сколачивайте коллектив. Советую вам больше на школьников опираться (И. Грекова, Первый налет, 1960).

— В результате первичного обследования строится функциональная модель существующей организации работы AS-IS. Эта модель позволяет выяснить «что мы делаем сегодня», перед тем, как перейти к тому «что мы будем делать завтра» (Информационные технологии в образовательной среде вуза // Информационные технологии, 2004).

– Если завтра повысятся доходы населения, а такая тенденция за счет нефтяного сектора есть, покупатели перейдут в следующую группу (М. Блант, Система ценностей и ценность системы // Еженедельный журнал, 2003, 1 апр.).

8. Неизбежность каких-либо событий, например:

– Или же продолжать работать по старинке. Сегодня возможность выбора сузилась, завтра его вообще не будет. На наших глазах происходит коллапс мира печатного слова (М. Карпов, Список Визенталя // Совершенно секретно, 2003, 5 мая).

– *Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично* (А. И. Деникин, Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России, 1922).

– *Что будет завтра? Пока в России не разрешат свободное использование GPS-приемников, рассчитывать на скорое появление навигационных систем в наших автомобилях не приходится* (А. Фомин, Универсальный штурман // За рулем, 2003, 15 мая).

9. Возможное будущее, например:

– *Если завтра окажется, что денег нет, мы снова обманем людей, подрядные организации, скомпрометируем саму идею контрактной армии* (Д. Литовкин, Броня крепка. Генштаб отказывается реформировать армию // Известия, 2002, 27 сент.).

– *Если сегодня бывшие комсомольцы и коммунисты не договорятся, что им делать со страной, — подчеркнул Прусак, — завтра бывшие пионеры и октябрюта им крепко отомстят за жизнь в годы бесконечных реформ* (Г. Рявкин, Фанат комсомола. Губернатор прусак готовится к 80-летию ВЛКСМ и выборам // Известия, 2003, 21 февр.).

– *В каждом интервью Володя не забывал сказать, что любые музыканты его оркестра способны завтра сыграть соло* (С. Спавакова, Не все, 2002).

10. Предстоящее событие, ситуация или состояние, например:

– *Если сегодня музыка, пропагандируемая «Экзотикой» стала модной, то каков ваш прогноз на завтра?* (М. Горелик, А. Борисов, Наши консервы это пища для мозга // Вечерняя Москва, 2002, 10 янв.)

– *Я не чувствовал горя и был странно спокоен. Но глядя на ее бессильно откинутый темный хвост, на ее тело, даже после смерти не потерявшее своей таинственной сиамской красоты, я знал, что, как бы ни изменилась моя жизнь, каким бы ни было мое завтра и что бы ни пришло на смену тому, что я люблю и ненави-*

жу, я уже никогда не буду стоять у своего окна, держа на руках другую кошку (В. Пелевин, Ника, 1992).

– «Приходите завтра», — сказал вахтер. Но у меня этого завтра не было, вечером я уезжал в Москву (Д. Гранин, Месяц вверх ногами, 1966).

11. Неопределенность состояния человека, событий, например:

– Сегодня мы здесь, а завтра подошел к нам батальон с пулемётами, и побежали мы вёрст за двадцать; сегодня мы их шлепаем, а завтра они нас на столб тащат (Ю. Домбровский, Хранитель древностей).

– Ты-то уедешь. Ты сегодня здесь, завтра — там... А мне здесь оставаться (Б. Окуджава, Моя война, 2017).

– Но завтра будет завтра. А сейчас надо покормить ребенка. Ирина усадила внучку за стол и стала подкладывать лучшие кусочки (В. Токарева, Своя правда // Новый мир, 2002).

Как видим, экспликация временных смыслов лексемой *завтра* демонстрирует такие представления носителей языка, которые объединены общим семантическим признаком 'ближайшее будущее'. Дифференциальные признаки сгруппированы в следующих направлениях:

– ориентация на личностное временное пространство, в соответствии с которым говорящий наделяет *завтра* повторяемостью будущих событий, относительным постоянством;

– психологическое восприятие временных моментов будущего, в соответствии с которым *завтра* актуализирует идею неизбежности или непредсказуемости предстоящих событий или ситуаций, ибо люди не способны предсказать, предвидеть, предугадать следующий момент.

– обозначения лексемой *завтра* самих явлений или фактов общественной или личной жизни по метонимическому сценарию.

Следует отметить, что эксплуатация метонимического сценария, когда вместо описания явления или факта в будущем используется название временного периода его реализации, восходит к когнитивным механизмам осознания временной абстракции. О концептуальной природе метонимии писали G. Lakoff, M. Jonson [1980], G. Lakoff [1987], справедливо доказывая, что метафора и метонимия являются когнитивными механизмами формирования смысла. Дж. Лакофф и М. Тернер ввели понятие идеализированной когнитивной модели, которая представляет в языковом сознании определенный фрагмент мира [Lakoff, Turner, 1989]. Под влиянием данных идей в когнитологии метонимия рассматривается как ментальный процесс, в результате которого устанавливаются причинно-следственные связи между объектами внеязыковой действительности, и происходит перенос «фокуса внимания» с одной сферы на другую на основе семантической смежности [термин: Талми, 2000]. В работах Л. Талми можно найти ответ на вопрос, каким образом устанавливается сходство и связь сферы стимула и сферы мишени развития метонимии. Такой процесс переноса становится возможным в силу смежности референтов номинации, а также благодаря свойству языкового сознания смещать фокус внимания с «фона» на «фигуру» [Talmy, 2000]. В процессе профилирования внимания часть признаков смежных объектов выделяется, а большая — редуцируется, как в случае трактовки фона и фигуры по Л. Талми, Г. Радден и З. Кевечеш отнесли метонимию к когнитивным процессам проникновения одной концептуальной сущности в пространство другой внутри одной идеализированной когнитивной модели [Radden, Kövecses, 1999]. В нашем случае схема метонимического переноса выглядит следующим образом: время → событие. Данная когнитивная модель широко применяется в русском языке и является одним из частотных механизмов объективации временных идей. На основании вышеизложенного лексема *завтра*, формально ориентированная на

актуальное физическое время относительно оси координат триады прошлое / настоящее / будущее, можно отнести к лексическим единицам, репрезентирующим субъективное событийное время, наделенное признаками чувственного психологического восприятия бытия человека во времени. Здесь уместно вспомнить высказывание И. Канта о том, что «время есть не что иное, как форма внутреннего чувства...» [Кант, 1964, с. 137].

Заслуживает внимания наблюдения за сферой действия изучаемой лексической единицы в синтаксических конструкциях. Под синтаксической конструкцией понимается «сформированные осмысленные структуры, которые подходят для применения в повторяющихся типовых коммуникациях» [Томаселло, 2011, с. 245]. Для представления установленных фактов была использована теория И. М. Богуславского, который считал, что словесный знак функционирует в определенных синтаксических конструкциях, где смысл входящих в него слов, конструкций и интонационных средств заполняет семантическую валентность слова [Богуславский, 1985]. Установлено, что *завтра* в некоторых синтаксических конструкциях имплицитно кодирует нетривиальные значения.

В утвердительных предложениях конструкция *завтра+же* с актантом в форме 1-го лица эксплицитно кодирует незамедлительность и обязательность выполнения действия, ср:

– *Я завтра же подам заявление об уходе* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого, 2000).

– *Мое обещание остается в силе. Завтра же у вас будет вечный зуб.* (О. Павлов, Карагандинская девятина, или Повесть последних лет, 2001).

– *Во что превратилась лестница. Завтра же пойду в домоуправление и заставлю Василия Ивановича организовать уборку* (В. Гроссман, Жизнь и судьба, 1960).

Завтра+же с предикатом в форме повелительного наклонения реализует каузацию незамедлительного выполнения действия, которая может передавать 1) приказ, 2) требование, 3) просьбу, 4) разрешение, 5) совет, 6) предупреждение, 7) пожелание, ср:

1) — *Завтра же штаны принесешь, зашью* (В.Астафьев, Обертон, 1996).

2) — *Знать ничего не знаю, чтоб завтра же ружье на месте было* (В. Астафьев, Пролетный гусь, 2000).

3) ... Рита уже стонет: «Не могу ее видеть! Рассчитай ее завтра же, умоляю тебя...» (Ю. Трифонов, Обмен, 1969).

4) — *Отчаливайте завтра же на рассвете*, — приказал командир Белуга (А. Дорофеев, Эле-Фантик, 2003).

5) *Свержение власти пройдет тихо и незаметно. И начинать надо завтра же* (А. Азольский, Лопушок, 1998).

6) — *Плохо будет*, — пообещал тихо и серьезно Зыбин. — *Вас завтра же отсюда палкой погонят!* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей, 1978).

7) *Завтра же надо серьезно поговорить. Нельзя обманывать себя и ее* (А. Слаповский, Большая книга перемен, 2010).

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что компонент *завтра же* актуализирует идею совершенной обязательности и результативности заявленных предстоящих действий. Наличие данного компонента придает речи экспрессивность и употребляется преимущественно в разговорной речи, придавая высказыванию неприкрытый характер.

Другим регулярным фактом является то, что *завтра* участвует в создании синтаксической антонимии. Для синтаксической антонимии характерно противопоставление синтаксических конструкций, в основе соотношения которых находится общий интегральный или дифференциальный признак их противопоставления [Диброва, 2001, с. 31]. Как правило, специфической особенностью таких син-

таксических конструкций является наличие обоих членов бинарной оппозиции противопоставления, для *завтра* таковыми выступают *сегодня, нынче, сейчас* и др., ср.: *Здесь же, в областном городе, была куча людей, у которых была только одна профессия — руководить. Сегодня — банно-прачечным трестом, завтра — обувной фабрикой, послезавтра — колхозом* (А. Рыбаков, Тяжелый песок, 1977).

Чаще всего аналогичное противопоставление имеет место в отрицательных предложениях. Известно, что отрицание входит в универсальный грамматический набор [Плунгян, 2011]. А. Вежбицкая относит отрицание к числу семантических примитивов [Вежбицкая, 1996]. Используя классификацию отрицательных предложений Е. В. Падучевой [1974, 2008], синтаксические конструкции с *завтра* можно отнести к семантически частноотрицательным с присловным отрицанием, в которых *завтра* выступает в качестве кванторного слова, включает глагольную предикацию в свою сферу действия и служит для указания на временную референцию ситуации. В действительности, с семантической точки зрения данные предложения являются утвердительными, реализуют положительную оценку и указывают на возможность ожидаемого действия, не включенного в отрицание, например: *Это российское отношение к детству не сегодня родилось и не завтра умрет* (Северная сказка // Экран и сцена, 2004. 6 мая); *Успею еще подумать. Ведь не сегодня, не завтра же придет смерть* (И. Грекова, Фазан, 1984); *Однако технически иранский газ окажется в Европе не сегодня, не завтра и даже не послезавтра* (С. Кудияров, Г. Мирзаян, Газовое перемирие // Эксперт, 2014). При этом, если отрицание находится при противопоставляемых адвербиалах (*завтра, сегодня* и др.), происходит наращение смысла наречий, и данная синтаксическая конструкция имплицитно пролонгирует (некоторую длительность) периода ожидания ситуации, заявленной предикатом.

Расширение семантической сферы [термин по Богуславский, 1985] изучаемого имени концепта и приращение дополнительных смыслов демонстрируют противопоставительные отрицательные предложения с отрицанием при *завтра*. Употребление отрицания при противопоставляемых *завтра* наречиях служит для акцентуации другого временного ориентира. В этом случае предложение тоже носит утвердительный характер, ср.: *И все самим нужно делать. Хорошо хоть, не завтра и не послезавтра* (В. Пелевин, Бэтман Аполло, 2013); *Ничего плохого не может с тобой случиться. Иван Людвигович Губер, заглянувши к нему в номер, изо всех сил уговаривал его уехать не завтра и не сегодня, а уехать сейчас и немедленно...* (А. Макушинский, Город в долине, 2012); *Куда я могу теперь уехать. «Не теперь, не сегодня и не завтра, — шепчет отец. — Я говорю о ближайшем времени в принципе»* (Ю. Трифонов, Старик, 1978). Появление такого рода смыслов соответствует самой логической природе отрицания, которое способствуют смысловому обособлению — в данном случае выделению отдельного, особенно временного момента в чередѣ отрицаемых. Данная синтаксическая конструкция соотносима с двучленными противопоставлениями типа *не..., а*, которые актуализируют альтернативное время ситуации, имплицитно различая разные смыслы: 1) удивление: *И какой у меня диагноз? И почему сегодня, а не завтра?* (М. Трауб, Плохая мать, 2010); 2) требование: *Ну, так я жду вас к себе, и не завтра, а через 30 минут со всеми бумагами* (Ю. Домбровский, Обезьяна приходит за своим черепом, 1958); 3) сомнение или уточнение: *А сдавать колѣе она собиралась именно сегодня? Не завтра? Не послезавтра?* (А. Маринина, Последний рассвет, 2013); 4) эмоциональную оценку хода ситуации или возникающих обстоятельств: *Я их спешу не сегодня, не завтра, а когда сочту нужным, — ответил дядя Иосиф* (А. Рыбаков, Тяжелый песок, 1977).

Функционирование *завтра* в противопоставительных предложениях не ограничено только вышеназванными схемами. Нередко наречие участвует в предложениях с синтаксическим параллелизмом, например: *Зарплату повысят завтра, а кушать бюджетникам хочется сейчас* (Е. Калашникова, *Зарплату повысят завтра // Новороссийский рабочий*, 2003. 18 февр.); *По морям, по волнам — нынче здесь, завтра там* (В. Межевич). Как правило, в подобных конструкциях *завтра* служит не для конкретных временных обозначений, а для создания ассоциаций широкого временного плана обобщенного характера, состоящего из всех периодов, номинируемых темпоральными лексическими единицами данных контекстов, ср.: ... *Частный бизнес — дело тонкое: сегодня заказов много, завтра — ни одного* (Красна изба углами // Народное творчество, 2003); <...> *Кое-кто усматривает в купле-продаже земли хороший бизнес: сегодня купил по дешевке, а завтра продал втридорога* (В. Плотников, *Надо уметь держать удар // Аграрный журнал*, 2002, 15 февр.); *У меня не бывает так, чтобы я читала одну книгу. По настроению: сегодня одну книгу читаю, завтра — другую* (Ю. Пашкова, *В поисках диковинного // Домовой*, 2002, 4 мая); *Сегодня лидер падения «Газпром», завтра — кто-нибудь другой* (А. Кузин, *Еще одна жертва выборов? // Финансовая Россия*, 2002, 19 сент.).

Интересным, на наш взгляд, является функционирование *завтра* в сложных предложениях с условным *если*, например: *Но что-то слишком цинично это выглядит. А если завтра страна затоварится не курортными путевками, а мебелью или «жигулями», опять будут нагибать людей в погонах?* (В. Лошак, *Лязг занавески // Огонек*, 2014). Наречие *завтра* отсылает читателя или слушателя в неопределенное будущее, при этом выступает в качестве текстоформирующего средства, задающего логический процесс обнаружения и выявления проблем, нежелательных результатов описываемой

ситуации. Аналитическое решение обнаруженных проблем ведет к выражению мнения и к созданию текстов сентенциального характера, ср.: *А если завтра начнут выгонять из домов, начнут убивать, насиловать жен, ты не пойдешь воевать?* (Ю. Гугова, Родина и родина // Русский репортер, 2014); *Если завтра к власти придет новый Батиста — что, меньше будут уезжать? Да еще больше поедут!* (Д. Соколов-Митрич, Куба капут, 2012); *И значит, даже если завтра будет ливень всего шестнадцать или четырнадцать градусов по Цельсию выше нуля, я все равно буду носить гольфы и ходить в детский сад без кофты* (Г. Соломатина, Мой одесский язык, 2011). Можно говорить о том, что *завтра* эксплуатируется языком для выполнения дискурсивных функций. Если принять во внимание, что в подобного рода контекстах *завтра* выполняет дискурсивную роль, а не служит для выражения временной референции событий и ситуаций, то следует установить, какие функции исполняет изучаемая лексическая единица. В составе условного придаточного *завтра* задает описание возможной будущей ситуации с целью эмоционального воздействия на участника коммуникации путем перечисления возможных отрицательных результатов для побуждения к нужному и ожидаемому для говорящего действию: *Если завтра до полудня мы не успеем уйти из зоны серира, то эта самая твоя галька раскалится до восьмидесяти градусов. Давай спать, Мари, нам нужно двинуться в путь хотя бы за два часа до рассвета. Не будем тратить силы* (В. Михальский, Для радости нужны двое, 2005). В некоторых случаях эксплицируются только возможные последствия, каузация которых обусловлена потенциальной «завтрашней» ситуацией. Допускается прием умолчания для продвижения дискурса говорящего, при этом ясно, что обработка полученной информации не вызывает затруднения и понимается собеседником как аргумент в пользу заявленного тезиса: *Вариант введение пошлин, на мой взгляд, также не решает проблемы. Если*

завтра цены упадут, пошлины сразу не отменяют, потому что есть инерция принятия таких решений (Дивиденды с высоких цен // Металлы Евразии, 2004, 18 июня). Другая совершенно очевидная функция заключается в семантическом выделении фрагмента ввиду его экспрессивности: говорящий формирует такой текст, который апеллирует к эмоциональной сфере, стимулирует субъективную эмоциональную реакцию собеседника: радость, стыд, сопереживание, ненависть, например: *Ведь если завтра экспортная конъюнктура поменяется, что весьма вероятно, учитывая нашу нестабильность? Да эти люди просто остановят производство или перепродадут его еще раз, а наши горняки с металлургами останутся без работы. А сами господа инвесторы <...> уедут проживать <...> украденные у народа миллионы куда-нибудь на Канары* (В. Алтухов, Не в силе бог, а в правде // Завтра, 2003, 20 мая).

В синтаксических конструкциях *если + завтра* наречие является знаком неопределенной перспективы — неожиданных событий, явлений или обстоятельств, требующих от каузируемого определенных действий или решений. Такая семантика непрямой каузации появляется в том случае, если существует тесная связь между каузацией перспективной ситуации и возможными негативными последствиями их воздействия, ср: *Если завтра Путин скажет Ходорковскому: «Миша, если ты будешь продолжать финансировать «Яблоко» или коммунистов, мы тебя прихлопнем», то уверяю вас, что Ходорковский прекратит финансирование...* (Г. Мкртчян, Г. Волков, Злой и очень опасный // Вслух о..., 2003, 1 июля); *Можно, к примеру, сообщить о пленении нескольких опасных бандитов, но, если завтра опять где-то прогремит взрыв и будут новые жертвы, весь пиар насмарку* (П. Вошанов, Тайный заговор олигархов — хит политического сезона // Новая газета, 2003, 9 янв.); *Мне дали еще подумать, но если завтра я не покаюсь, не видать мне партбилета. А ты ведь знаешь, чем это кончается.* (Э. Розенталь,

Отец // Вестник США, 2003, 15 окт.). Создается перлокутивный эффект, требующий выполнения подразумеваемых действий, зачастую не вербализованных говорящим, но предотвращающих названные негативные последствия.

Подобную сферу семантического действия лексемы *завтра* находим в конструкциях *хотите (хочешь) завтра...*, в которых *завтра* служит для выражения желания убедить собеседника в истинности сказанного, выполненного и т. п., ср: *Хотите, я завтра принесу вам показать настоящий инструмент* (С. Спивакова, Не все, 2002). Перлокутивный эффект речевого воздействия достигается за счет полного и безусловного намерения выполнить обещанное завтра, например: *Сейчас важно, чтобы ты начал сотрудничество. Не хочешь — завтра же будет на тебя материал в органы* (В. Черкасов, Черный ящик, 2000). Как правило, высказывания носят перлокутивный характер, а сама конструкция как элемент перлокутивного текста демонстрирует лексикализацию. В подобных регулярных синтаксических конструкциях *хотите, завтра* служит для актуализации обещания скорейшего предоставления доказательств, фактов, подтверждающих соответствие действительному положению дел, ср.: *Хотите — завтра же проведу собрание акционеров. Мы там все обсудим и опубликуем список акционеров* (Вами кто владеет? // Дело (Самара), 2002, 17 июля). В соответствии с наблюдениями М. Я. Гловинской в перлокутивном акте «граница между иллокутивами и перлокутивами проходит обычно внутри видовых пар: в форме НСВ (в нерезультативных значениях) глагол является иллокутивом, в форме СВ — перлокутивом» [Гловинская, 2001, с. 278]. В приведенных примерах форма СВ глаголов и семантика синтаксической конструкции не оставляют сомнений в перлокутивности высказывания.

Таким образом, анализ материалов Национального корпуса русского языка показал, что на данный момент «завтра» как имя кон-

цепта демонстрирует расширение своей семантики, было выявлено несколько контекстуальных значений, реализуемых в речи носителей русского языка:

- 1) определенный день в хронологии событий;
- 2) постоянство событий, действий;
- 3) неопределенный временной период в будущем;
- 4) ожидаемый период в будущем, наделенный субъективными надеждами;
- 5) запланированное будущее;
- 6) неизбежность каких-либо событий;
- 7) далекое будущее;
- 8) неопределенность состояния человека, событий;
- 9) неизвестность, непредсказуемость будущих событий или состояний.

Результаты ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «завтра»

В целях верификации результатов дефиниционного и синтагматического анализов был проведен ассоциативный эксперимент, который позволил установить психологически реальные значения изучаемого ключевого слова — имени концепта.

В результате ненаправленного ассоциативного эксперимента на основе субъективных дефиниций было составлено ассоциативное поле *завтра*, выявившее ключевые семы концепта «завтра» в русском языковом сознании. В эксперименте участвовало 100 человек, средний возраст участников составил 23–40 лет. В понимании носителей русского языка под *завтра* понимается:

'день, следующий за сегодняшним' (*утро, восход, поутру, следующий, рано, вставать* и др.) — 27%, 'надежда на что-то новое' (*ожидать, успех, придет, перспектива, предстоит* и др.) — (16%), 'в другое время' (*посмотрим, дожить, неделя, вчера* и др.) — 15%, близкое событие (*скоро, оставить, предстоит, запланировать,*

нынче и др.) — 13%, непредсказуемость, неизвестность (*откладывать, поздно, потом, пообещать* и др.) — 12%, продолжение (*снова, договориться, послезавтра, время* и др.) — 13%, новый день (*ожидание, план, приступить, лучше* и др.) — 3%, выходной, потеплеет (1%).

По результатам эксперимента нами были выявлены следующие, наиболее частотные ассоциации носителей языка, которые можно отнести к базовым признакам ассоциативного поля.

1. День, следующий за сегодняшним
2. Скорое будущее
3. Неопределенное будущее с ожиданием положительных результатов
5. Завтра, как ожидание чего-то неизвестного, непредсказуемость будущего
6. Далекое будущее

При проведении второго этапа эксперимента респондентам были предложены для выбора ассоциативные реплики предыдущего эксперимента, а также же было включено значение ‘определенный день в хронологии событий’, выявленное по результатам анализа материалов Национального корпуса русского языка. В эксперименте участвовало 168 человек. Примерный возраст участников — 25–65 лет. Почти все участники имеют образование (высшее, неоконченное высшее, среднее специальное, среднее). Все участники — русскоговорящие проживают в городе Улан-Удэ. Целью эксперимента было формирование ассоциативного поля концепта «завтра», определение его ядра и периферии.

Были получены следующие результаты. *Завтра* понимается как:

- 1) день, следующий за сегодняшним: 44 человека (26,3 %);
- 2) завтра как ожидание чего-то неизвестного: 35 человек (20,8%);
- 3) определенный день в хронологии событий: 19 человек (11,3%);

4) развитие событий без каких-либо ожиданий: 18 (10,7%);

5) неопределенное будущее с ожиданием положительных результатов: 24 человека (14,2%);

6) скорое будущее: 19 человек (11,3%);

7) далекое будущее: 9 человек (5,3%).

Таким образом, по результатам дефиниционного анализа, данных, полученных в ходе психолингвистического эксперимента было сформировано семантическое поле семантемы «завтра». В ядро поля вошли такие семы, как ‘день, следующий за сегодняшним’; ‘завтра как ожидание чего-то неизвестного’; ‘неопределенное будущее с ожиданием положительных результатов’. Периферию поля составили следующие значения: ‘скорое будущее’; ‘определенная дата в хронологии событий’; ‘развитие событий без каких-либо ожиданий’; ‘далекое будущее’.

На основе результатов дефиниционного и этимологического анализов, наблюдений над функционированием основных лексических средств, вербализующих концепт «завтра», на материале Национального корпуса русского языка была проведена когнитивная интерпретация, которая предполагает установление слоев структуры изучаемого ментального конструкта, а также выявление его когнитивных признаков. Концептуальная структура *завтра* представляет собой полевое образование, которое образуют несколько сегментов, каждый из которых представлен рядом семантических признаков. Основным является слой, номинирующий представления о *завтра* как о будущем. К данному слою относятся следующие когнитивные признаки: ‘день, следующий после сегодняшнего’, ‘ближайшее будущее’, ‘далекое будущее’, ‘неопределенное будущее’, ‘будущий день в хронологии событий’: 1. *Сказали, завтра прийти на третий этаж к полковнику-военкому* (В. Быков, Болото, 2001); 2. ...*Повторяемость вычислений ил эксперимента основана на презумпции, что завтра будут действовать те*

же законы, что и сегодня (В. А. Успенский, Витгенштейн и основания математики, 2002); 3. *Постоянного списка нет, сегодня к ИППП относятся 20 с чем-то болезней, а завтра их станет больше* (С. Шерстенников, Доктор твоего // Автопилот, 2002, 15 янв.); 4. *Я же не для вечности снимаю. Просто работаю, чтобы люди завтра посмотрели мой фильм в кинотеатрах, и все* (А. Балабанов, Я снимаю не для вечности // Культура, 2002, 1 апр.); 5. *На ночь глядя поехал в Обнинск, сказав, что у него на завтра назначена встреча с руководителем* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого, 2000).

В следующем слое *завтра* представляют события, которые его наполняют. В коллективном сознании носителей русского языка с *завтра* связано несколько представлений:

– постоянство и повторяемость жизнесодержащих событий, что говорит об участии изучаемой лексемы в объективации циклической модели времени: *завтра* задает некую цикличность их развития, ср.: *Сегодня уже не тот город, что был вчера, а завтра будет не тот, что сегодня* (В. Распутин, Новая профессия, 1998); *Это отношение к детям не сегодня родилось и не завтра умрет* (Северная сказка, Экран и сцена, 2004, 6 мая).

– непредсказуемость и непредвиденность будущего, ср.: *Россияне каждый день боятся включать вечерние выпуски новостей, зная, что не сегодня-завтра очередной теракт, и похороны, похороны...* (А. Гамаюн, Северикавказский приговор // Завтра, 2003, 6 авг.)

– неизбежность ситуаций, референциальная возможность которых вводится при помощи *завтра*, ср.: *Политическое посредничество — будущее олигархов, которые или сегодня потеряли свой статус, но хотят его вернуть, или потеряют его завтра* (Н. Вардуть, Схватка бульдога под столом // Коммерсантъ-Власть, 2000); *Уверяю вас, добрые люди, заполнившие зал судебного заседания, что все происходящее — это отнюдь не только одно осужде-*

ние невинного или сведение личных счетов правительства с неугодным журналистом, это даже не удушение вашей свободы — нет, это много страшнее: это новое покушение на вас самих, это тот топор, который завтра же опустится на вашу голову... (Ю. Домбровский, Обезьяна приходит за своим черепом, 1958).

– ожидания предстоящих событий, ср.: *Была проведена необходимая строительная подготовка: вольеры соединены облагороженными переходами. ...Завтра начнется великая интеграция* (В. Быков Лесное счастье, 1995); *Так вот завтра придет директор с профоргом Дубровским, он осмотрит все, заактирует, а затем переведет нам бобики в размере затрат* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей, 1978); *Наше завтра лучше, чем вчера* (В. Аленин, 1970).

В третьем когнитивном слое *завтра* эксплицирует представление о результативности и обязательности заявляемых действий, ср.: *Я закрыл дом и сел в машину. По дороге уже решил, что завтра же снова наведаюсь сюда, уберу все и дам объявление о продаже* (Н. Трофимова, Третье желание // Звезда, 2003); *Господа, я пришел вам предложить. Хотите, завтра в обеденный перерыв я вам продам всех хриstopродавцев в тот самый момент, когда они будут получать свои тридцать серебрянников?* (А. Солженицын, В круге первом, 1990). Как видим, в приведенных контекстах *завтра* объективирует ситуации неперенности и безусловности выполнения заявленного действия в ближайшем будущем. Как правило, такие смыслы формируются в синтаксических конструкциях с пермиссивной дистантной синтаксической каузацией (термин по: Недялков, 1971), когда каузируемым выступает сам говорящий, а роль каузирующего субъекта заключается в разрешении/запрете предложенного действия, при этом совершенно очевидно, что фразеосинтаксическая схема *хотите, завтра...* представляет собой не что иное, как фигуру речи, основное назначение которой убедить ком-

муниканта в правоте, решительности, и готовности говорящего реализовать обязательства, ср.: *Хочешь, завтра в «Известиях» будут напечатаны стихи, которые я посвятил тебе?* (С. Рассадин, Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них, 2002); *Да, ВТО — это то, от чего нельзя уйти, если хочешь завтра вместе с другими устанавливать нормы и правила торговли в мире* (А. Шаров, Партийная чистка // Российская газета, 2003, 5 мая).

В рамках третьего слоя представлен также когнитивный признак обещанного действия. В синтаксических конструкциях с *если завтра...* говорящий обязуется выполнить то или иное действие при условии выполнения / невыполнения оговариваемых условий, ср.: *...Отец предупредил, если завтра не будет паспарту, то на работу пусть не приходит и считает себя уволенным* (И. Э. Кио, Иллюзии без иллюзий, 1999); *Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов* (Лебедев-Кумач, 1938). В данных примерах каузация будущего обещанного действия, вводимого лексемой *завтра*, выражена полно, и перлокутивный акт имеет законченную форму. В большинстве случаев речевые тактики воздействия избегают вербализации ожидаемых перлокутивных реакций от обнаружения имеющихся знаний о последствиях — они понимаются по умолчанию, например: *Если завтра война, где Россия возьмет оружие для сетецентрических войн?* (Р. Пухов, Если завтра война // Однако, 2009); *Поэтому я не удивлюсь, если завтра из детских домов, где ребенок не защищен абсолютно, детей будут разбирать на органы...* (А. Данилова, Г. М. Гупало, Ю. Норнштейн, Опять забыли человека, 2016).

В концептуальной структуре *завтра* представлен слой ‘состояние или положение, в котором кто-либо или что-либо будут находиться в будущем’, в рамках названного когнитивного слоя реализуются следующие когнитивные признаки: ‘представления о будущем’, ‘аксиология грядущего’, ‘планы в аспекте изменений’. Объек-

тивируя перечисленные дифференциальные семантические признаки, *завтра* реализует темпоральную ситуацию ожидания будущего. Ассоциативно-смысловая общность времени отмечена предвкушением потенциальных положительных перемен, ср.: *Ремонт вот сделаем и заживем за милую душу. А может быть, не завтра, а через неделю* (А. Волос, Недвижимость // Новый мир, 2001); *Плесецк только готовится обзавестись новым стартовым комплексом под перспективный ракетоноситель Ангара, за которой, как считают российские специалисты, завтра отечественной космонавтики* (Д. Литовкин, А. Братерский, Безальтернативный Байконур. Казахстан хочет стать космической державой // Известия, 2002, 19 дек.). Если в предыдущих примерах *завтра* отсылало к представлениям о цикличности времени, то в рамках психологического осмысления будущего реализуется линейное векторное развитие времени вперед. Субъект речи стремится познать новые впечатления, ощущения, переживания, и это предчувствие чего-то хорошего, что сулит завтра. Причину положительных аксиологических импликаций можно усмотреть в православном духовном наследии, где надежда и любовь — одни из главных добродетелей, формирующих шкалу ценностей, в соответствии с которой завтра окрашено положительными красками, ср.: *Предположим на минуту, что уже наступило светлое завтра — всем необходимо иметь желание, сильное желание не вредить себе и другим* («Встреча» держит ответ // Встреча (Дубна), 2003). Положительное отношение к *завтра*, несущему что-то радостное и светлое, туманное и неизвестное, но позитивное, отражено и в следующих примерах: *Полуфантастическое-полуреальное путешествие в светлое будущее, в счастье завтра — вот главная архитектура канала «Москва — Волга» и московского метро* (Ф. Разумовский, Миражи счастья // Знание-сила, 1998); *Мы смотрим в будущее и знаем, что... у российского народа достаточно сил для борьбы за лучшую жизнь, за светлое завтра*

для всех и для каждого (Г. Зюганов // Российская газета, 2003, 15 февр.).

Итак, мы попытались выявить структуру изучаемого концепта. Концепт «завтра» по результатам лексикографических источников, ассоциативного эксперимента, анализа Национального корпуса русского языка обладает следующей структурой:

- будущее;
- события, предстоящие в определенном будущем;
- обязательность и результативность грядущих событий, референциальная возможность которых вводится при помощи *завтра*;
- состояние или положение, в котором кто-либо или что-либо будут находиться в будущем.

Значимость данного концепта в русской культуре отражена в его использовании для номинации литературных произведений, например, «Завтра была война» Бориса Васильева (1984), частотностью употребления в русских пословицах и поговорках (*Не оставляй на завтра дела, а оставляй хлеба. Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь. Не корми завтраками, а сделай сегодня. У завтра нет конца. Завтрами сыт не будешь. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Одно нынче лучше двух завтра*). Таким образом, вышеперечисленные признаки концепта позволяют нам отнести концепт «завтра» к значимым для русской лингвокультуры.

2.3 Образ времени и способ его репрезентации в художественном произведении (на материале повести Е. Гришковца «Реки»)

Образ времени в рассказе неоднозначен. С одной стороны он линейен, с другой — его можно представить в виде множества спиралей, которые раскручиваются в обратном направлении: не от прошлого через настоящее к будущему, а, наоборот, настоящее яв-

ляется точкой отсчета для развертывания спирали в прошлое. В данном параграфе рассмотрим сначала значение лексемы, его сочетаемостные особенности, синонимические связи, затем временные слои, представленные в рассказе.

Гиперонимом всех темпоральных лексем является *время* (43 случая употребления), которая в рассказе употребляется в разных значениях. В толковых словарях выделяется следующие значения данной лексемы:

1. Одна из основных наряду с пространством форм существования материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире.

2. Продолжительность, длительность чего-нибудь, измеряемая секундами, минутами, часами.

3. Определенный момент, в который происходит что-нибудь.

4. Отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет.

5. Эпоха, период в жизни государства, общества, человека и т. п., выделяющиеся чем-либо в ряду других.

6. Пора дня, года.

7. Благоприятная пора, подходящий момент.

8. Свободные от обычных занятий часы, дни и т. п.; досуг [Ожегов, 2006; Ушаков, 2000; Ефремова, 1999].

Чаще всего в рассказе «Реки» Е. Гришковца лексема «время» встречается в значении «определенный момент, в который происходит что-нибудь» (12 случаев употребления), например:

(1) *В это время в магазин зашёл дед.*

(2) *Я подошёл к окну и стал смотреть на дерево, на которое так много часов я смотрел, тоскуя во время уроков. Я почувствовал разницу в том, как в тот момент смотрел на него и как я*

смотрел во время уроков. Но разницу-то я почувствовал, а в чем она — нет.

(3) Я к тому времени уже умел фотографировать, проявлять плёнки и прочее.

(4) Я видел его во время концерта и слышал его скрипку, а потом, как-то так случилось, что мы оказались в одном кафе.

В восьми примерах анализируемая лексема реализует значение ‘продолжительность, длительность чего-нибудь, измеряемая секундами, минутами, часами’:

(5) Бегать и все время бояться, что мощные струи вырвутся из всех стальных кранов...

(6) Но нигде, ни в каком, даже, казалось бы, самом тихом месте, в отдалении от отдалённых покосов, какой-нибудь отдалённой сибирской деревни, нигде невозможно почувствовать себя просто человеком в каком-то просто природно-географическом пространстве. Все время чувствуется страна, определённая страна, наша страна.

(7) Меня утомляло то, что Раскольников все время страдал от жа-ры... <...> А я почему-то все время чувствовал, что там холодно...

Обращает на себя внимание тот факт, что характерной особенностью приведенных примеров является то, что «время» рассматривается автором не просто ‘продолжительностью, длительностью’ чего-либо, а некоей объективной «постоянностью», существующей вне нашего сознания, «вечностью», не имеющей ни начала, ни конца. Это понимание времени сопровождает героя на протяжении всего рассказа.

Философское понимание времени как одной из форм существования объективного мира, выражающего длительность бытия, в произведении Е. Гришковца находим не один раз. В приведенных ниже примерах «время» — непрерывный и однонаправленный ат-

рибут обозначения действий и состояний, проявляющее себя «через материальное наполнение мира» [Кубрякова, 1997, с. 9]

(17) *В протяжённости транссибирской магистрали даже не чувствуется расстояний. Между городами, что нанизаны на Транссиб, лежат не километры, а время.*

(18) *Просторов сибирских я не чувствую, я чувствую только то самое время... Часовые пояса.*

(19) *Мир и время не тревожили, не беспокоили и не пугали.*

(20) *В конце такой поездки, потерявший ощущение не только времени суток, но и времени вообще, заваленный подарками и визитными карточками, забывший, как достают из кармана кошелёк и как платят...*

(21) *А если лететь на самолёте, то исчезает и время... И получается, что между городами и в случае полёта тоже не километры. Разница расстояний между городами ощущается только во время покупки авиабилета. Разница расстояний выражается в разнице цен на билет.*

Последние два примера интересны не только философским подходом героя к осмыслению категории «время», но и некой противопоставленностью времени вообще (в философском смысле) времени конкретному как части суток или определенному моменту.

Поскольку рассказ представляет собой некую смену картин жизни, воспоминаний героя, в которые иногда включены воспоминания других близких ему людей, то нередко можно встретить и употребление лексемы *время* в значении ‘период в жизни государства, общества, человека’ (8 случаев употребления).

(22) *А во время гражданской войны в нашем городе даже стоял адмирал Колчак...*

(23) *Однажды, во время каких-то летних юношеских приключений, я был в таком месте, где-то... в общем, не в Сибири. Так вот, там была старинная каменная выработка...*

(24) ... И нет домов, и даже ни один телеграфный столб, с табличкой на русском языке, или линия электропередачи не нарушает естественности пейзажа и нет в небе белой полосы от самолёта, который намекал бы на век и время...

(25) Мой дед никогда не бывал за границей. Он даже во время войны не успел освободить Польшу, взять Кенигсберг или Берлин...

(26) И из всех моих посещений музеев и просмотра таких передач, я вынес одно серьёзное понимание того, что художники были совсем другие люди, жившие в далёком и отдельном от меня времени и мире.

При этом время употребляется в значении 'отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет' (четыре исключения), например:

(27) Все время, пока я носил гипс, я охотился за взглядами людей на улице или в автобусе.

(28) ...я быстро устал и стал ныть, кукушаться, потом получил пару горячих шлепков, и какое-то время таскался за родителями молча.

(29) Догадываюсь, что за время пути мы здорово утомили попутчиков и проводниц.

(30) Так что мой автомобиль только на какое-то время совпадает со мной, точнее, мы с ним совпадаем, и тогда он становится моим, а потом мы с ним расстаёмся.

В рассказе встречается употребление слова времени (6 примеров употребления):

(31) Дед при этом делал движения, похожие на те, что делают на Кубе, показывая туристам, как скручивали сигары в незапамятные времена кубинские женщины.

(32) А «Торгсин» был такой магазин, где можно было купить что угодно. В нем было все, что надо! В те скудные и трудные времена в нем можно было купить даже теннисный мячик...

(33) *Какой к черту теннис в моем городе в те времена, да и сейчас тоже...*

(34) *Но я нашёл среди его пластинок очень красиво оформленный конверт с зимним пейзажем на нем. Антонио Вивальди «Времена года», прочёл я. Пластинка была новёхонькая...*

(35) *И ещё, там, на конверте той пластинки, были написаны названия музыкальных частей самого произведения. Понятно, что это были Зима, Весна, Лето, Осень, это же были «Времена года». Но у каждого времени года были ещё более мелкие части и назывались они, например, «Гроза».*

(36) *Я имею в виду не тех американцев, которые когда-то, ещё во времена детства моего деда, привезли в наш город пароходик, первый трактор и построили общественную баню.*

Отметим, что во всех случаях, кроме примеров, где названо музыкальное произведение А. Вивальди «Времена года», слово *время* является экспонентом социального времени и чаще всего отсылает к определенному этапу, периоду в жизни героя или жизни близких ему людей. Данная лексема участвует в описании ретроспективных ситуаций и служит для характеристики прошлого, свидетельствует о статичности и обобщенности восприятия данного периода.

Прошлое и настоящее в произведении Е. Гришковца

В рассказе постоянно присутствует противопоставление прошлого и настоящего, это противопоставление обозначено уже в самом начале:

(37) *Когда-то он [город] казался мне непостижимо большим, а когда я бежал из него, он был удушливо тесен. А теперь, когда я приезжаю, редко-редко, приезжаю в мой родной город, я уже не понимаю, какой он.*

Противопоставление того, что происходило раньше, тому, что имеет место быть сейчас, представлено в воспоминаниях героя-рассказчика, рассказах деда героя. Маркером прошлого являются лексемы *тогда, раньше, когда-то*, настоящего — *сейчас, теперь*:

(38) *Но в этом же городе когда-то стояли жёлтые бочки на колёсах с надписью «Молоко», и я маленький бегал с битоном купить молока (в нашем городе все говорили «битон» вместо «бидон»). Где-то теперь эти бочки...*

Для обозначения современной ему действительности рассказчик наряду с лексемой *время* употребляет лексемы *сейчас, теперь*, где главное место отводится отдельной человеческой личности, ее мыслям, чувствам, переживаниям, а также всеобщему прогрессу:

(39) *И сейчас, в данный момент, есть какое-то понимание [о стране], но теперь-то я догадываюсь, что как только я что-то дополнительно пойму, то и общее понимание изменится.*

(40) *А она там течёт, прямо сейчас. Течёт там, где я испытал одно новое ощущение за другим, и мог чувствовать все сильно. Так сильно, что теперь все свои сегодняшние ощущения я могу только сравнивать с теми, которые были там. Там, в моем городе. ...там, где сейчас новый вокзал, была роща...*

«На семантику слова оказывает определенное влияние часто сочетающиеся с ним слова» [Шмелев, 1973, с. 184–185], поэтому далее в работе рассмотрим атрибутивно-предикативные характеристики лексемы *время*. Так, в произведении Е. Гришковца нередко употребляется сочетание существительного *время* с местоимениями: *все время, какое-то время, в те времена*.

Словосочетание *все время* в рассказе употребляется в значении ‘постоянно, всегда’, но в некоторых контекстах это неопределенное «*всегда*» ограничивается каким-то временным промежутком. Приведем пример сначала употребления в первом значении, потом — во втором.

(41) *Знай, — продолжил папа, — пиявки пьют кровь. Вот сейчас они такие тоненькие, а если она к тебе присосётся, станет толстая-толстая. Вот я куплю тебе такую, если будешь болтать все время, посажу тебе на язык...*

(42) *Все время чувствуется страна, определённая страна, наша страна.*

В данных примерах сочетание *все время* понимается как нечто постоянное, может быть даже вневременное. Хотя, конечно, есть некие смысловые оттенки употребления этого словосочетания в первом и втором примере.

(43) *Когда в фонтане совсем не было воды, и на сухом дне валялись листья, газета и какая-нибудь сломанная детская игрушка, по дну можно было бегать, с разрешения папы. Бегать и все время бояться, что мощные струи вырвутся из всех стальных кранов... и что тогда?*

(44) *Все время, пока я носил гипс, я охотился за взглядами людей на улице или в автобусе.*

В примерах 35, 36 *все время* имеет некие очерченные контекстом временные границы, актуализирующие идею продолжительности описываемой ситуации в прошлом: в первом случае, *пока он бегал по дну фонтана*; во втором — тем временным периодом *пока он носил гипс*.

Интересно употребление данного сочетания в следующем случае:

(45) *Помню, когда читал «Преступление и наказание» в девятом классе. Мучился страшно. Меня утомляло то, что Раскольников все время страдал от жары. Достоевский постоянно напоминал, что там, в романе, жарко, душно, плохо. А я почему-то все время чувствовал, что там холодно. Просто холод был мне более знаком, как что-то утомительное и угнетающее. Все-таки я читал тогда книгу в Сибири.*

Этот контекст употребления темпоральных лексических единиц интересен тем, что дважды употребленное в нем словосочетание *все время* соотнесено с ощущениями разных субъектов, и эти ощущения диаметрально противоположны. В предложении *Раскольников все время страдал от жары* выделенное словосочетание имеет значение, указывающее на вневременное, постоянное состояние героя, это значение еще более усиливается в следующем предложении путем употребления синонимичного наречия *постоянно*. Ощущения рассказчика *мучился страшно*, потому что *все время чувствовал, что там холодно*, в отличие от ощущений героя произведения Достоевского Родиона Раскольникова, непостоянны, временны. Они ограничены периодом чтения романа в девятом классе, что эксплицировано употреблением временного союза *когда*, сочетания, обозначающего временной период *в девятом классе*, и наречия времени *тогда*.

Помимо сочетания *все время* в рассказе употребляются словосочетания *какое-то время* (примеры (14), (16) в значении «неопределенный промежуток времени», *в те времена* (примеры (23), (24)). Использование такого темпорального показателя, как *времена* для характеристики прошлого, свидетельствует о статичности и обобщенности восприятия данного периода.

Синонимом к лексеме «время» выступает слово «момент», которое более определенно характеризует время, но только в прошлом. Употребление слова «момент» (*какой-то момент, тот момент, этот момент* и др.) во всех контекстах эксплицирует какое-то определенное событие в прошлом. Например:

(46) *Глаза, как органы, как части организма, дают в такой момент радостный сигнал: «Нам хорошо, нам приятно, мы для того и нужны, чтобы видеть так далеко».*

(47) *...эту столь важную вещь могут в любой момент угнать или я сам могу её разбить...*

(48) ...в этот момент пескарь кажется таким большим и красивым! Какой же он потом маленький и скучный, когда зажарен на сковородке вместе с другой речной мелочью.

(49) ...я к тому моменту сильно допёк отца какими-то своими разговорами и вопросами...

Анализ атрибутивно-предикативных характеристик лексики *время* показывает, что в художественном мире рассказа Е. Гришковца время связано с непосредственно происходящими событиями, в ряду временных отрезков настоящее противопоставляется статичному прошлому.

Временные пласты в рассказе

Образ времени в произведении многослоен, он представляет собой воспоминание о разных событиях прошлого, причем не всегда прошлого героя-рассказчика. Временные пласты причудливым образом переплетаются, наслаиваются один на другой. Например, в самом начале размышление о собственном восприятии родного города вызывают воспоминания о Юге, осмотре достопримечательностей, которые, в свою очередь, вызывают воспоминания о детстве, о прохладе родного подъезда, библиотеки, кинотеатра. Например:

Отчего, когда я где-то далеко-далеко от города, где я родился и вырос, и даже далеко от Родины, захожу в какую-нибудь, я не знаю... Представляете, жара, самый конец июля. Юг. И даже не наш юг, а вообще Юг. В сухой траве стрекочут кузнечики, и все звенит от неподвижной жары. В небе ни облачка, горизонт совсем белый и знойный, а вы при этом осматриваете какую-то достопримечательность, какую-то важную для всех руину. Гид подробно описывает историческую значимость того места, где вы находитесь, а кто-то из группы таких же, как вы, любознательных людей, одетых в светлые шорты, задаёт какие-то уточняющие вопросы, чтобы показать свою осведомлённость. У вас уже белеет в

глазах, но вдруг гид увлекает вас и всех остальных дальше, и вы входите в какой-то грот или гробницу, и на вас падает тёмная прохлада, кажущаяся даже какой-то влажной, но влажной не в плохом, а в спасительно-нежном смысле...

Почему в этот момент вспоминается то, как я, запыхавшийся и разгорячённый игрой, забегал с летнего, знойного и пыльного двора в подъезд моего дома. Моего дома... там, в том городе, откуда я уехал. И мне уже не важно, что говорит гид, и не важно, что я где-то в таком месте, про которое читали все ещё в школьных учебниках истории. Прохлада и все...

Прохлада такая же, как в старой, ещё сталинской постройке библиотеке или кассовом зале кинотеатра, куда я забегал с друзьями, выскочив из раскалённого автобуса. Мы бежали через жаркую площадь перед кинотеатром и врвались в прохладный кассовый зал...

Или размышления об истории приводят к рассказу о своем дедушке, к воспоминаниям деда о детстве, молодости, в которые вторгаются пояснения рассказчика, соотносящего реалии времен молодости деда с тем, что сейчас, т. е. в настоящем рассказчика.

Схематично эта многослойность представлена на следующем рисунке:

Рис.

Ретроспективный образ времени в рассказе Е. Гришковца, представленный разными когнитивными слоями, наиболее отчетливо проявляется в сочетании со словами, имеющими атрибутивно-предикативные характеристики, его многослойность обусловлена «заданностью автора» (термин Б. А. Ларина, 1959, с. 200). Сложные временные перестановки позволяют автору обозначить помимо горизонтального сюжетного событийного времени вертикальное внутреннее время души, его непрерывное время, которое и формирует образность всего произведения.

Календарный цикл в произведении Е. Гришковца

Необходимость рассмотрения лексем, относящихся к календарному циклу, обусловлена соотнесенностью сюжета, повествования героя-рассказчика не только с линейным, но и с циклическим временем. Календарное время представлено лексемами *зима* (26), *лето* (26), *весна* (9), *осень* (7).

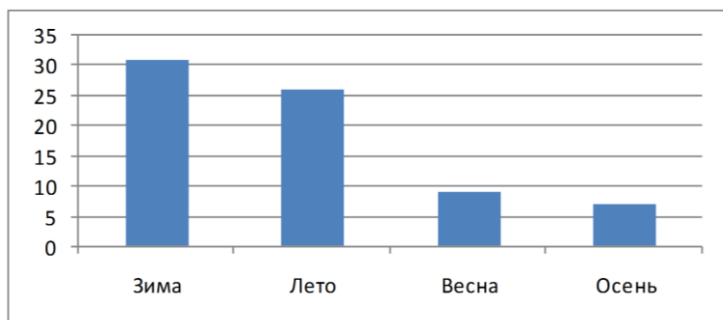

Рис.

Лексема «зима», наиболее частотная в рассказе, связана с восприятием рассказчиком своего родного города. Поскольку это сибирский город, то зима здесь дольше, чем значится в календаре, то есть не с начала декабря до конца февраля. Рассказчик постоянно

подчеркивает суровость сибирской зимы, говорит о том, что она длится долго, что к ней надо загодя готовиться и т. п.:

(50) Живую теплоту моментально задушила своими длинными ночами холодная, ветреная, суровая и невыносимо долгая сибирская зима.

(51) С трудом и даже отчаянно напрягаясь, заработает денег долгой сибирской зимой.

(52) ... зима обещает быть долгой и суровой.

В рассказе неоднократно противопоставляется сибирская зима, привычная герою, зиме южной.

(53) Но только мне было непонятно, как это может быть не холодно зимой?

(54) Я не мог тогда представить себе южной зимы. И я не мог тогда понять, что можно жить без морозов. Что мороз — это не обязательно.

(55) ...для меня всегда будет чудом, что можно жить там, где осенью слышно, как за окном падают на землю большие яблоки, зимой можно ходить в лёгком пальто и без шапки, а март — это все-таки весна. Для меня это никогда не станет просто обычным, нормальным и незаметным.

Зима воспринимается героем как нечто целостное, протяженное во времени, это приводит к появлению определения *вся*: «*барсучьего жира зато им хватило на всю зиму*». Компонент семантемы 'длительность' неразрывно связан с семантическим признаком 'кратковременности пребывания солнца на небосклоне'. Несмотря на суровость и низкие температуры, для Е. Гришковца зима — любимое время года, период, связанный с воспоминаниями о детстве, которые позволяют помечтать, отрешиться от сегодняшних проблем, окунуться в состояние относительного покоя и равновесия. С точки зрения психоэмоционального состояния зима символизирует обнажение души природы, ассоциируется с возможностью

осмысления жизненного пути, вернуться к истокам. Индивидуально-авторское восприятие противопоставлено традиционному национальному употреблению. В русском языковом сознании снежная зима — время веселья и бодрости, время многочисленных традиционных праздников. Как видим, интерпретация употребления слова *зима* в произведении Е. Гришковца демонстрирует «столкновения значения слова с личным и социальным опытом человека» [Лихачев, 1993, с. 4].

Зиме как холодному, суровому, очень долгому времени года противостоит короткое, жаркое, долгожданное лето. Лето — это время отдыха, каникул, праздников, поездок. Состояние героя зимой характеризуется эмоционально-оценочными словами с семантикой одиночества, грусти. Только ожидание лета дает новые силы, надежды, ощущение нового пути. Рассказчик подчеркивает, что лета люди ждут долгими зимними днями, что зимой на лето уже строятся планы, зарабатываются деньги для летнего отдыха где-нибудь на юге:

(56) Студенты-историки, мои друзья, ездили в археологические экспедиции, много об этом говорили, всю зиму ждали лета, чтобы снова ехать копать.

(57) Летом мы ездили на юг, к морю. Там было очень хорошо. <...> Но я понимал, что летом бывает юг и море, а потом обратно. И в том, что мы возвращались домой, не было ничего плохого. Просто кончилось лето.

(58) Я знал короткое знойное лето, когда во всем, что растёт и зеленеет, чувствуется спешка и суета. Жуки и стрекозы летают в Сибири быстрее и выше, мухи увёртливы, надоедливы и кусучи, а комары велики, слегка мохнаты и ненасытны. Все спешит вылупиться, распуститься, пошевелиться, пожить... Из-за этого трава в перелесках сочная, хрупкая, и даже одуванчики, которые вырастают в тени деревьев, выпускают длинные и толстые трубки

своих скромных, но таких обязательных цветков. Все спешит, потому что знает, что, как только подойдёт и наступит август, лето сломается первым холодным ночным дождём и все...

Лексему «лето» сопровождает небольшое количество атрибутивов, и их набор вполне стандартен для описания сибирского лета: рассказчик характеризует его как *короткое, знойное, дождливое*. Говоря о лете, автор описывает его, как и зиму, противопоставляя «другому» лету, «не нашему», южному. Для описания «другого» лета используются более яркие, эмоциональные эпитеты: оно *долгое, богатое, щедрое*.

Вторую смысловую оппозицию составляют лексемы *весна и осень*. Про весну и осень немного упоминаний в рассказе, но эти времена года имеют знаковый характер, они значимы для рассказчика. С ними связаны памятные события. Так, именно весной пропала шапка, которая является неким символом вечности для героя-рассказчика, связи между прошлым и будущим, причем будущим не столько героя, сколько вообще каким-то непостижимо далеким будущим. А осенью, как пишет герой, «моей последней осенью», произошла его встреча с медведем. Отметим, что весна, как и осень, характеризуются героем как положительно, так и отрицательно:

(59) День был солнечный и ветреный, такой день, когда можно зайти за угол дома, спрятаться от ветра, прижаться спиной к чуть-чуть согретой солнцем стене и почувствовать всем сердцем радость прихода весны и тепла...

(60) Это случилось осенью, в самых последних числах сентября. Как раз на несколько дней блеснуло яркое сибирское бабье лето. <...> После затяжных, серых, а главное, холодных дождей, <...> после сырых ветреных сентябрьских ночей, которые срывают жёлтые, мокрые листья и бросают их в слякоть и грязь, после многодневного быстродвижущегося, низкого неба, после долгого отсутствия закатов и восходов, вдруг... Наступает холодная яс-

ная ночь с картой звёздного неба над городом. А утро приходит с синевой и длинными студёными тенями от домов, за границей которых ослепительное солнце моментально высушивает асфальт и греет лица прохожих.

Характерной особенностью авторской интерпретации времен года и наполнения описываемых периодов смысловой нагруженностью является сопоставление сибирской весны и осени с особенностями этих времен года в других регионах. Возникающая антиномия служит решению авторской задачи противопоставления описываемых событий, временная референция которых строится на оппозиции *детство — взрослая жизнь*. Описание специфики времен года ассоциируется автором, а вслед и читателем, с порой светлых надежд, безмятежности и искреннего счастья. Обстоятельства взросления и перехода от детского мироощущения и мировоззрения к личной ответственности, готовности и способности отвечать за свои поступки, решать возникающие проблемы Е. Гришковец разворачивает на другом временном фоне природных изменений, чем достигается смена временной ориентации в жизни человека в условиях малого по объему жанра рассказа. Задается новый вектор восприятия, нормы использования времени и повседневного поведения. Такой прием служит созданию двух временных континуумов, разных по событийной наполненности, характеру общения между людьми, отношению рассказчика к самому себе и окружающим.

(61) ...для меня всегда будет чудом, что можно жить там, где осенью слышно, как за окном падают на землю большие яблоки, зимой можно ходить в лёгком пальто и без шапки, а март — это все-таки весна.

(62) Я не знал такого неба, как на тех полотнах, такого щедрого лета с фруктами и цветами, такой пышной осени с жёлтыми стогами, мощными колосьями, и в багрец и золото одетыми лесами.

Таким образом, Е. Гришковцом через оппозиции темпоральных имен выстраивается картина, где каждое время года несет определенную смысловую нагрузку.

Гипероним «время» в рассказе Е. Гришковца употребляется в разных значениях. Наиболее частотное употребление данной лексики в значениях ‘определенный момент, в который происходит что-нибудь’, ‘продолжительность, длительность чего-нибудь, измеряемая секундами, минутами, часами’, ‘период в жизни государства, общества, человека’.

Календарное время репрезентировано противопоставленными друг другу лексемами «зима» / «лето», «весна» / «осень». Через оппозиции темпоральных имен выстраивается картина, где каждое время года несет определенную смысловую нагрузку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог когнитивному исследованию пространственных и временных концептов современного русского языка, необходимо отметить обширность семантической сферы изучаемых концептов. Ввиду большого разнообразия пространственных и временных идей в качестве объекта исследования были выбраны ключевые концепты изучаемых семантических сфер. Категория «пространство» в современной научной картине мира является достаточно сложным, но ключевым универсальным понятием, на котором основывается вся наша познавательная деятельность. Данная категория выступает как форма мироосмысления и мировосприятия человека, поскольку совокупность представлений человека об окружающей действительности складывается из частого взаимодействия с пространственным окружением, что находит свое отражение в языке. Е. С. Кубрякова справедливо отмечала, что «одна из наиболее фундаментальных областей в познании мира — категоризация пространства» [Кубрякова, 1997, с. 22]. Несмотря на то, что пространство не раз являлось объектом изучения философов и лингвистов, отдельные фрагменты пространственной картины мира остались малоизученными. В работе проблемы категоризации концептуализации пространственной сферы рассмотрены на материале концептов «линия», «угол», «степь». Был применен метод когнитивно-семантического описания, предложенный З. Д. Поповой и

И. А. Стерниним [Попова, Стернин, 2007]. Данный метод предполагает поэтапный анализ лексикографических дефиниций, материалов этимологических словарей, когнитивное интерпретирование функционирования единиц ЛСП одноименного концепта.

Изучение геометрического пространства в семантике языка — одна из актуальных проблем в современной лингвистике: геометрические конструкторы являются неотъемлемой частью языковой картины мира на разных ее уровнях, их исследование и описание дают ключ к пониманию некоторых особенностей представлений носителей языка о пространстве. Геометрия встречается повсюду, она пронизывает все области человеческой деятельности, ее всеобъемлющий характер обусловлен тем, что в материальном мире геометрическая форма является имманентным свойством объектов. Основными геометрическими образами, организующими мировидение и мировосприятие человека, являются круг, квадрат, треугольник, а также строевые — точка, линия и угол. Данные образы представлены в мифологии, истории, религии, искусстве. Линия, как считается, способна вычерчивать земной круг под небом и ограничивать земные пределы человека, поэтому линия — это символ предела, граница космоса. Проведенный анализ в очередной раз подтвердил онтологический статус пространственных представлений, лежащих в основе осмысления и номинирования средствами языка всего сущего в этом мире. По мнению Г. Гачева, «образ, содержащийся в слове обязывает к определенному представлению» [Гачев, 2003, с. 37]. Установлено, что семантика лексических средств, объективирующих геометрические концепты «линия» и «угол», дает основания считать, что описание формы объектов, как и их параметрических особенностей, обусловлено наличием в представлениях носителей языка определенных геометрических схем, позволяющих производить их категоризацию по форме.

Проблемы концептуализации времени рассмотрены на материале концепта «завтра», семантики лексемы «времена». Национально-культурная специфика содержания представлений носителей языка о временной абстракции, нашедшая отражения в семантике изучаемых единиц, проявилась, прежде всего, в ассоциациях и механизмах категоризации временной длительности, представленной во внутренней форме слов, в специфике оценочного восприятия временного фактора. Осмысление времени происходило по пути развития семантики от конкретного временного интервала, границы которого чаще всего определялись ситуативными пределами, до широкого обобщения множества событий, разных по своей длительности и отношений к триаде прошлое / настоящее / будущее. Время при этом понималось как совокупность продолжающихся моментов, имеющих начало, продолжение и завершение. На этом базируется осознание других его типологических свойств: непрерывность, необратимость, направленность, соотнесенность с моментом речи или другими точками отсчета, количественная и качественная его сущность, психологические аспекты его восприятия и оценки.

Решению вопроса специфики функционирования темпоральных единиц в художественном дискурсе посвящен отдельный параграф. При рассмотрении способов экспликации временной составляющей на материале рассказов Е. Гришковца установлено, что темпоральная лексика формирует временной континуум художественного произведения и служит для временной референции описываемых событий рассказа, является средством их хронометрии и хронологии, фиксирует различные временные интервалы, способствует психологическому восприятию ситуаций рассказа и создает эффект событийной компрессии, устанавливает дехронологизацию в целях решения авторских установок, формирует темпоральный фон произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва : Языки русской культуры, 1995. Т. 2. С. 250–257.
2. Апресян Ю. Д. Принципы системной лексикографии и толковый словарь / Ю. Д. Апресян // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Москва, 1999. С. 634–650.
3. Активный словарь русского языка / Ю. Д. Апресян [и др.]. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. Т. 3. 768 с.
4. Арутюнова Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: ментальные действия: сборник статей. Москва : Наука, 1993. 176 с.
5. Арутюнова Н. Д. От редактора / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты, 1991. Москва : Наука, 1991. С. 3–4.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. 104 с.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. Москва : Прогресс, 1974. 448 с.
9. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. Москва : Международные отношения, 1990. 336 с.
10. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сфера действия логических слов / И. М. Богуславский. Москва : Наука, 1985. 175 с.
11. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. Москва : Языки русской культуры, 1996. 464 с.

12. Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) / Н. Г. Брагина // Фразеология в контексте культуры. Москва : Языки русской культуры, 1999. С. 131–138.
13. Будагов Р. А. О предмете языкознания / Р. А. Будагов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1972. Т. XXXI, вып. 5. С. 401–412.
14. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 3–14.
15. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Москва : Языки русской культуры, 1997. 576 с.
16. Вежбицкая А. Лексические прототипы как универсальные основания межъязыковой идентификации «частей речи» / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков. Москва : Языки русской культуры, 1999. С. 134–171.
17. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. Москва : Русские словари, 1996. 416 с.
18. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Москва : Русский язык, 1980. 320 с.
19. Верещагин Е. М. Язык и культура Три лингвострановедческие концепции: Лексического фона, речеповеденческих тактик, сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Москва : Индрик, 2005. 1040 с.
20. Верещагин Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Москва : Русский язык, 1983. 269 с.
21. Виноградов В. В. Типы лексических значений / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва : Наука, 1977. С. 162–189.

22. Воркачев С. Г. *Счастье* как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. Москва : Гнозис, 2004. 192 с.
23. Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер / Б. П. Вышеславцев // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112–121.
24. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры. Москва : Языки русской культуры, 1999. С. 260–268.
25. Гак В. Г. Русская динамическая картина мира / В. Г. Гак // Русский язык сегодня. 2000. № 1. С. 36–44.
26. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
27. Гачев Г. Д. Образ в русской художественной культуре / Г. Д. Гачев. Москва : Искусство, 1981. 247 с.
28. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. Москва : Советский писатель, 1988. 448 с.
29. Герц Г. Три картины мира / Г. Герц // Новое в философии : сборник №. 11. Теория познания и точные науки. Санкт-Петербург, 1914. С. 65–123.
30. Гибсон К. Символы, знаки, эмблемы / К. Гибсон. Москва : Эксмо, 2007. 160 с.
31. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. Москва : Наука, 1993. С. 158–217.
32. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола / М. Я. Гловинская. Москва : Русские словари, Азбуковник, 2001. 320 с.
33. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. Москва : Прогресс, 1984. 400 с.
34. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. Москва : Искусство, 1984. 350 с.

35. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Санкт-Петербург ; Москва, 1880–1882. Т. 1: А–З. 723 с.
36. Словарь русского языка : в 4 т. 4-е изд., стер. / А. П. Евгеньева. Москва : Русский язык, 1999. Т. 1. А–Й. 702 с.
37. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев // Зарубежная лингвистика : в 3 т. Москва : Прогресс, 1999. Т. 1. С. 131–256.
38. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Санкт-Петербург : АСТ Астрель, 2005. Т. 1. 1168 с.
39. Залевская А. А. «Образ мира» vs «языковая картина мира» / А. А. Залевская // Картина мира и способы ее репрезентации : научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (Курск, 21–24 апреля 2003 г.) / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2003. С. 41–47.
40. Залевская Анна А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст / А. А. Залевская. // Избранные труды. Москва : Гнозис, 2005. 542 с.
41. Зализняк Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. Москва : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
42. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант // Собрание сочинений : в 8 т. Москва : Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
43. Иная ментальность / В. И. Карасик [и др.]. Москва : Гнозис, 2005. 352 с.
44. Карасик В. И. Культурные концепты, проблемы ценностей / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград : Перемена, 1996. С. 3–16.
45. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

46. Караулов Ю. Н. Ассоциативный словарь русского языка [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 15.06.2019).
47. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. Москва : Наука, 1987. 264 с.
48. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова / В. В. Колесов. Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. 368 с.
49. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В. В. Колесов // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. С. 13–24.
50. Колесов В. В. Тезисы о ментальности / В. В. Колесов // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148, кн. 2. С. 5–13.
51. Колесов В. В. История русского языка в рассказах / В. В. Колесов. Москва : Просвещение, 1976. С. 59–64.
52. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2004. 157 с.
53. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. М.: Наука, 1990. 103 с.
54. Зализняк А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Москва : Языки славянских культур, 2012. 691 с.
55. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. Москва : ЧеРо, 2003. 349 с.
56. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В. В. Красных. Москва : Гнозис, 2003. 375 с.
57. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка / Г. А. Крылов. Санкт-Петербург : Полиграфуслуга, 2005. 432 с.

58. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях / Л. П. Крысин // *Язык и личность. Социолингвистический аспект изучения современного русского языка.* Москва : Наука, 1989. С. 78–86.

59. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. *Язык в современном обществе* / Л. П. Крысин. Москва : Знак, 2008. 320 с.

60. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. Москва : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

61. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова [и др.] // *Логический анализ языка. Языки пространств.* Москва : Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.

62. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова // *Логический анализ языка. Языки пространств.* Москва : Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.

63. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира* / отв. ред. Б. А. Серебренников. Москва : Наука, 1988. С. 141–172.

64. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. Москва : Высшая школа, 1996. 387 с.

65. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя / Б. А. Ларин. Ленинград : Художественная литература, 1974. 285 с.

66. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // *Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования.* Москва : Наука, 1971. С. 7–19.

67. Леонтьев А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка / А. А. Леонтьев. Москва : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1977. 192 с.

68. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН, Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.

69. Лихачев Д. С. Нельзя уйти от самих себя / Д. С. Лихачев // Историческое самопознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6. С. 113–120.

70. Лотман Ю. М. Статья по семантике и типологии культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. 472 с.

71. Лотман Ю. М. Статья по семантике и типологии культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. 472 с.

72. Лурье С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. Москва : Аспект Пресс, 1998. 448 с.

73. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. Москва : Флинта, 2007. 296 с.

74. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. Минск : ТетраСистемс, 2004. 255 с.

75. Маслова В. А. Языковая картина мира и культура / В. А. Маслова // Когнитивная лингвистика конца XX века : материалы междунар. науч. конф. : в 3 ч. Минск, 1997. Ч. 1. С. 35–47.

76. Мацумото Д. Психология и культура / Д. Мацумото. Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2002. 416 с.

77. Мацумото Д. Человек, культура, психология / Д. Мацумото. Санкт-Петербург : Прайм–Еврознак, 2008. 668 с.

78. Мельник С. И. Об авторе этой книги / С. И. Кибрик, А. М. Шахнарович // Объективная картина мира в познании и языке. Москва : Наука, 1990. С. 3–7.

79. Меркулова В. А. Заметки по истории и этимологии слов / В. А. Меркулова // Этимология. Москва, 1973. С. 79–91.

80. Михеева Л. Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Л. Н. Михеева. Москва, 2004. 36 с.

81. Недялков В. Л. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив / В. Л. Недялков. Ленинград : Наука, 1971. 178 с.

82. Новожилова А. А. Функциональная вариативность относительных хронимов (на материале немецкого языка) // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. Филология. 2011. Вып. 2. С. 101–106.

83. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. Москва : Оникс, 2008. 939 с.

84. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва : Азбуковник, 1999. 944 с.

85. Павиленис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка / Р. И. Павиленис. Москва : Мысль, 1983. 286 с.

86. Падучева Е. В. Семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. Москва : Наука, 1974. 291 с.

87. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке / Е. В. Падучева. Москва : Языки славянской культуры, 1996. 464 с.

88. Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Язык. Культура. Познание / Е. В. Падучева. Москва : Русские словари, 1997. 416 с.

89. Падучева Е. В. Имперфектив отрицания в русском языке / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. 2008. №3. С. 3–21.

90. Пашкова И. В. Символ vs метафора как способ интерпретации геометрического пространства в современном английском языке / И. В. Пашкова // Вестник ИГАУ. 2012. № 1(17). С. 45–52.

91. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований / М. В. Пименова // Антология концептов. Москва : Гнозис, 2007. С. 14–16.
92. Планк М. Единство физической картины мира / М. Планк. Москва : Наука, 1966. 288 с.
93. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматическое значение и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. Москва : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
94. Попова З. Д. Некоторые направления современной концептологии / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. Москва : Гнозис, 2007. С. 7–9.
95. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Истоки, 2001. 191 с.
96. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 162 с.
97. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Истоки, 2006. 226 с.
98. Картина мира в жизнедеятельности человека / Б. А. Серебрянников [и др.] // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Москва : Наука, 1988. С. 8–69.
99. Потаенко Н. А. Языковая темпоральность: содержательные аспекты : монография / Н. А. Потаенко. Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2007. 310 с.
100. Потехина А. А. Мысль и язык / А. А. Потехина. Москва : Лабиринт, 1999. 300 с.
101. Рябцева Н. К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка / Н. К. Рябцева // Диалог'2000 : труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы / под ред. А. С. Нариньяни. Протвино, 2000. С. 268–273.

102. Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Языки пространств. Москва : Языки русской культуры, 2000. С. 108–116.
103. Савина Е. А. Житейская психология в русских пословицах и поговорках / Е. А. Савина, Л. Ю. Дегтяренко // Человек. 2001. № 5. С. 33–35.
104. Сайкина Г. К. Антропологизм жив... / Г. К. Сайкина // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 1. С. 119–132.
105. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. Москва : Юнвес, 2003. 704 с.
106. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. Москва : Прогресс, 2002. 656 с.
107. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. К. Постовалова. Москва : Наука, 1988. 216 с.
108. Словарь Сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Москва : Русский язык, 1983. 688 с.
109. Слышкин Г. Г. Концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
110. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студентов высших учебных заведений : в 2 ч. / под ред. Е. И. Дибровой. Москва : Academia, 2001. Ч. 1. 440 с.
111. Сорокин Ю. А. Комментарий к трем статьям В. И. Абаева / Ю. А. Сорокин // Вестник Воронежского государственного университета. 2001. № 1. С. 31–36.
112. СРЯ — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой : в 4 т. Москва : Русский язык, 1985. Т. 1. 696 с.

113. ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. А. С. Герда. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

114. Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык науки конца XX века. Москва : ИЯ РАН, 1995. С. 7–34.

115. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Москва : Языки русской культуры, 1997. 824 с.

116. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. Москва : Языки славянской культуры, 2007. 248 с.

117. Стернин И. А. Лексическая значение слова / И. А. Стернин. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.

118. Тарасов Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры / Е. Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры. Москва : Наука, 2000. С. 45-53.

119. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. Москва : Языки славянской культуры, 1996. 289 с.

120. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. Москва : Слово, 2000. 624 с.

121. Томаселло М. Истоки человеческого общения / М. Томаселло. Москва : Языки славянских культур, 2011. 328 с.

122. Топоров В. Н. Модель мира / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Москва : Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 161–166.

123. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. Москва : Наука, 1983. С. 227–284.

124. Топорова В. М. Основы когнитивной лексикологии. Сопоставительно-семантический анализ геометрических номинаций.

Вып. 2. Линия / В. М. Топорова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. 23 с.

125. Успенский Б. А. История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема / Б. А. Успенский. Этюды о русской истории. Санкт-Петербург : Азбука, 2002. С. 9–77.

126. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Москва : ОГИЗ, 1935. Т. 1. 907 с.

127. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Москва : Терра, 1996.

128. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. Москва : Прогресс, 1986. Т. 4. 862 с.

129. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык науки конца XX века. Москва : Изд-во РГГУ, 1995. С. 74–117.

130. Фрумкина Р. М. Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика : сборник обзоров. Москва : РАН, 1992. С. 28–43.

131. Фрумкина Р. М. Самосознание лингвистики: вчера и завтра / Р. М. Фрумкина. // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 4. С. 28–38.

132. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. Москва : Русский язык, 1999. Т. 2. 560 с.

133. Чицова М. Е. Языковая картина мира как одно из основных понятий современной когнитивной лингвистики / М. Е. Чицова // Известия Саратовского ун-та. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. Вып. 4. С. 3–6.

134. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. Москва : Прогресс, 1988. С. 31–95.

135. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва : Наука, 1973. 278 с.

136. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. Санкт-Петербург : Алетейя : П.Э.Т, 1996. 156 с.

137. Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности / А. Эйнштейн // Собрание научных трудов : в 4 т. Т. 4. С. 136–139.

138. Эпштейн М. Бог деталей. Народная душа и частная жизнь в России на исходе империи. Эссеистика. 1977–1988. Москва : МИА Р. Элинина, 1988. С. 17–24.

139. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. Москва : Гнозис, 1994. 344 с.

140. Eco U. A Theory of Semantics / U. Eco. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 345 p.

141. Filmore Ch. J. An Alternative to Checklist Theories of Meaning / Ch. J. Filmore // Berkeley Linguistics Society. 1975. Vol. 1. P. 123–131.

142. Fitch W. T. The Evolution of Language / W. T. Fitch. New York: Cambridge University Press, 2010. 611 p.

143. Johnson M. Philosophical Implications of Cognitive Semantics Text / M. Johnson // Cognitive Linguistics. 1992. Vol. 3. No. 4. P. 345–366.

144. Johnson-Laird P. N. Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness / P. N. Johnson-Laird. Cambridge Mass.; London (England): Oxford University Press, 1983. 513 p.

145. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2, No. 4 (Oct.). P. 458–508.

146. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1986. 614 p.

147. Lakoff G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. Originally published. Chicago : University of Chicago Press, 1980.

148. Lakoff G. *More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor* / G. Lakoff, M. Turner. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1989. 237 p.

149. Lakoff G. *More Than Cool Reasons; A Field Guide to Poetic Metaphor* / G. Lakoff, M. Turner. Chicago, published by University of Chicago Press, 1989. 537 p.

150. Lehrer A. *Semantic Fields and Lexical Structure* / A. Lehrer. Amsterdam ; London, 1974. 268 p.

151. Lyons J. *Semantics in 2 Volumes [Text]* / J. Lyons. London et al : Cambridge University Press, 1977. Vol. 1. 372 p.

152. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. P. 1–28.

153. Rosch E., Mervis C., Gray W. *Basic objects in natural categories* / E. Rosch, C. Mervis, W. Gray // *Cognitive Psychology*. 1976. Vol. 8. P. 382–439.

154. Radden G. *Towards a Theory of Metonymy* / G. Radden, Z. Kövecses // *Metonymy in Language and Thought* / ed. by Panther K.-U. and Radden G. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1999. P. 17–59.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ.....	5
ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО СПОСОБА УСТРОЙСТВА МИРА.....	7
Глава 1 КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ РУССКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА	
1.1 Пространственный концепт <i>линия</i>	27
1.2 Концепт <i>угол</i> в русской языковой картине мира.....	55
1.3 Концепт <i>степь</i>	81
Глава 2 ФРАГМЕНТЫ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ	
2.1 Специфика релятивного социального времени (на материале лексемы <i>время</i>)	99
2.2 Концепт <i>завтра</i> в русской лингвокультуре.....	111
2.3 Образ времени и способ его репрезентации в художественном произведении (на материалах повести Е. Гришковца «Реки»).....	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
ЛИТЕРАТУРА	156

Научное издание

Екатерина Александровна Бардамова

ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Монография

Дизайн обложки А. Г. Мельникова

Редакторы Е. П. Евдокимова, Д. Н. Гармаева

Компьютерная верстка Н. Ц. Тахинаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 25.11.19. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 500. Заказ 203.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а